

В. Ф. РОМАНОВ

СТАРОРЕЖИМНЫЙ ЧИНОВНИК

из личных воспоминаний
от школы до эмиграции
1874–1920 гг.

Владимир Федорович Романов Старорежимный чиновник. Из личных воспоминаний от школы до эмиграции, 1874–1920 гг.

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64855287

Старорежимный чиновник (из личных воспоминаний от школы до эмиграции. 1874–1920 гг.): Нестор-История; СПб.; 2019

ISBN 978-5-4469-1636-8

Аннотация

Владимир Федорович Романов (1874–1929), делая успешную чиновничью карьеру, служил в Земском отделе МВД, Управлении внутренних водных путей и шоссейных дорог МПС и Переселенческом управлении Главного управления землеустройства и земледелия, а в годы Первой мировой войны, революции 1917 г. и Гражданской войны являлся одним из руководителей находившегося в Киеве Комитета Российского общества Красного Креста на Юго-Западном фронте. Значение воспоминаний В. Ф. Романова объясняется тем, что в них мемуарист попытался создать повествование не только о самом себе, т. е. индивидуальную биографию, но и коллективную

биографию старорежимного, царского чиновничества конца XIX – начала XX в., причем всех его уровней – низшего, среднего и высшего. Воспоминания Романова – в полном смысле слова апология, т. е. произведение, нацеленное на оправдание и защиту, в данном случае – старорежимного чиновничества. Оно, в лице Романова, благодаря его литературному таланту, обрело своего непревзойденного бытописателя, представившего «людей 20-го числа» (когда чиновники получали жалованье) реальными, живыми личностями, с их достоинствами и недостатками.

Помимо апологии царской бюрократии, сквозь воспоминания Романова красной нитью проходит тема украинского вопроса, поскольку в родственном и служебном отношениях он был тесно связан с Украиной и, прежде всего, с Киевом, где провел детство и юность, пережил Первую мировую войну, а в 1918–1919 гг. – ужасы петлюровского и большевистского террора. Воспоминания Владимира Федоровича Романова адресованы как специалистам, так и широкому кругу читателей. Издание снабжено обширными комментариями, документальными приложениями и аннотированным именным указателем.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

Куликов С. В.	6
Шилов Д. Н.	39
Старорежимный чиновник (из личных воспоминаний от школы до эмиграции. 1874–1920 гг.)	45
Предисловие	47
Часть I. Воспитание и образование	49
Глава 1. Дома и в гимназии (1874–1893 годы)	49
Глава 2. Окончание гимназии. Университет (1893–1897 годы)	171
Конец ознакомительного фрагмента.	179

**Владимир
Фёдорович Романов
Старорежимный
чиновник (из личных
воспоминаний от школы до
эмиграции. 1874–1920 гг.)**

© Издательство «Нестор-История», оформление, 2019

Куликов С. В.

Апологет царского чиновничества. Дела и дни Владимира Романова

Многие поколения российской и зарубежной читающей публики воспринимали и воспринимают царское чиновничество сквозь призму творчества Н. В. Гоголя и особенно М. Е. Салтыкова-Щедрина, хотя, согласно элементарным законам литературного творчества, созданные ими персонажи, даже если они имеют прототипы, относятся не столько к исторической, сколько к искусственной, виртуальной реальности, сотворенной этими гениальными писателями. Между тем революция 1917 г. в высшей степени актуализировала вопрос о степени адекватности Хлестаковых и Угрюм-Бурчеевых дореволюционным реалиям. В августе 1918 г. П. Б. Струве признавался: «В настоящий момент, когда мы живем под властью советской бюрократии и под пятой Красной гвардии, мы начинаем понимать, чем были и какую культурную роль выполняли бюрократия и полиция низвергнутой монархии. То, что у Гоголя и Щедрина было шаржем, воплотилось в ужасающую действительность русской революционной демократии»¹. Струве вторила его бывшая коллега

---

¹ Струве П. Б. Исторический смысл русской революции и национальные задачи // Вехи. Из глубины. М., 1991. С. 487.

по ЦК Конституционно-демократической партии А. В. Тыркова, которая, уже в эмиграции, писала, что в Российской империи второй половины XIX – начала XX в. «жизнь брала свое, и мало-помалу выработался новый тип чиновника, честного, преданного делу, не похожего на тех уродов дореформенной России, которых описывали Гоголь и Щедрин. Мы их оценили только тогда, когда революция разогнала и искоренила старый служилый класс»². Уникальность воспоминаний В. Ф. Романова, предлагаемых вниманию читателей, объясняется тем, что в них мемуарист, отталкиваясь от тех же посылов, что и Струве с Тырковой, попытался создать повествование не только о самом себе, т. е. индивидуальную биографию, но и коллективную биографию царской бюрократии конца XIX – начала XX в., причем всех ее уровней – низшего, среднего и высшего. Воспоминания Романова – в полном смысле слова апология (от древнегреческого «ἀπολογία» – «оправдание»), т. е. произведение, нацеленное на оправдание или защиту кого- или чего-либо, в данном случае – на оправдание и защиту старорежимного чиновничества. Оно, однако, под пером Романова предстает перед нами со всеми своими достоинствами и недостатками, в виде реальных, живых людей, а не шаржей, пусть даже гениальных. Причины того, что именно Романов взялся за такую задачу, коренятся в его делах и днях...

Владимир Федорович Романов родился 4 марта в Киеве и

---

² Тыркова А. В. То, чего больше не будет. На путях к свободе. М., 1998. С. 240.

был крещен 19 марта 1874 г. в Киево-Новостроенской Троицкой церкви. По своему сословному происхождению Романов являлся разночинцем – его отец, Федор Михайлович Романов, на момент рождения старшего сына имел чин коллежского регистратора (самый низкий чин по «Табели о рангах» – 14-го кл.) и служил в Киевском окружном интендантском управлении. Мать новорожденного – Дарья Владимировна – происходила из дворянского рода Волжиных. Восприемниками младенца, крещеного протоиереем Алексеем Колосовым, стали прапорщик 2-го полевого инженерного управления Иосиф Борисович Федоров и вдова коллежского советника Надежда Ивановна Волжина, бабушка Володи по матери³. Позднее В. Ф. Романов значился как «сын титулярного советника»⁴ (чин 9-го кл.). Не сделав блестящей карьеры, Федор Михайлович Романов поднялся до чина лишь надворного советника (7-го кл.) и дослужился до скромной должности старшего помощника по 4-му участку в городе Бендеры надзирателя 1-го округа Бессарабского губернского акцизного управления⁵. От супруги, Дарьи Владимировны,

---

³ ЦГИА СПб. Ф. 14 (Санкт-Петербургский университет). Оп. 3. Д. 30769 (листы дела не нумерованы). Материалы данного дела, как и дела, упоминаемого в следующем примечании, предоставлены Д. Н. Шиловым, которому публикатор выражает за это свою признательность.

⁴ Формулярный список В. Ф. Романова. 20 января 1914 г. // РГИА. Ф. 391 (Переселенческое управление Министерства земледелия). Оп. 7. Д. 3008 (О службе чиновника особых поручений коллежского асессора В. Ф. Романова). Л. 118 об.

⁵ Бессарабский адрес-календарь на 1882 г. Кишинев, 1881. С. 121.

Ф. М. Романов имел еще одного сына и дочь. Алексей Федорович Романов (1875–1924) получил известность, поскольку в 1917 г. являлся членом Президиума Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства и в эмиграции опубликовал нелицеприятный отчет о ее деятельности⁶. Огромное влияние на формирование личности В. Ф. Романова оказала его мать – она была «довольно известной малороссийской писательницей», которой «“украинцы” очень гордились»⁷. Однако своему сыну Д. В. Романова, считавшая Украину (точнее, в терминах того времени, Малороссию) нераздельной частью России, привила любовь прежде всего к русской литературе. В результате В. Ф. Романов, который с рождения говорил исключительно по-украински, позднее, в юности, отменно знал русский язык, а украинский – только понимал. С другой стороны, имея музыкальное образование и обладая прекрасным голосом и большими артистическими способностями, Дарья Владимировна входила в Бендерский театральный кружок. Его членами были двоюродная сестра Д. В. Романовой, М. К. Хлыстова, и братья И. К., Н. К. и А. К. Тобилевичи, получившие известность как основатели украинского профессионального оперного и драматического театра под сценическими фамилиями «Заньковецкая» и «Карпенко-Карый», «Садовской» и «Саксаганский». Показатель-

---

⁶ См. Приложение № 4 к настоящему изданию.

⁷ *Татищев А. А. Земля и люди. В гуще переселенческого движения (1906–1921).* М., 2001. С. 295, 307–308.

но и другое – лучшие годы детства В. Ф. Романова прошли в имении матери Гладышево Радомысльского уезда Киевской губернии, в двадцати верстах от городка Чернобыль на реке Припяти. Здесь на маленького Володю влияние в сугубо русском духе оказывала его широко образованная бабушка – Надежда Ивановна Волжина, по причине чего Володя являлся типичным маменькиным сынком, но еще более – бабушкиным внуком. Таким образом, уже в детстве В. Ф. Романов невольно оказался как бы на острие украинского вопроса, тема которого, наряду с апологизированием царского чиновничества, проходит красной нитью сквозь его воспоминания.

Необходимо сразу оговориться, что В. Ф. Романов, как и подавляющее большинство его современников из Великой-россии и Малороссии конца XIX – начала XX в., видел в украинцах (или малороссах) не особый народ, а часть единого русского народа. «В настоящее время, – писал в 1933 г. в эмиграции известный адвокат и общественный деятель Г. Б. Слиозберг, – мы постоянно слышим о вопросе украинском... То, что в настоящее время составляет предмет довольно острых дискуссий, представляется, однако, явлением новым, до революции неизвестным. <...> Трудно было бы указать точно этнографические границы Украины. Даже язык украинский не мог бы служить отличительным признаком для распределения географических или демографических частей между Россией и Украиной. Тот украин-

ский язык или, вернее, диалект, который встречается в Киевской, Екатеринославской, Черниговской и Полтавской губерниях, причисляемых бесспорно к Украине, является языком смешанным, даже иногда с преобладанием русского над украинским. Ни в смысле этническом, ни в смысле политическом Украина прежде не выделялась из общего состава Российской империи». «Русская политика, – подчеркивал Слиозберг, – содержала лишь один момент борьбы против возможной пропаганды Галицийской Украины или Австро-Венгрии, а именно – борьбу против распространения украинской литературы и языка». Однако «политика правительства в отношении украинского языка не вызвала развития особых националистических тенденций в населении украинских губерний. Вопросы о самостоятельности Украины и даже об автономии, о соединении русских частей с Закарпатской Русью не существовало. <...> Украинские провинции не составляли того, что мы ныне называем частями территории, населенными национальным меньшинством. В отношении политическом Украина никогда и ничем не отличалась от остальной России. Этим и объясняется то, что до войны и до революции украинского вопроса, как политического, не существовало. Обострение его является последствием не нормального развития и не культурных постулатов, а политическим последствием Великой войны и революции... Но как бы то ни было, заявление некоторых украинских политиков в настоящее время о том, что Украина была угне-

тена прежним режимом, решительно не соответствует действительности, ибо никакого особого режима в отношении Украины не существовало, кроме вышеприведенного отношения к украинскому языку»⁸. В сущности, со Слиозбергом согласен современный исследователь, полагающий, что преувеличивать силу украинского национального движения начала XX в. «не стоит», поскольку вплоть до революции 1917 г. «оно так и не стало массовым» и, например, в 1903 г. все его активисты могли поместиться в двух пассажирских вагонах⁹. Неудивительно, что к деятельности «галицийских украинцев» В. Ф. Романов, будучи «русским украинцем», относился более чем отрицательно.

Получив блестящее домашнее воспитание и образование, в 1883 г. Володя был определен в Благородный пансион при 1-й Киевской классической гимназии, самой престижной гимназии из всех средних учебных заведений дореволюционного Киева. Аттестат об окончании им 1-й Киевской гимназии датирован 15 июня 1893 г. По окончании гимназии Романов представлял собой молодого интеллектуала, отличавшегося знанием нескольких языков, русской и зарубежной литературы, особенно – драматургии, и музыки, прежде всего – оперной, и умевшего, как его мать и бабушка, вир-

---

⁸ Слиозберг Г. Б. Дореволюционный строй России. Париж, 1933. С. 93–94, 94–95.

⁹ Миллер А. И. «Украинский вопрос» в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX в.). СПб., 2000. С. 231.

туозно музицировать на рояле. В 1893 г. Романов поступил на Юридический факультет Киевского университета, однако проучился на нем только два семестра, но не потому, что ученье не пошло ему впрок. Наоборот, в мае 1894 г. на полукурсовом экзамене он, к примеру, получил: «5» – по истории римского права и «4» – за общую часть системы римского права и по энциклопедии права. Дело в том, что Романов решил, и довольно неожиданно, стать китаистом и перевестись на Восточный факультет Петербургского университета. Прошение о переводе на Китайское отделение упомянутого факультета он подал 16 июня 1894 г., а уже 13 июля отношение ректората Университета Св. Владимира полетело в столицу. Появление Романова в стенах Восточного факультета произошло «вследствие того, что, – как писал Романов 31 августа 1894 г. в прошении на имя ректора Петербургского университета, – [я] интересуюсь литературой и историей Востока»¹⁰. Зачисление киевлянина на Восточный факультет последовало 1 сентября 1894 г., и он, даже чуть ли не на спор (!), успел выучить азы китайского и монгольского языков, однако 22 сентября все того же 1894-го подал прошение о переводе на 3-й семестр Юридического факультета – экстравагантный интеллектual явно посерьезнел. Курс этого факультета Романов окончил 13 марта 1897 г. с дипломом 1-й ст., что, при поступлении на государственную службу, сразу обеспечивало ему получение чина 10-го кл. (коллежско-

---

¹⁰ ЦГИА СПб. Ф. 14 (Санкт-Петербургский университет). Оп. 3. Д. 30769.

го секретаря). По состоянию здоровья (астигматизм правого глаза) Романов был освобожден от исполнения воинской повинности и зачислен в ратники ополчения 2-го разряда. Еще на студенческой скамье он решил, если не получится стать офицером, делать чиновничью карьеру в МВД.

Благодаря давнему знакомству Н. И. Волжиной с тогдашним председателем Комитета министров И. Н. Дурново, ранее занимавшим пост министра внутренних дел, у Романова появилась возможность поступления в только что созданное и потому модное Переселенческое управление МВД. Однако при представлении товарищу министра внутренних дел князю А. Д. Оболенскому чиновник-абитуриент заявил, что, стремясь работать по крестьянскому делу, не желал бы попасть в Переселенческое управление, т. к. не может расстаться с родными и друзьями. В ответ Оболенский посоветовал Романову поступить в Земский отдел МВД, и приказом по гражданскому ведомству от 19 февраля 1898 г. он был причислен к МВД и откомандирован в Земский отдел с 31 января того же года. Несмотря на свое название, этот отдел не имел ничего общего с земством, т. е. с местным самоуправлением, ведая всем обширным крестьянским делом. Управляющий Земским отделом Г. Г. Савич назначил Романова в его 3-е Делопроизводство, которое возглавлял С. В. Корвин-Круковский, однако будущим покровителем начинающего чиновника оказался не Савич или Корвин-Круковский, а помощник управляющего Земским отделом Б. Е. Иваниц-

кий¹¹. 3-е Делопроизводство ведало, помимо прочего, вопросами об ответственности около шести тысяч земских начальников, которые с 1889 г. осуществляли контроль за органами крестьянского самоуправления. В. И. Гурко, преемник Савича на посту управляющего Земским отделом, несомненно, имел в виду и Романова, когда вспоминал: «Стремлением улучшить должность земских начальников и направить их деятельность в русло строгой законности были вообще преисполнены все служащие Земского отдела»¹². Впрочем, 8 декабря 1898 г. Романова назначили младшим помощником делопроизводителя 8-го Делопроизводства, ведавшего инородцами Азиатской России и евреями-колонистами. По поручению начальника этого делопроизводства, И. И. Крафта, Романов дни напролет проводил в Публичной библиотеке, где на основании всех имеющихся литературных источников составил 1000-страничную рукописную «справку» по истории, правовому положению и быту азиатских народов Российской империи. Очевидно, не только за выслугу лет, но и за служебное усердие 19 февраля 1901 г. чиновника-интеллектуала произвели в чин титулярного советника со старшинством с 31 января того же года. Хотя – не сумев установить нормальных отношений с излишне темпераментным

---

¹¹ Подробнее о нем см.: *Куликов С. В.* Иваницкий Борис Евгеньевич // Государственный совет Российской империи. 1906–1917. Энциклопедия. М., 2008. С. 102.

¹² *Гурко В. И.* Черты и силуэты прошлого. Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника. М., 2000. С. 179.

Савичем, не менее темпераментный Романов ушел из Земского отдела и вообще из МВД. Что называется – хлопнул дверью!

Молодой чиновник 18 ноября 1901 г. по собственному желанию был переведен... в МПС, в Управление водяных и шоссейных сообщений и торговых портов¹³ и назначен на место старшего помощника делопроизводителя Отдела водяных и шоссейных сообщений с 6 ноября. Решение Романова могло показаться неожиданным только на первый взгляд, поскольку с 1 октября 1899 г. начальником упомянутого подразделения МПС был Б. Е. Иваницкий, который и пригласил своего бывшего подчиненного по Земскому отделу в МПС. Покровительство Иваницкого Романову предопределило ускорение его чиновной карьеры в Управлении внутренних водных путей и шоссейных дорог – уже 4 февраля 1903 г. Романова назначили старшим помощником делопроизводителя Эксплуатационного отделения (с 21 января), 7 июля того же года – старшим помощником делопроизводителя Счетной части (с 20 июня), наконец, 3 ноября 1903-го – чиновником 7-го кл. для особых поручений при Управлении с откомандированием в Юридическую часть. Находясь на последней должности, Романов непосредственно участвовал в составлении, помимо прочего, Положения об эксплуатации силы падения воды, законодательного акта, который

---

¹³ С 7 ноября 1902 г. – Управление внутренних водных путей и шоссейных дорог МПС.

должен был устранить правовые преграды для отчуждения государством речных берегов, находившихся в частной собственности, в целях устройства между ними гидроэлектростанций. Уже тогда, в начале 1900-х, задолго до большевиков, именно в Управлении внутренних водных путей и шоссейных дорог был поставлен ребром вопрос о необходимости сооружения сети мощных гидроэлектростанций, в том числе – Днепрогэса, и начаты соответствующие подготовительные работы. В 1903–1905 гг. службу в МПС Романов сочетал с деятельностью в корпорации помощников присяжных поверенных, но не настолько, чтобы это могло помешать его дальнейшей карьере. Если 25 октября 1904 г. Романова произвели в коллежские асессоры (чин 8-го кл.) за выслугу (со старшинством с 31 января того же года), то 12 сентября 1905 г. его назначили чиновником особых поручений 6-го кл. при Управлении, а 2 апреля 1906 г. произвели в надворные советники (чин 7-го кл.) уже «за отличие» (со старшинством с 31 января).

В Земском отделе В. Ф. Романов не пришелся ко двору Г. Г. Савичу, в Управлении же внутренних водных путей и шоссейных дорог Романову самому наскучило место его службы. Сблизившись через Б. Е. Иваницкого с бывшим старшим сослуживцем по Земскому отделу МВД Г. В. Глинкой, ставшим 30 сентября 1905 г. начальником Переселенческого управления Главного управления землеустройства и земледелия (ГУЗиЗ), Романов, всегда мечтавший ра-

ботать по крестьянскому делу, перешел в это ведомство. В сентябре 1906 г. Глинка писал главноуправляющему землеустройством и земледелием князю Б. А. Васильчикову: «Решился взять в Переселенческое [управление] на 3000 руб. лично мне известного Романова, служившего в Земском отделе, потом – в Управлении водных сообщений. Испрашиваю Вашего согласия, которое буду считать последовавшим в случае неполучения запрещения на этой неделе»¹⁴. В результате 14 октября 1906 г. Романов был переведен в ГУ-ЗиЗ чиновником особых поручений 6-го кл., с поручением исполнять обязанности делопроизводителя центрального учреждения ГУЗиЗ с 10 октября, но с ежегодным содержанием – в 2400 руб. Романова сделали начальником 5-го Делопроизводства, ведавшего переселением на Дальний Восток (в Амурский и Приморский районы) и на Кавказ. Так волею судьбы Романов оказался-таки в том ведомстве, куда в начале своей службы он поступать не хотел. «С окончанием Японской войны, – вспоминал сослуживец Романова И. И. Тхоржевский, – подошла вплотную очередь для Сибири. Свыше полумиллиона душ стало переходить туда ежегодно, тесня старожилое население. Миллионы десятин надо было спешно “подавать” ежегодно. Местами население Сибири удваивалось. В то время не говорили “догнать и перегнать

---

¹⁴ Телеграмма Г. В. Глинки – А. В. Кривошеину. Не позднее 30 сентября 1906 г. // РГИА. Ф. 391 (Переселенческое управление Министерства земледелия). Оп. 7. Д. 3008. Л. 2.

Америку», но масштабы и темпы колонизационной работы пришлось взять рекордно-американские. При отсутствии в Сибири земства и общей отсталости сибирской администрации Переселенческое управление занималось всем: проводило дороги, торговало молотилками, строило больницы, копало колодцы, корчевало и осушало, сооружало церкви, посылало в глушь – крестить и хоронить – разъездные причты»¹⁵. Еще более актуальным было ускоренное освоение (или, как тогда говорили, колонизация) Дальнего Востока.

Упрочению служебного положения В. Ф. Романова способствовало то, что 2 августа 1907 г. тогда уже сенатор Б. Е. Иваницкий был назначен товарищем (заместителем) главноуправляющего землеустройством и земледелием. Романову, вспоминал другой его сослуживец, Иваницкий «говорил “вы”, но дружески с ним подчас ссорился и бранился; вообще, отношения у них были скорее дружеские, чем чисто служебные»¹⁶. Появление в ГУЗиЗ Иваницкого сразу отразилось на Романове: 1 ноября 1907 г. его содержание довели до 2800 руб., 18 ноября того же года его назначили представителем ГУЗиЗ в Совещании по вопросу о содержании пароходных сообщений на Дальнем Востоке, 9 января 1908 г. – в Особый комитет по организации прибрежной обороны на Дальнем Востоке, 24 января того же года – в Особое сове-

---

¹⁵ *Тхоржевский И. И.* Последний Петербург. Воспоминания камергера. СПб., 1999. С. 124–127.

¹⁶ *Татищев А. А.* Указ. соч. С. 72.

щение при МПС для обсуждения проектов договора с Китаем о плавании по рекам Амурского бассейна и регламента о судоходстве и судоходном надзоре, а 1 августа 1908 г. содержание Романова повысили до обещанных 3000 руб. Карьере Романова содействовало то, что 6 июня 1908 г. Николай II утвердил закон о начале постройки Амурской железной дороги, которой надлежало стать главной магистралью Дальнего Востока. Для исследования колониционного потенциала будущей железной дороги Иваницкий, с высочайшего повеления, был командирован на Дальний Восток, Романов же 12 сентября 1908 г. назначен в его распоряжение. В октябре – ноябре Романов вел журнал заседаний совещания Иваницкого с приамурским генерал-губернатором П. Ф. Унтербергером и его подчиненными. В опубликованном виде журнал Хабаровского совещания составил более 200 страниц¹⁷. В награду 1 января 1909 г. Романов был произведен в коллежские советники «за выдающиеся отличия» со старшинством с 31 января 1907 г. Позднее, 2 сентября 1909 г., Иваницкий командировал Романова в Хабаровск в распоряжение Унтербергера для участия в заседаниях совещаний под председательством приамурского генерал-губернатора и для исполнения его отдельных поручений по переселенческому делу.

---

¹⁷ Журнал совещания по вопросам, касающимся колонизации Дальневосточных областей, образованного в г. Хабаровске, при участии Высочайше командированного на Дальний Восток товарища главноуправляющего землеустройством и земледелием сенатора Иваницкого. СПб., 1908.

В. Ф. Романов, никогда не замыкавшийся в узкой специализации, всегда мыслил широкими государственными категориями, а потому мечтал о том, чтобы во главе колонизации Дальнего Востока находился бы особый высший орган, и даже разрабатывал соответствующий проект. Этот орган, своего рода – Министерство колоний, должен был, по мысли Романова, объединять руководство всеми отраслями колонизационного дела в регионе, опираясь на данные всестороннего исследования колонизационного потенциала Дальнего Востока, для чего следовало послать туда особую экспедицию. Пока Романов находился в дальневосточной командировке, его мечта сбылась – 27 октября 1909 г. Николай II учредил под председательством П. А. Столыпина Комитет по заселению Дальнего Востока и под руководством томского губернатора Н. Л. Гондатти – Амурскую экспедицию. В связи с этим Романов был отозван из дальневосточной командировки и 15 января 1910 г. возвратился в Петербург. Более того, 22 февраля того же года его назначили чиновником особых поручений 5-го кл. при ГУЗиЗ, а 9 марта, по соглашению главноуправляющего землеустройством и земледелием А. В. Кривошеина с П. А. Столыпиным, Романову поручили исполнять обязанности уполномоченного ГУЗиЗ и управляющего делами (начальника Канцелярии) Амурской экспедиции, командированной «по Высочайшему повелению». Таким образом, Романов стал правой рукой Гондатти в этом важном деле.

Амурская экспедиция, насчитывавшая более ста человек, состояла из уполномоченных заинтересованных ведомств и ученых специалистов по агрономическим, геологическим, гидротехническим, дорожным, лесным, почвенно-ботаническим и статистическим исследованиям. Современные историки Амурской экспедиции пишут о «надлежащей организации работы специалистов различных отраслей знаний» и «высокой квалификации этих специалистов»¹⁸. Первоначально цель Амурской экспедиции состояла в изучении колонизационного потенциала только района Амурской железной дороги и в подготовке предложений по наилучшей постановке колонизационного дела именно в данном районе, однако в ходе экспедиции ее цель была скорректирована в смысле расширения и позднее подразумевала составление плана колонизации всего русского Дальнего Востока. Амурская экспедиция работала в течение 1910–1912 гг., однако Романов время от времени возвращался в Петербург с очередными итогами деятельности экспедиции. В связи с его возвращением в столицу 7 февраля 1911 г. чиновник МВД С. Н. Палеолог вспоминал: «В Петербург вернулась с В. Ф. Романовым Амурская экспедиция, посланная Столыпиным для исследования всех сторон жизни Дальнего Востока»¹⁹.

---

¹⁸ Демьяненко А. Н., Дятлова Л. А. Общий замысел Амурской экспедиции 1910 г. и краткий обзор ее Трудов // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2010. № 3 (14). С. 8.

¹⁹ Палеолог С. Н. Около власти. Очерки пережитого. М., 2004. С. 168.

Заслуги Романова его начальство оценило по достоинству: 28 марта 1911 г. его произвели за выслугу в статские советники (чин 5-го кл.) со старшинством с 31 января. Для Амурской экспедиции Романов оказался незаменимым человеком, и в феврале 1911 г. Н. Л. Гондатти, теперь уже – приамурский генерал-губернатор, телеграфировал А. В. Кривошеину: «Очень прошу оставить управляющим делами экспедиции Романова, который был очень полезен»²⁰. П. А. Столыпин, как председатель Комитета по заселению Дальнего Востока, согласился с Гондатти и 27 марта предложил А. В. Кривошеину продлить полномочия его подчиненного²¹. В результате 26 апреля 1911 г. Романову было поручено продолжать исполнение обязанностей начальника Канцелярии Амурской экспедиции вследствие ее продления с 1 марта. Между тем заслуженные награды сыпались на Романова почти как из рога изобилия: 30 июля 1911 г. за Амурскую экспедицию он удостоился «Высочайшего благоволения», 25 марта 1912 г. – награжден орденом Св. Анны 2-й ст. Покровительство со стороны начальства не превратило Романова в оппортуниста, свидетельством чего является его, написанное 17 октября 1911 г. в критическом духе, письмо-доклад

---

²⁰ Телеграмма Н. Л. Гондатти – А. В. Кривошеину. Февраль 1911 г. // РГИА. Ф. 391 (Переселенческое управление Министерства земледелия). Оп. 7. Д. 3008. Л. 52.

²¹ П. А. Столыпин – А. В. Кривошеину. 27 марта 1911 г. // РГИА. Ф. 391 (Переселенческое управление Министерства земледелия). Оп. 7. Д. 3008. Л. 54.

начальнику Переселенческого управления Г. В. Глинке²². В составе Амурской экспедиции Романов возвратился в Петербург 1 мая 1912 г.

Современные историки дают самую высокую оценку итогам деятельности Амурской экспедиции, которой «удалось дать квалифицированные ответы на вопросы, поставленные Комитетом Дальнего Востока о колонизационной ценности района Амурской железной дороги»²³. Более того, от экспедиции «правительство и местная власть получили не только вполне объективную оценку состояния экономики региона, но и оценку социальных и экономических последствий строительства Амурской железной дороги»²⁴. Многотомные труды Амурской экспедиции стараниями В. Ф. Романова были весьма оперативно подготовлены к публикации и изданы в 1911–1913 гг.²⁵ Характеризуя труды экспедиции, исследователи отмечают: «В силу высокой квалификации, профессиональной и личной добросовестности авторов, входящие в эту серию работы и сегодня могут по праву считаться эталонами качества для исследований в соответствующих областях дальневосточного регионоведения»²⁶. Сам Романов,

---

²² См. Приложение № 2.

²³ *Дубинина Н. И.* Приамурский генерал-губернатор Н. Л. Гондатти. Хабаровск, 1997. С. 40.

²⁴ *Демьяненко А. Н., Дятлова Л. А.* Указ. соч. С. 8.

²⁵ См. Приложение № 1.

²⁶ От редакции // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2010. № 3 (14). С. 5.

совместно с Н. Л. Гондатти, составил «Общий отчет» Амурской экспедиции, в котором описаны ее цели, задачи и методы, организация работ экспедиции и их предварительные результаты²⁷. Лично Романов написал на основе «Общего отчета» «Свод первоочередных мер»²⁸ – о ни стал планом правительственной политики на Дальнем Востоке в последующие годы. Отчет и Свод свидетельствует о том, что «мы, – подчеркивают А. Н. Демьяненко и Л. А. Дятлова, – имеем перед собой, возможно, один из первых в отечественной истории план колонизации мегарегиона. Причем речь идет о разработке того, что сейчас стало модным называть региональной стратегией»²⁹. Романов также написал работу, посвященную конкретному экономическому району, а именно – Николаевскому району Приморской области³⁰. По мнению А. Н. Демьяненко и Л. А. Дятлова, «исследование это может быть отнесено к одному из первых, в рамках которого широко использовались качественные методы социологического исследования». Заключавший работу Романова колонизационный план, «Свод мероприятий по колонизации Никола-

---

²⁷ [Гондатти Н. Л., Романов В. Ф.] Общий отчет Амурской экспедиции за 1910 год. СПб., 1911.

²⁸ [Романов В. Ф.] Свод первоочередных мер на Дальнем Востоке. Составлено по Общему отчету Амурской экспедиции за 1910 г. СПб., 1911.

²⁹ Демьяненко А. Н., Дятлова Л. А. Указ. соч. С. 9.

³⁰ Нужды Николаевского района Приморской области. Отчет о командировке в Николаевский район чиновника особых поручений V класса при Переселенческом управлении В. Ф. Романова. СПб., 1911.

евского района Приморской области», те же исследователи рассматривают «как вполне логически выстроенную концепцию развития экономики региона, скажем – мезоуровня», концепцию, нацеленную «на создание общих условий, которые мы бы сейчас назвали инфраструктурным обеспечением территории»³¹. Труды Амурской экспедиции не остались втуне. «Огромные и солидные материалы этой экспедиции, – вспоминал С. Н. Палеолог, – были положены в основание ближайших намеченных реформ для оживления богатейшей окраины»³². Более того, по наблюдениям А. В. Ремнева, деятельность Амурской экспедиции связана «с последующим хозяйственным освоением российского Дальнего Востока», «в том числе и в Советский период»³³. Оно и неудивительно: если царская власть и ее бюрократия, констатируют современные исследователи, «нашла в себе политическую волю, силы и средства для осуществления подобного научного проекта», то «ни советское “общенародное”, ни современное “демократическое” и “социальное” государства оказались на это неспособными»³⁴. На примере Амурской экспедиции хорошо видно, кто же в истории России XX в. не на словах, а на деле оказался самым эффективным менеджером! Учи-

---

³¹ Демьяненко А. Н., Дятлова Л. А. Указ. соч. С. 21, 21–22.

³² Палеолог С. Н. Указ. соч. С. 168.

³³ Ремнев А. В. Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX – начала XX в. Омск, 2004. С. 487.

³⁴ От редакции... С. 6.

тывая, что степень эффективности менеджмента определяется достижением наибольшего результата не любой ценой, а с наименьшими издержками...

В 1912 г. произошли события, сильно повлиявшие не только на чиновничью карьеру Романова, но и на его личную жизнь. Б. Е. Иваницкий, покровитель и старший друг Романова, 1 января 1912 г. ушел с поста товарища главноуправляющего землеустройством и земледелием, будучи назначен членом Государственного совета. А 9 сентября 1912 г. Романов в 38 лет женился в Киеве на потомственной дворянке девице Екатерине Дмитриевне Ганзен, 19 лет от роду. Впрочем, работа для Романова продолжала оставаться главным, и, насколько известно, детей от юной супруги он не имел. После ухода Иваницкого Романову оставалось надеяться на поддержку Н. Л. Гондатти, который 7 февраля 1913 г., приехав из Владивостока в Петербурге, возглавил Особое межведомственное совещание по делам Дальнего Востока. С 20 марта по 1 мая 1913 г. Романов заведовал делопроизводством этого совещания. В письме А. В. Кривошеину Гондатти сообщал о Романове, что он «блестяще, как и всегда, выполнял возлагаемые мною на него поручения, связанные с указанным совещанием», и ходатайствовал о «личной» награде³⁵. Однако 31 августа 1913 г. Романов был награжден только светло-бронзовой медалью в память 300-летия Дома

---

³⁵ Н. Л. Гондатти – А. В. Кривошеину. Не ранее 1 мая 1913 г. // РГИА. Ф. 391 (Переселенческое управление Министерства земледелия). Оп. 7. Д. 3008. Л. 110.

Романовых, орден же Св. Владимира 4-й ст. получил лишь 6 апреля 1914 г. Карьера способного и темпераментного чиновника стала замедляться: 5 июня 1913 г. Романова назначили ревизором по межеванию и поземельному устройству поселенцев, но не Дальнего Востока, а четырех сибирских губерний (с 15 мая). Да, 2 августа 1913 г. Романову поручили заведовать делопроизводством по вопросам, подведомственным Канцелярии Комитета по заселению Дальнего Востока. Соответствующий приказ Г. В. Глинки гласил: «Все проекты представлений в высшие государственные учреждения и исполнительных бумаг, заключающих в себе принципиальное разрешение по делам, касающимся землеустройства Азиатской России и дальневосточных вопросов, должны быть предварительно, до преставления их делопроизводителями к надлежащей подписи, просматриваться статским советником Романовым»³⁶. Однако после гибели П. А. Столыпина Комитет по заселению Дальнего Востока почти не работал. Конечно, 30 октября 1913 г. Романову поручили заведование в Переселенческом управлении поземельно-устроительными работами и делами общего характера по дальневосточным вопросам, однако это поручение и в самом деле имело слишком общий характер.

Обиженному чиновнику оставалось довольствоваться

---

³⁶ Приказ Г. В. Глинки по Переселенческому управлению от 20 августа 1913 г. // РГИА Ф. 391 (Переселенческое управление Министерства земледелия). Оп. 7. Д. 3008. Л. 112.

представлением ГУЗиЗ в разного рода межведомственных совещаниях: с 18 марта 1913 г. – в Особой комиссии по рассмотрению условий предоставления графу А. Г. фон Кейзерлингу содержания рейсов между портами Тихого океана в 1914 г. и проекта кондиций содержания этих рейсов после 1 января 1915 г., с 25 июня 1913 г. – в Особом совещании под председательством управляющего Учебным отделом Министерства торговли и промышленности А. Е. Лагорио для обсуждения проекта преобразования Практической восточной академии, учрежденной Императорским Обществом востоковедения, и с 19 ноября 1913 г. – в Межведомственном совещании по делу об учреждении «Сибирско-Монгольского торгово-промышленного акционерного общества». Будучи назначенным 27 января 1914 г. чиновником особых поручений 5-го кл. при главноуправляющем землеустройством и земледелием, Романов ушел из Переселенческого управления и стал исполнять обязанности помощника начальника (вице-директора) другого подразделения ГУЗиЗ – Отдела земельных улучшений, который возглавлялся князем В. И. Масальским. Впрочем, на 1914 г. Романов хорошо зарабатывал, получая 4000 руб. в год (в том числе 1500 руб. – жалования, 1500 руб. – столовых и 1000 руб. – квартирных).

В опубликованном в 1914 г. фундаментальном ведомственном издании «Азиатская Россия» Романов подвел итог своей деятельности как одного из руководителей колониза-

ции Дальнего Востока, написав о нем особый раздел³⁷. «Для нас, – отмечал Романов, – обширные Дальневосточные области представляют первостепенное государственное значение, в особенности потому, что Россия – государство континентальное, с береговой полосой, примыкающей к морям или закрытым, или замерзающим». Всего с 1901 по 1914 г. в Приамурье были поселены 230 200 человек, т. е. в 2,5 раза больше, чем за весь период с 1861 г., когда произошло окончательное присоединение Приамурья к Российской империи, причем к 1914 г. Приамурье могло принять еще свыше 1 млн землепашцев. С 1911 по 1913 г., в результате мер, нацеленных на замену желтого труда русским на Дальнем Востоке туда переехали, на тех же и даже более льготных условиях, что и крестьяне, 150 000 русских рабочих. В результате буквально за считанные года в Амурской области возникли свыше 20 поселков городского типа, которые стали городами еще до революции 1917 г. (например – Алексеевск и Буря) либо после нее³⁸. Естественно, что советская власть все эти потрясающие успехи старорежимного чиновничества приписала исключительно себе, хотя в действительности в данном случае, как и во многих других (с тем же Днепрогэсом), она лишь побиравалась крохами с барского стола старого порядка...

---

³⁷ Романов В. Ф. Дальний Восток // Азиатская Россия. В 3 т. СПб., 1914. Т. 1. Люди и порядки за Уралом. С. 500–531.

³⁸ Романов В. Ф. Указ. соч. С. 501, 524, 531.

В июле 1914 г., с началом Первой мировой войны, карьера Романова сделала крутой поворот – и опять по вине его покровителя Б. Е. Иваницкого, который был назначен председателем Комитета Российского общества Красного Креста на Юго-Западном фронте со штаб-квартирой в Киеве. Иваницкий призвал Романова к себе на пост своего товарища (заместителя). Ю. И. Лодыженскому, начальнику Киевского лазарета Красного Креста имени великого князя Михаила Александровича, Романов, как помощник Иваницкого, запомнился в 1915 г. «чрезвычайно дельным и корректным». Это был, отмечал Лодыженский, «человек неизменно очень тактичный и сдержанный (в противоположность своему начальнику сенатору Иваницкому)». К 1917 г. Романов в глазах Лодыженского принадлежал уже к числу тех деятелей, которые характеризовались им как «выдающиеся работники Красного Креста с общепризнанным авторитетом». После Февральской революции, благодаря тому что Алексей Федорович Романов являлся членом Президиума Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства, Владимир Федорович имел возможность одним из первых ознакомиться с результатами расследования деятельности экс-императора Николая II и императорского правительства. Такие честные члены комиссии, как А. Ф. Романов и В. М. Руднев, должны были признать, что Николай II и представители верхушки старорежимного чиновничества каких-либо преступ-

лений, в том числе и уголовных, не совершали³⁹. Тем не менее Временное правительство продолжало держать под арестом царскую семью и некоторых сановников, утаивая от широкой общественности правду, которая могла роковым образом отразиться на легитимности нового режима.

Пребывание В. Ф. Романова на посту одного из руководителей РОКК, да еще в Киеве, стало, пожалуй, самым драматическим периодом его жизни, если принять во внимание, что в условиях революции 1917 г. и Гражданской войны с **марта 1917 по июнь 1920 г., за тридцать девять месяцев, власть в городе менялась пятнадцать (!) раз**⁴⁰. Все это время, до декабря 1918 г., Романов оставался на своем красно-крестном посту, одновременно, после прихода к власти 29 апреля 1918 г. гетмана П. П. Скоропадского, занимая должность товарища державного секретаря, ведавшего делопроизводством Совета министров, а затем – сенатора Дер-

---

³⁹ См. Приложение № 4 и 5.

⁴⁰ 1) Временное правительство – 2 марта – 7 ноября 1917 г., 2) Украинская центральная рада – 7 ноября 1917 – 26 января (8 февраля) 1918 г., 3) большевики – 26 января (8 февраля) – 1 марта 1918 г., 4) Украинская центральная рада – 1 марта – 29 апреля 1918 г. (по ее приглашению 2 марта в Киев вошли германские войска), 5) гетман П. П. Скоропадский – 29 апреля – 14 декабря 1918 г., 6) Украинская директория – 14 декабря 1918 – 5 февраля 1919 г., 7) большевики – 5 февраля – 30 августа 1919 г., 8) Украинская директория – 30 августа – 31 августа 1919 г., 9) Добровольческая армия – 31 августа – 14 октября 1919 г., 10) большевики – 14 октября – 16 октября 1919 г., 12) Добровольческая армия – 16 октября – 16 декабря 1919 г., 13) большевики – 16 декабря 1919 – 7 мая 1920 г., 14) поляки – 7 мая – 12 июня 1920 г., 15) большевики – с 12 июня 1920 г.

жавного Сената Украинской державы.

Идя на службу к гетману, Романову не надо было кривить душой и изменять России, поскольку хотя Скоропадский и опирался на германо-австрийские войска, но сами эти войска пришли в Малороссию по приглашению не гетмана, а его предшественницы, социалистической Украинской центральной рады. «Великороссы и наши украинцы, – излагал Скоропадский собственное кредо, – создали общими усилиями русскую науку, русскую литературу, музыку и художество, и отказываться от этого своего высокого и хорошего для того, чтобы взять то убожество, которое нам, украинцам, так наивно любезно предлагают галичане, просто смешно и немыслимо. Нельзя упрекнуть Шевченко, что он не любил Украины, но пусть мне галичане или кто-нибудь из наших украинских шовинистов скажет по совести, что, если бы он был теперь жив, отказался бы от русской культуры, от Пушкина, Гоголя и тому подобных и признал бы лишь галицийскую культуру; несомненно, что он, ни минуты не задумываясь, сказал бы, что он никогда от русской культуры отказаться не может и не желает, чтобы украинцы от нее отказались. Но одновременно с этим он бы работал над развитием своей собственной, украинской, если бы условия давали бы ему возможность это делать. Насколько я считаю необходимым, чтобы дети дома и в школе говорили на том же самом языке, на котором мать их учила, знали бы подробно историю своей Украины, ее географию, насколько я полагаю необходимым,

чтобы украинцы работали над созданием своей собственной культуры, настолько же я считаю бессмысленным и губительным для Украины оторваться от России, особенно в культурном отношении. При существовании у нас и свободном развитии русской и украинской культуры мы можем расцвести, если же мы теперь откажемся от первой культуры, мы будем лишь подстилкой для других наций и никогда ничего великого создать не сумеем»⁴¹. Понятно, что Романов мог бы подписаться под каждым словом из приведенной цитаты.

После падения гетманата, с декабря 1918 по август 1919 г., Романов жил в Киеве на подпольном положении, не только в прямом, но и в переносном, точнее – экзистенциальном, смысле, пережив все ужасы петлюровского и большевистского террора. Седьмая, последняя, глава его воспоминаний, посвященная в том числе и этому периоду, своего рода новое издание «Записок из подполья» Ф. М. Достоевского, поражает тонкостью самоанализа и соотносится, по части описания террора, с другими источниками⁴², хотя, конечно, не лишена антисемитских мотивов. Объясняя, почему нельзя считать антисемитскими фразы, которые могли показаться таковыми и которые в январе 1919 г. делегация евреев услышала от председателя Украинской директории В. К. Винниченко по поводу массовых избиений еврейского населения

---

⁴¹ *Скоропадский П. П. Мои воспоминания // Смирнов А. С. Проект «Украина», или Звездный год гетмана Скоропадского. М., 2008. С. 251.*

⁴² См. Приложение № 6.

шомполами, А. Д. Марголин писал: «Вообще, каждого человека надо брать целиком, когда его судят. Нельзя по одной неосторожной фразе составлять суждение. Надо всегда учитывать и *обстановку*, и *момент*, когда эта фраза произносится. Участие еврейства в большевистском движении вывело из состояния душевного равновесия и трезвого, справедливо-объективного отношения к этому вопросу весьма многих испытанных борцов за права и свободу того же еврейского народа»⁴³. В подтверждение своего вывода Марголин сослался на антисемитские пассажи из воспоминаний В. Д. Набокова⁴⁴ и Н. П. Карабчевского⁴⁵. «И если Карабчевские и даже Набоковы, – отмечал Марголин, – могли настолько утратить правильное понимание и оценку всего происходящего и чувство меры и справедливости, если из-под их *пера* появились такие нелепые обвинения (Карабчевский) или такие неудачные выражения (Набоков), то нельзя в таком случае быть очень строгим к неосторожным словам, которые вырвались у Винниченко в *самом начале*, когда вопрос об участии евреев в большевизме еще не был и не мог еще быть основательно изучен и продуман»⁴⁶. Если нельзя быть «очень строгим к неосторожным словам» лидеров Украинской директо-

---

⁴³ Марголин А. Д. Украина и Антанта. Записки еврея и гражданина. М., 2016. С. 260.

⁴⁴ Набоков В. Д. Временное правительство // Архив русской революции. 1921. Т. 1.

⁴⁵ Карабчевский Н. П. Что глаза мои видели. В 2 т. Берлин, 1921. Т. 2.

⁴⁶ Марголин А. Д. Указ. соч. С. 260.

рии, при благосклонном попустительстве которой с декабря 1918 по декабрь 1919 г. произошли 439 еврейских погромов, когда погибли 16 706 человек⁴⁷, то тем более не приходится говорить о строгости по отношению к повествованию Романова, не являвшегося антисемитом и принципиально осуждавшего еврейские погромы.

После прочтения воспоминаний старорежимного чиновника нельзя не признать истинности слов П. Б. Струве. Указав на то, что «обычное ходячее объяснение той катастрофы, которая именуется и впредь будет, вероятно, именоваться русской революцией», заключается, помимо прочего, в ссылке «на “режим” (“старый порядок” и т. п.)», в августе 1918 г. он писал: «Между тем один из замечательнейших и по практически-политической, и по теоретически-социологической поучительности и значительности уроков русской революции представляет открытие, в какой мере “режим” низвергнутой монархии, с одной стороны, был технически удовлетворителен, с другой – в какой мере самые недостатки этого режима коренились не в порядках и учреждениях, не в “бюрократии”, “полиции”, “самодержавии”, как гласили общепринятые объяснения, а в нравах народа или всей общественной среды, которые отчасти в известных границах даже сдерживались именно порядками и учреждениям. Револю-

---

⁴⁷ *Ипполитов С. С.* Деятельность Российского общества Красного Креста на территории Украины, Кубани и Крыма в 1918–1920 гг. // Новый исторический вестник. 2018. № 2. С. 160.

ция, низвергшая “режим”, оголила и разнуздала гоголевскую Русь, обрядив ее в красный колпак, и Советская власть есть, по существу, николаевский городничий, возведенный в верховную власть великого государства. В революционную эпоху Хлестаков как бытовой символ из коллежского регистратора получил производство в особу первого класса, и “Ревизор” из комедии провинциальных нравов превратился в трагедию государственности. Гоголевско-щедринское обличие Великой русской революции есть непререкаемый исторический факт»⁴⁸.

В марте 1920 г. В. Ф. Романов эмигрировал из России в Югославию, где стал правительственным уполномоченным по устройству русских беженцев, председателем Белградского отдела и членом Окружного совета Русской беженской организации в этой гостеприимной стране⁴⁹. Свои воспоминания он написал в 1922 г. Скончался Владимир Федорович от грудной жабы 26 апреля 1929 г. в Белграде в Топчидерской здравнице имени баронессы О. М. Врангель. Его прах покоится на Новом кладбище Белграда⁵⁰. Жизненный путь старорежимного чиновника закончился. Но жизнь его воспоминаний, как читаемого текста, только начинается...

---

⁴⁸ Струве П. Б. Указ. соч. С. 461.

⁴⁹ См. Приложение № 3.

⁵⁰ Романов Владимир Федорович // Чуваков В. Н. Незабываемые могилы. Российское зарубежье: некрологи 1917–2001. В 6 т. Т. 6. Кн. 1. М., 2005. С. 263.

Считаю своим долгом выразить искреннюю благодарность А. В. Дыдычкину и Н. С. Петросян, которые более десяти лет назад абсолютно безвозмездно, в свободное от основной работы время, создали электронный вариант воспоминаний В. Ф. Романова, рецензентам И. В. Лукоянову и А. С. Пученкову и коллегам по Отделу Новой истории России СПбИИ РАН, высказавшим на его заседании ценные замечания при обсуждении подготовленной к изданию рукописи воспоминаний, и членам Ученого совета СПбИИ РАН, утвердившего рукопись воспоминаний к печати.

Шилов Д. Н.

Археографический экскурс

Мемуары Владимира Федоровича Романова «Старорежимный чиновник (из личных воспоминаний от школы до эмиграции, 1874–1920 гг.)» представляют собой машинопись с авторской правкой (477 листов). В настоящее время они находятся в Государственном архиве Российской Федерации (Ф. Р-5881 «Коллекция отдельных документов и мемуаров эмигрантов». Оп. 2. Д. 598).

Данный документ попал в ЦГАОР СССР⁵¹ после окончания Второй мировой войны в числе документов, принадлежащих Русскому зарубежному архиву в Праге.

Русский зарубежный архив в Праге начал формироваться еще в 1923 г. из личных документов белоэмигрантов. В нем собирались и хранились документы и печатные издания, присылаемые русскими беженцами из всех стран (в том числе и из СССР). В итоге Пражский архив стал культурным институтом мирового значения благодаря усилиям многих тысяч наших соотечественников, политике Чехословацкого правительства, которое в 1921 г. начало проводить «Русскую

---

⁵¹ Центральный государственный архив Октябрьской революции, высших органов государственной власти и органов государственного управления. Так назывался ГАРФ до 1992 г.

акцию» – программу помощи русским эмигрантам, а также международным организациям и меценатам. При этом основная поддержка оказывалась не политическим, а научным и культурным деятелям, что предопределило превращение Праги в «русский Оксфорд»⁵². Большинство русских эмигрантов воспринимало Прагу как научную столицу Зарубежной России.

Сюда в начале 1930-х гг. поступили материалы из Белграда (Югославия) от В. Ф. Романова⁵³. В 1945 г. большая часть собраний бывшего отдела документов РЗИА была «передана в дар» СССР, где эти материалы долгие годы находились в режиме секретного хранения. О размере переданного архива говорит тот факт, что для его транспортировки потребовалось 680 больших ящиков, переправляемых в девяти железнодорожных вагонах⁵⁴. Так был сформирован фонд Р-5881 с целью создания коллекции документов, основу которой составляют автобиографии и воспоминания известных политических, общественных, военных деятелей, деятелей культуры и науки эмиграции. Здесь в 1978 г. в состав коллекции были включены малообъемные личные фон-

---

⁵² Ковалев М. В. Научный быт русских историков-эмигрантов в Праге в 1920–1930-е годы: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2009. С. 16–17.

⁵³ Русский заграничный исторический архив в Праге – документация. Каталог собраний документов, хранящихся в пражской Славянской библиотеке и в Государственном архиве Российской Федерации. Составители: Л. Бабка, А. Копршилова, Л. Петрушева. Прага, 2011. С. 125, 128.

⁵⁴ Там же. С. 19.

ды, документы которых вошли во вторую опись фонда 5881 («Коллекция отдельных документов белоэмигрантов (1893–1939 гг.)). Среди них оказались и мемуары В. Ф. Романова. Сюда было включено 388 фондов (объемом не более 10–12 единиц хранения), существовавших ранее самостоятельно. В 1995 г. в состав коллекции была включена 3-я опись, состоящая из переданных в 1965 г. в Отдел хранения документов по истории Российской империи ЦГАОР СССР.

В настоящее время источник имеет жесткий переплет бордового цвета, на лицевой стороне корешка указание номера фонда, описи, дела: «Р-5881-2-598». Повторяется два раза: вверху и внизу. С обратной стороны переплета лист использования документов, в котором значится 8 фамилий с начала 1980-х гг.

Титульный лист, сразу после обложки, – неплотная шероховатая бумага розовато-бордового цвета. Если посмотреть на просвет – видны по всей поверхности водяные знаки округлой формы, напоминающие чешуйки. Вверху в центре написано чернилами: «Романов В. Ф.». В центре титульного листа также написано от руки чернилами: «Романов В. Ф. Старорежимный чиновник. (Из личных воспоминаний от школы до эмиграции, 1874–1920 гг.). Машинописный экземпляр». В правом нижнем углу также чернилами проставлена дата – «1922». В нижнем левом углу титульного листа, с некоторым смещением к центру – стоят три печати архива.

Первая снизу: Центральный государственный архив Ок-

тябрьской революции. Ф. № 6384. Оп. № 1, ед. хр. № 3. Вторая: Центральный государственный архив Октябрьской революции. Ф. № 5881. Оп. № 1, ед. хр. № 580. Третья: Центральный государственный архив Октябрьской революции, высших органов государственной власти и государственного управления СССР. Ф. № 5881. Оп. № 2, ед. хр. № 598.

После титульного листа – оглавление. На оглавлении в верхнем левом углу печать: Русский заграничный архив, Прага № 8123 и дубликат – по-чешски. Такая же печать присутствует на листах 171 и 292 документа. Вверху листа с оглавлением красным карандашом выведена цифра «13» (неразборчиво написана единица), далее, скорее всего, номер ед. хр. – «№ 580», в правом верхнем углу – цифра 1, которая начинает отсчет листов. Оглавление занимает первые четыре листа.

После оглавления идет лист 5, с надписью от руки чернилами на французском и печатью внизу, датированный 21 марта (mars) 1931 г., Франция. Бумага достаточно плотная.

Лист 6 представляет собой напечатанный на машинке текст по-французски, датированный от руки 25 марта (mars) 1931 г. Бумага средней плотности, стандартная. В подписи угадывается фамилия «Романов» и имя. Возможно – «Алексей» или «Александр».

Лист 7 – письмо некоему Виктору Николаевичу от 2 апреля 1931 г. Бумага клетчатая, плотная.

Мемуары набраны на печатной машинке. Судя по тому,

что иногда – неразборчиво, это может оказаться второй или даже третий экземпляр. Некоторые слова и буквы вбиты четко, явно – последующая правка и редакция. Начало глав напечатано не с новой страницы, в то время как начало частей – с новой. В правом верхнем углу дана нумерация красным карандашом. Начиная с 11 листа нумерация в правом верхнем углу идет простым, серым карандашом.

Мемуары напечатаны с одной стороны, на разного типа бумаге. Оглавление мемуаров, а также листы 307–321 и 335–477 – на тонких листах, похожих на кальку. Листы 322–334 напечатаны на листах типа кальки, но матовых, темноватых и шершавых, худшего качества, чем все предыдущие. Существует вставка – страница «254 а» (лист 265), текст на которой напечатан на более плотной и глянцевой бумаге. Все остальные листы напечатаны на стандартной бумаге средней плотности, довольно хорошего качества. Ширина листа несколько отличается от стандартного А4 (короче примерно на 1 см), длина – на 5 см больше.

В тексте употребляются *i*, *яти*. Иногда отдельные буквы вписаны от руки. Иногда есть вставки на полях, карандашом от руки (лист 46). Иногда машинописные буквы перечеркнуты и исправления внесены карандашом (лист 82). Иногда добавлены машинописные слова (последующая вставка), над строчкой (листы 139, 164, 219 и др.) или строчки вымараны (замазаны) и поверх написанного – новая, более четкая надпись машинкой (листы 144, 159 и др.).

Существует машинописная нумерация сверху в центре. Начинается с цифры «2», т. к. на первой – начало первой части. Данная нумерация соответствует 12-му листу, обозначенному карандашом. Иногда машинописная нумерация пропущена и номер страницы вписан карандашом от руки (лист 74). Вставки по-французски вписаны чернилами от руки (листы 76, 201, 210, 225, 447 и др.)

На листе 441 – пятна от какого-то напитка, предположительно – кофе. Большой след от кружки и несколько капель. Последние 6–7 листов – с заломами, помяты. Края листов в некоторых местах потрепаны, однако общее состояние документа – удовлетворительное.

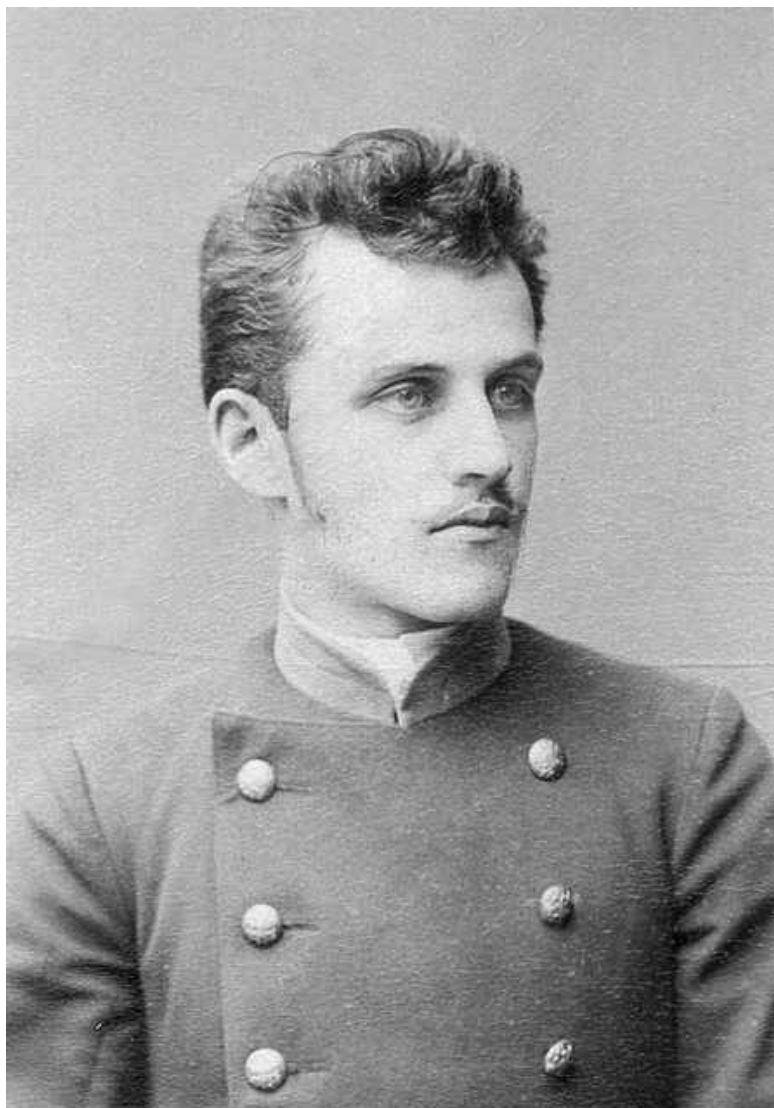
Отрывок из воспоминаний В. Ф. Романова, посвященный Амурской экспедиции 1910–1912 гг., был опубликован д. и. н. К. А. Соловьевым в сборнике мемуаров о П. А. Столыпине⁵⁵.

---

⁵⁵ Романов В. Ф. Историческая миссия на Дальнем Востоке // П. А. Столыпин глазами современников. М., 2008. С. 207–242.

Старорежимный чиновник (из личных воспоминаний от школы до эмиграции. 1874–1920 гг.)

*Памяти дорогих друзей и сослуживцев, погибших
во время смуты.*

Предисловие

Чем более «углублялась русская революция», тем более нам – представителям «старого режима» становилась дороже, во всех мелочах, прежняя «Царская» Россия.

Излюбленным нашим занятием, в особенности вне родины, стало – вспоминать, рассказывать о прошлом, сопоставлять, сравнивать мирное время с пережитой и переживаемой смутой, а также – свое с чужим.

Из таких моих рассказов-воспоминаний составились настоящие записки, которым я дал название «Старорежимный чиновник», как принято теперь называть тех, кто служил во время Империи.

Так как я по своему воспитанию, образованию, служебным занятиям и знакомствам, наконец, даже по первоначально легкомысленному отношению к революционным событиям представляю из себя среднего, а следовательно, вполне типичного русского интеллигента-чиновника эпохи царя Николая II, то, мне кажется, мои личные, частью служебные, частью просто обывательские воспоминания могут дать будущему историку или романисту хотя и скромный, но не лишенный значения материал для характеристики качеств и быта русского служилого класса этой, величайшей в истории России, эпохи.

Современному же русскому обществу мои воспоминания

напомнят о тех положительных качествах нашего царского чиновничества, которые несправедливо и предвзято замалчивались нашей литературой и прессой и ценность которых неизменна при всяком государственном строе.

Эти качества: любовь к человеку и сознательно-добросовестное исполнение принятых на себя обязанностей – особенно ценны теперь, когда на смену им пришли завистливая злоба, вспоенная началами классовой борьбы, и личная нажива, для которой все дозволено атеистическим мирозерцанием марксизма.

Вскрываемые мною недостатки русского чиновника, общие для большинства средней русской интеллигенции, не таковы, чтобы умалить достоинства. Недостатки эти: в отсутствии национальной школы с односторонним преобладанием в нашем воспитании мягких гуманитарных начал в ущерб холодному опыту и в неумении работать размеренно, без излишней впечатлительности, дисциплинированно, одним словом – по-немецки.

Устранить эти недостатки было бы, во всяком случае, легче, чем вновь обрести утерянные с 1917 года достоинства.

В. Романов

Часть I. Воспитание и образование

Глава 1. Дома и в гимназии (1874–1893 годы)

Влияние бабушки и матери. Избалованность и мечтательность; беспорядочное чтение. Малорусский театральный кружок. Разлука с семьей и пансион Киевской 1-й гимназии; пребывание в ней с 1883 по 1893 год. Недостатки преподавания; формализм. Охлаждение к церкви; увлечение утопическими идеалами; безнравственные влияния. Речной спорт; друзья юности; культурно-национальное влияние киевских театров; опера Прянишникова и драма Соловцева. Наши театральные приключения и партийно-национальная борьба.

Родился я в Киеве 4 марта 1874 года. Этот город, начиная с самого его древнерусского названия, всю жизнь был для меня самым любимым и красивым городом в мире. Точно так же на всю жизнь сохранил я пристрастие к сосне, березе, пескам, болоту, груздям и рыжикам, дикой малине у лесных колодцев, т. к. такова скромная, но для меня родная природа Радомысльского уезда, Киевской губ[ернии], в котором находилось имение моей матери Гладышево, верстах в двадца-

ти от городка Чернобыля на р[еке] Припяти, в этом имении прошли лучшие годы моего детства. На всю жизнь осталась у меня и любовь к степям Бессарабии, тоже потому, что в уездном городе Бендерах, где служил в акцизе¹ мой отец, я провел несколько счастливых лет детства.

Главным источником моего детского счастья была моя бабушка Надежда Ивановна Волжина, с которой я в детстве почти не разлучался, а затем всю жизнь был в самых близких дружеских отношениях. Своими основными достоинствами и недостатками я главным образом обязан ей. Это была женщина, воспитанная еще в обстановке крепостного права, некогда с большими средствами, властная, очень много, но без всякого разбора и системы читавшая, представлявшая из себя как бы живой энциклопедический словарь; она не была счастлива в браке, несмотря на высокую образованность ее мужа; долго была духовно одинока и всю силу любви, весь смысл жизни вложила в меня, как старшего ее внука; она очень любила и брата моего и сестру, но все-таки обстоятельства так сложились, что я был к ней всегда сравнительно ближе других. Я чувствовал с первых сознательных дней моей жизни так сильно эту любовь, так воспринимал ее, как нечто необходимое для моей жизни, что, казалось, иначе и не мог бы жить. Когда мне было года три, я, помню, ходил за бабушкой по пятам, даже стоял часто возле уборной в ожидании ее выхода. Наказываем ею я никогда не был; я ясно инстинктивно сознавал силу моего значения для нее,

сознавал, что я ее «любимец», но когда я злоупотреблял таким моим положением и огорчал ее чем-нибудь, высшим наказанием для меня, вероятно, гораздо более сильным, чем какая-нибудь порка, практиковавшаяся в некоторых семьях, было строгое выражение недовольства на лице бабушки, а в особенности признаки слез на ее глазах.

Я не педагог, но чувствую по себе, что любовь – одно из лучших действительных средств воспитания. Первое вполне сознательное чувство, которое проснулось во мне в раннем детстве под влиянием взаимной любви к бабушке – это какое-то особое преклонение перед старостью; я рассуждал чисто эгоистически так, встречаясь с чужими бабушкой или дедушкой: «У них, вероятно, есть тоже внук, такой, как я, которого они любят; значит, их надо любить, помочь им чем-нибудь, чтобы внуку их было хорошо». Из эгоистического чувства постепенно развивалось сознательное желание быть честным, полезным людям вообще. Практическая любовь ко мне бабушки, доставляемые этой любовью жизненные удобства воспитывали мое моральное «я» с несравненно большим успехом, чем ожидавшая меня в будущем холодная прописная мораль различных учителей Закона Божьего, классных наставников и т. п.

На всю жизнь запечатлелись в моей памяти такие два ничтожных мелких случая, повлиявшие на мою душу очень сильно.

Как-то в лесу, в нашем имении в жаркий день мы нашли

кусты земляники или черники, я с братом набросились на них с жадностью – было жарко и хотелось пить; бабушка тоже собирала ягоды и затем отдала все их нам; я инстинктивно почувствовал, что ей приятнее видеть наше удовольствие, чем самой полакомиться ягодами; впервые тогда озарила меня мысль о красоте и смысле не чисто личного животного наслаждения; никакая литература, никакие проповеди в будущем так ярко, как этот простенький случай, не вскрывали передо мной значения альтруизма в жизни людей.

Другой случай – бабушка читала нам вслух какой-то старый английский роман. «Мистер Карлтон» (до сих пор помню фамилию героя и его наружность) и его приятель, отправляясь на прогулку в лес с дочерью местного помещика, обещают последней, что они не будут стрелять при ней; шутя, приятель Карлтона, увидя дичь, снимает ружье и прицеливается; Карлтон его останавливает, ссылаясь на данное обещание. Прочтя это место, бабушка остановилась, приподняла очки на лоб и строго сказала нам: «Вот, запомните, дети, когда вырастете – будьте так же честны в исполнении своих обещаний, как мистер Карлтон».

Под влиянием таких мелочей, которые могут для взрослых показаться совершенно ничтожными, и складываются детские души – но для успеха воспитателя нужна именно действительная большая любовь к воспитываемым и к людям вообще.

Читали я и брат без всякого разбор и наблюдения. У нас

была большая библиотека; бабушка и мать, скучая в уездном городке – Бендерах, открыли библиотеку для общего платного пользования; обычно выдавала книги и давала советы подписчикам бабушка; впоследствии, лет через двадцать, будучи проездом в Бендерах, я слышал похвалу бабушке от одного местного старожила за эту ее деятельность. Пока бабушка была занята с подписчиками, я и брат вытягивали с полки разные книги и читали их наперегонки; к восьми годам я прочел уже очень много; вслух же бабушка читала нам различные страшные и поучительные романы, едва ли имевшие художественное значение. Историческая хроника Дюма, в особенности «Королева Марго»², навсегда осталась моей любимой книгой; помню также, что при чтении некоторых мест «Графа Монте-Кристо»³ бабушка сама вытирала слезы на глазах.

Помню еще, что с самого раннего детства лица Пушкина и Лермонтова были для меня чем-то священным; я подолгу, раскрыв первую страницу их произведений, смотрел на их портреты и даже иногда целовал. Кроме художественной литературы, моей любимейшей книгой была и осталась таковой на всю жизнь «Зоология»⁴ Брема – но, будучи ребенком, я и к зоологии относился с точки зрения художественных настроений, с точки зрения мечты о далеких странах, зверях и птицах, наблюдательность же, настоящее опытное изучение природы от такого чтения во мне не развивались. Бабушки-

но чтение вообще развивало во мне область чувства, будило инстинкты героизма и душевной красоты, но не давало знаний, если не считать многих, но весьма отрывочных исторических и отчасти географических сведений. Это и программа классической гимназии, в которую я был определен в Киеве, предопределили мою судьбу и мои качества как человека, наряду с серьезной работой любившего всегда различные приключения, личную свободу, оригинальных людей, нелегко поддававшегося внешней дисциплине и более всего пригодного не к повседневной практической, а скорее теоретической кабинетной работе.

Романтическое, а не реальное настроение мое особенно ярко сказалось в любимой моей детской игре с братом: один из нас садился на качель, другой, бегая, раскачивал ее и называл себя именем какого-либо животного из сказки; напр[имер], я спрашиваю, кто пришел меня качать; брат отвечает: «Лисичка»; затем появлялся «медведь», «петушок» и т. д.; и вот наступал день, момент печали, какое-то инстинктивное угадывание преходящести всего земного и следующей за ним вечности; задавался вопрос: «Лисичка, ты еще придешь когда-нибудь?» Ответ: «Нет, никогда; это в последний раз я качаю тебя». Я помню, как после такого ответа сжималось сердце, делалось грустно, каждая секунда, проводимая с «лисичкой», казалась дорогой, и, наконец, — «лисичка, прощай, прощай навсегда». По правилам нашей игры попрощавшийся зверь не мог никогда уже более называться

нами. Последнее «прощай» и затем – большая мировая печаль.

Из детского периода моей жизни в г. Бендерах особенно ярким событием является посещение мною впервые театра, произведшее на меня, конечно, потрясающее впечатление. Кружок местных любителей, преимущественно офицеров и их жен, поставил «Наталку-Полтавку»⁵; главные роли исполнялись М. К. Хлыстовой (Наталка), моей матерью (мать) и братьями Тобилевичами; кружок этот по приглашению знаменитого Кропивницкого впоследствии преобразовался в профессиональную труппу; в нее не пошла только моя мать, несмотря не все ее стремление на сцену (у нее был прекрасный голос и большие артистические способности), т[ак] к[ак] этого не пожелал, кажется, мой отец. Кружок дал мощное развитие малорусской драме; он состоял из первоклассных талантов: М. К. Хлыстова, рожд[енная] Адамовская, двоюродная сестра моей матери, прославилась под фамилией Заньковецкой (взятой от названия ее хутора «Заньки»), братья Тобилевичи на сцене приняли фамилии Садовского, Саксаганского и Карпенко-Карого, сделавшиеся гордостью малорусской сцены.

Моя мать, помимо сценических и вокальных способностей, в украинских кругах приобрела имя как поэтесса («Одарка Романова»). Знатоки языка весьма ценили всегда ее чистый, без галицийской полонизации и немецкого производства недостающих слов, язык Черниговщины и Полтав-

щины, а также ее удивительно музыкальный стих. Думаю, что в украинской литературе некоторые из ее стихотворений будут всегда помещаться в школьных хрестоматиях, в качестве образцовых, а народные легенды (напр[имер], «Сватанье мороза») в звучных стихах сохранятся в народе в обработанном их виде. Мать сравнительно с бабушкой меньше занималась нами, но влияние ее на нас тоже было исключительно «романтического», а не реально-материалистического порядка, она привила нам с ранних лет любовь к поэзии и музыке. К чести ее надо отнести, что в ней не было гадкого украинского фанатизма; Пушкина, а не Шевченко, прежде всего она научила нас любить, а от Пушкина – вся моя неискоренимая никакими событиями любовь к России вообще, а не к какой-либо отдельной ее части. По словам матери, первая фраза, которую она от меня услышала после долгой разлуки (я жил с бабушкой под Киевом), была сказана мною по-украински. Мать поздоровалась со мною и сразу за что-то сделала мне какое-то замечание; я обиделся, т[ак] к[ак] никаких замечаний не выносил вообще, и сердито ей заявил: «А я тобі горобчика не спиймаю». Курьезно, что я за всю вообще жизнь не поймал ни одного воробья; значит, уже в три года у меня развилось какое-то самомнение, в стиле «Трех мушкетеров» Дюма⁶, ни на чем не основанная «спесь», как впоследствии прозвала меня одна девочка.

И вот, несмотря на то, что украинский язык, в сущности, был для меня родным, я почти без акцента владел русским

языком, очень всегда его любил и тонко понимал; никогда не пришло бы мне в голову заговорить на киевском волапюке⁷ «я скучаю за тобой» и т. п. Будучи взрослым, живя преимущественно в Петербурге, я, к сожалению, забыл малорусский язык, хотя все, конечно, понимал на нем, напр[имер], посещая малорусскую драму. Я говорю «к сожалению», т[ак] к[ак], по моему убеждению, музыкальная малорусская речь если и не может и не должна являться конкурентом великого русского языка, то во всяком случае имеет все права гражданства, при сравнении, напр[имер], с южнославянскими наречиями, в особенности для красочного изображения народного быта.

От матери, которая юные годы провела в консерватории в Москве⁸, я впервые услышал о Чайковском и московском его ученике Сергее Танееве; тогда только что появился «Евгений Онегин»⁹, мама с бабушкой играли в четыре руки, я ничего не понимал, но уважал Чайковского, как учителя матери; по ее рассказам он рисовался мне изящным, томным молодым человеком, с женственными задумчивыми серыми глазами, нюхающим постоянно в классе какую-то соль или духи; Танеев – сверстник матери, был конфузлив, диковат, задумчив; его очень любил Чайковский. Я как бы предчувствовал в детстве, чем, какими лучшими наслаждениями в жизни я буду обязан музыке вообще, а в частности двум названным композиторам, таким близким мне, каким-то как

будто родным, по рассказам матери, с ранних детских лет; тогда же фамилия «Глинки» была окружена уже в моих глазах тем же ореолом, как Пушкин. Это все – влияние матери.

Странно, что при всем этом я был в детстве удивительно немзыкален, не имел слуха, впрочем, никогда его и не развил, в смысле возможности что-либо правильно спеть, хотя бы «Чижика», пения терпеть не мог вообще, особенно женского, лет до двенадцати; впоследствии, увлекаясь оперой и симфоническими концертами, прекрасно разбирался в достоинствах капельмейстера, оркестра (слышал фальшь), певцов; быстро, с первого раза часто усваивал красоты сложных произведений, не выносил пошлости (напр[имер], многое из Массене), научился без принуждения играть на рояле, часто слышал от понимающих музыку, что хотя у меня и нет техники, но видны большие музыкальные способности.

Оперы и в этом роде сравнительно доступные вещи я легко всегда играл *à livre ouvert*⁵⁶. Рояль дал мне очень много в жизни, несмотря на дилетантизм моего исполнения; он заполнял часы моего досуга и усталости, а главное, спас меня от карточной игры.

Итак, детские годы мои прошли под влиянием женщин и искусства. Отношения мои с отцом были всегда проникнуты взаимной любовью, но ближе сошелся я с ним уже в более зрелом возрасте. Он всегда очень любил игру в карты, которые я ненавидел, но за всю жизнь выпил, вероятно, не более

---

⁵⁶ «С листа», «без подготовки» (*фр.*). Французский текст вписан от руки.

двух рюмок водки; вина он не выносил органически. Я в этом отношении не пошел в отца; насколько он ненавидел вино, настолько я увлекался часто спиртными напитками. Я любил их и во вкусовом отношении, и за то приподнятое поэтическое настроение, которое они, при моем уклонении в сторону романтизма, давали мне во время трапез с друзьями.

В 1883 году я был определен в пансион классической Киевской 1-й гимназии, впоследствии по поводу столетия получившей название Императорской Александровской, в память императора Александра I¹⁰. Гимназия эта занимала тогда всю роскошную усадьбу, выходившую на четыре улицы, с огромным садом, окаймленным высокими тополями. Фасад громадного здания гимназии, так называемой николаевской постройки, отличающейся всегда мощной красотой, выходил на одну из красивейших улиц Киева – Бибиковский бульвар¹¹. Напротив гимназии в восьмидесятых годах был пустырь, частью обработанный под огороды; впоследствии здесь был разбит красивый большой сквер – Николаевский, в центре его с памятником императору Николаю I¹², обращенному лицом к великолепной красной громаде здания университета¹³.

Одним словом, и тогда, и теперь – это одно из живописнейших мест Киева.

Бесконечный главный коридор гимназии, полутемный коридор со сводами верхнего этажа, где помещался гардероб

пансиона, общие дортуары на 50 человек, выстроенные рядом кровати с одинаковыми на каждой одеялами, комната для занятий с рядом мрачных парт, с двумя всего свечами на каждой для шести учеников, вообще казенный холодный вид всего здания – все это произвело на мои нервы потрясающее впечатление, и я долго тосковал по домашнему уюту и бабушкиным ласкам; как только наступала ночь и вообще там, где меня не могли видеть, – я неистово плакал. Прощаясь с бабушкой, я бодрился, ибо был самолюбив, но как теперь помню то ощущение, когда она меня в воротах громадного сада поцеловала в последний раз, и я внешне бодро зашагал по дорожке сада к группе гимназистов. Это – ощущение перелома в жизни, сознание, что нечто очень хорошее осталось позади и началось что-то неизвестное новое и, может быть, печальное. Второй раз я испытал то же самое по окончании университета¹⁴ и поступлении на службу и – в последний раз, наконец, когда понял, что личная жизнь кончена, т. к. почти все близкие друзья мои уничтожены большевиками, и жить, как прежде, больше не придется¹⁵.

Я знал, что над новичками издеваются и бьют, но настолько не допускал мысли, что меня кто-нибудь мог бы ударить, меня, который был уверен, что я всем должен нравиться (мальчиком я был очень красив и знал это), и который сам хотел всех любить, ибо так мне было внушено бабушкой, что действительно я ни разу не явился в пансионе предметом каких бы то ни было шуток, но сразу стал почти общим любим-

цем. Тут я впервые понял, что сила – действительно внутри нас.

Я был очень живой и остроумный мальчик, что ставило меня всегда во главе различных игр и шалостей; такое мое положение все более развивало во мне самолюбие и самоуверенность, укрепившиеся во мне на всю жизнь и часто портившие мои отношения с людьми, а главное – в связи с романтическим воспитанием – явившиеся плохой подготовкой к стоическому отношению к жизненным противоречиям.

Во второй год пребывания моего в пансионе моему самолюбию дана была особенно благоприятная почва. Во-первых, я на латинском языке сочинил басню под названием, кажется, «Лисица и волк». Басня эта привела в восторг нашего учителя латинского языка и воспитателя пансиона добрейшего чеха А. О. Поспишиля и читалась массой гимназистов; я решил, что я – будущая литературная знаменитость. Во-вторых: у нас сформировался любительский цирк, дававший свои представления в саду; я получил в нем амплуа клоуна, и каждое мое выступление сопровождалось смехом, овациями, забрасыванием меня конфетами. Это окончательно вскружило мне голову. В цирке был оркестр на гребешках, гимнасты, наездники (гимназист ездил на гимназисте), дрессированные лошади и осел, обязанности которого выполнял именно самый глупый из наших сверстников. Мы все несомненно переживали в цирке подлинные ощущения артистов.

Представления наши закончились инспекторским разгро-

мом цирка; вызвана кара была тем, что мы стянули из пансионского гардероба и, кажется, попортили много казенного добра (одеял, простынь и т. п.); труппа в разгар представления была арестована педелями («дядьки» в пансионе) и приведена в цирковых костюмах под гримом (я напудренный и с красным носом) к инспектору на расправу. Строгий, но добрый и чуткий инспектор К. Н. Воскресенский вызывал нас поочередно, расспрашивая каждого о роли в цирке; рассмеялся, когда явился перед ним «осел»; очевидно, оценил нашу детскую наблюдательность. К высшей мере наказания был присужден директор цирка С-о, который, по слухам, впоследствии действительно поступил в настоящий цирк. «Директору цирка отвести, конечно, отдельный кабинет», – сказал Воскресенский, и С. был посажен в карцер за решетку. Остальные подверглись заключению в классах на свободное от занятий время. Я отсиживал, кажется, с перерывами несколько дней; помню, что наказание мне было продлено за то, что я использовал ящик («пюпитр») парты перед выходом из заточения в качестве уборной.

Справедливость или произвольность, а в особенности глупость наказания инстинктивно верно определяется детьми. Воскресенский понимал хорошо детскую душу и индивидуальность каждого пансионера; потому его строгость не вызвала ни ропота, ни насмешек.

В области различных мер наказания припоминаю следующие наиболее характерные случаи.

Я очень любил есть всегда, в детстве в особенности. Мой аппетит возбуждался даже такими словами сказки: «Петушок, золотой гребешок, масляная головушка». Бабушка всю жизнь вела со мною борьбу, даже тогда, когда я был уже взрослым, по поводу моих излишеств в пище. Дневник мой гимназический пестрит такими записями: «1-го съел три десятка слив, 2-го принимал касторку и не был на уроках» и т. д. Пансионский стол по сравнению с домашним был не только мало вкусен, но и недостаточен; первая половина дня была обставлена в этом отношении еще удовлетворительно: в 7½ ч[асов] или в 8 ч[асов] утра стакан чая с пятикопеечной булкой; в 12 ч[асов] завтрак из одного мясного блюда и в 3 ч[аса] дня обед из трех блюд; после этого перерыв до 7½ ч[асов] вечера, когда полагался только один стакан чая с булкой. К пяти-шести часам вечера большинство начинало ощущать голод, и за чаем особенно хотелось съесть что-нибудь более существенное, чем одна булка. Мы обычно брали за обедом в карманы по несколько кусков черного хлеба с солью, который и съедали, запивая водой, часов в пять вечера. К чаю же можно было покупать на свои деньги кусочек сыра или колбасы, либо стакан молока. Денег на руки нам (малышам) не давалось (они хранились у инспектора), кроме 15 коп[еек] в неделю на мелкие расходы (напр[имер], на зубной порошок, мыло, ибо казенное почти не мылилось и т. п.). На расходы же по буфету в столовой вместо денег выдавалась подписанная инспектором записка на право забора

закусок на один рубль, причем буфетчик Антон обязан был следить за тем, чтобы гимназисты не покупали у него слишком много; он исполнял строго и добросовестно это требование, у него приходилось просто вымаливать каждый кусочек колбасы или сыра, за что он прозывался «ярыгой», т[о] е[сть] скупцом. Меня сравнительно Антон-Ярыга баловал, и записка моя на буфет использовалась сравнительно быстро, но тогда К. Н. Воскресенский задерживал на несколько дней выдачу следующей записки, и я усиленно налегал на черный хлеб. В один прекрасный день «директор» цирка показал мне, какого искусства достиг он в подражании подписи Воскресенского и предложил мне за угощение выдать буфетную записку; я, конечно, согласился, ибо ничего предосудительного в этом не видел, знал, что буфетчик за каждую записку, представленную им инспектору, получает расчет из денег, внесенных моей бабушкой на мои мелкие расходы. Очевидно, однако, что инспектор вел учет всех подписываемых им буфетных записок, т[ак] к[ак] проделка наша была скоро обнаружена; С. понес какое-то тяжкое наказание, а впоследствии был исключен из гимназии, я же долго ждал наказания и переживал неприятные дни в этом ожидании; дождался его в такой форме: как-то, встретив меня в коридоре, Воскресенский строго погрозил мне пальцем и сказал: «Обо всем узнает бабушка»; это для меня было хуже карцера, ибо я понял ясно, что сделал что-то очень скверное. Вдумчивый педагог правильно учел мою психологию и

нравственное значение для меня бабушки.

Другой случай наказания: я в церкви во время обедни ударил шутя одного пансионера по лицу; меня вызвали в алтарь, где мне было предложено положить сто поклонов; карцер или лишение отпуска за такой проступок были бы для меня тяжелее, но моральное значение наказания было сильное.

Глупому наказанию я подвергся за такой проступок: наловив в саду несколько десятков лягушек, я часть их посадил в ящик парты одного из моих товарищей – вызывавшего постоянные насмешки своей «растяпостью»; когда он сел за занятия и полез в ящик за книгами, лягушки начали выпрыгивать из ящика; это привело «растяпу» в неописуемый и беспомощный ужас. По выяснении виновного, воспитатель заставил меня перенести всех лягушек под «часы» – большие настенные часы в коридоре, под которыми отбывалось наказание провинившимися «стоять на часах»; мне было предложено очертить мелом круг на полу, в пределах этого круга разместить лягушек и сторожить всю ночь, чтобы лягушки не выпрыгивали за пределы круга; я через некоторое время выкинул всех лягушек в окно в сад, а сам ушел спать.

В общем, сидеть в заточении мне приходилось довольно часто.

В гимназии я провел десять лет, начиная с подготовительного класса и включая двухлетнее сидение в пятом классе; три года я был в пансионе, а остальное время «при-

ходящим», т[ак] к[ак] дела родителей моих пошатнулись, они переехали в Киев, имение было продано, и года четыре нам пришлось терпеть сильную материальную нужду включительно до недоедания и холода в квартире по недостатку дров.

В пансионе большинство жило единственной мечтой – надеждой поскорее дожидаться праздничных или летних каникул.

Я усердно и радостно вычеркивал на календаре каждый прожитой до Рождественных (sic!) праздников день; ничего я так не любил в то время, как утренние причитания нашего старого дядьки Ивана, по прозвищу «ябеды»: «Вставайте, вставайте, Рождество уже на веревке висит», это было в ноябре; в конце месяца Рождество висело уже «на веревочке»; в начале декабря «на ниточке»; а к двадцатым числам декабря «на паутинке»; в день же отпуска «паутинка рвалась», и тут добродушному Ивану не приходилось уже долго будить нас. Появлялась моя бабушка и тетка моего друга с детских лет В. И. Ф-ко, мы раздавали рубли нашим дядькам и весело разъезжались по домам.

Летние каникулы я проводил в нашем имении, а после продажи его – на пригородной даче бабушки у Китаевского монастыря¹⁶.

Здесь обычно я жил и на Рождество, и на Пасху (двухнедельные каникулы).

В Китаеве, о котором я расскажу подробно ниже, особен-

но любил я Пасхальные каникулы; большего впечатления, чем в старых Китаевских монастырях, Страсти и Пасхальная заутреня никогда нигде на меня не производили, несмотря на скромную обстановку и плохой монашеский хор; старец игумен, старцы иеромонахи, старцы диаконы, каждый по-своему делающие возгласы, оживленные праздником, с которым у каждого в далеком домонастырском прошлом связаны многие дорогие воспоминания, приветливо-радостное обращение их к молящимся со словами «Христос Воскресе!» и поспешный ответ мужиков и баб «Воистину воскресе!», с ударением на последнем слог, затем возвращение домой лесом уже после ранней обедни, на восходе солнца, когда ночные крики пугачей вокруг монастыря заменяются перекликиванием иволг и синиц, затем угощение пасхами, куличами и бабами, в изготовлении которых я и брат любили принимать всегда живое участие, – в се это не может быть никогда забыто.

Каникулы были действительно заслуженным нами отдыхом, т[ак] к[ак] гимназическим занятиям отдавалось в общем очень много времени: от 9 до 2½ ч[асов] дня (пять уроков) и часа два-три домашнего приготовления уроков или, по крайней мере, формального сидения за таковыми. Что же давали нам эти, посвященные непосредственно гимназии, занятия?

Подавляющее большинство моих учителей, когда о них вспоминаешь в перспективе далекого прошлого, были, несо-

мненно, люди весьма порядочные, за скромное вознаграждение добросовестно исполнявшие возложенные на них обязанности, люди большой доброты и сердечности, но самая система преподавания не могла нас увлечь, заставить полюбить науку, а главное, дать нам сознание ее действительной необходимости. Уроки задавались от сих пор до сих пор, чрезвычайно редко урок посвящался какому-либо обобщающему чтению, живому рассказу, который поставил бы в связь разрозненно зазубренные сведения, дал бы из них интересные выводы; обычно весь урок сводился к спрашиванию выученного на сегодня, причем по большей части заранее можно было высчитать, когда дойдет до тебя очередь; уроки поэтому часто учились с пропусками нескольких предыдущих, что еще более лишало смысла и интереса изучаемый предмет. За десятилетнее мое пребывание в гимназии я помню только несколько единичных уроков, которые заинтересовали и остались в памяти.

В первом классе это были художественно-образные рассказы из ветхозаветной истории священника отца Илии Экземплярского; его манера говорить, красота жестов и удивительно приятный по тембру голос невольно приковывал внимание к каждому его рассказу; приняв монашество, он стал викарным (Чигиринским) епископом Киевской митрополии под именем Иеронима, а умер в сане архиепископа Варшавского; все возгласы он пел сильным красивым тенором, и более красивой службы после него я ни разу не видел. «Призри

с небеси, Боже, и виждь и утверди виноград сей, его же насади десница Твоя», – иногда закроешь глаза и перед мысленным взором встает величественная фигура этого архиерея с лицом Святителя Николая Чудотворца и слышится в душу идущий, исключительный по красоте голос его.

В пятом классе гимназии наш учитель латинского языка Т. И. Косоногов перед чтением Овидия дал нам очень красочную характеристику Аякса и Одиссея, оспаривающих право на меч погибшего Ахиллеса¹⁷; Аякс простой, откровенный, неискушенный в красноречии и дипломатическом искусстве храбрец-воин, а Одиссей – умный, хитрый, красноречивый. Аякс грубо и просто перечисляет свои заслуги при взятии Трои. Одиссей же с ложной скромностью отдает должное Аяксу, умаляет свои собственные заслуги и лишь постепенно осторожно приводит слушателей к неоспоримому сознанию, что не будь Одиссея – не пала бы и Троя; меч присуждается ему; Аякс убивает себя, из крови его вырастает нарцисс. Этот один из многих красивейших шедевров Овидия заинтересовал нас в целом, возбудил желание прочесть его до конца только потому, что мы были до приступа к чтению ознакомлены с его содержанием, заинтересованы характеристикой, типом двух речей. А ведь все остальное, что мы читали и бессмысленно дословно переводили на русский язык, – давалось в виде бессвязных отрывков, в строк 20–25 каждый; художественная физиономия автора, его значение и особенности, полное содержание произведения оставались

неизвестными; все в сущности сводилось к механическому переводу отдельных предложений; еще, конечно, глупее были переводы с русского языка на латинский или греческий; грамматика преобладала над смыслом и красотой классиков. Между тем оба древних языка были главнейшим предметом, неуспехи в них закрывали возможность получения аттестата зрелости; не выдерживавшие скуки, иногда способные мальчишки уходили в юнкерское училище¹⁸. Сам я совершенно случайно избег той же участи. Уже в четвертом классе я был плох по языкам, в пятом же, когда за письменную работу получал единицу с плюсом, учитель объявлял торжественно, что «Романов поправляется». Мне назначена была после экзаменов «повторка» по греческому и «передержка» (после каникул) по латинскому языку. Я обозлился, взял себя в руки и, приехав на дачу в Китаев, прочел сразу полностью всю грамматику несколько раз и всего Юлия Цезаря, и вдруг мне стал ясен дух, строй латинского языка; в две недели я стал понимать, а главное, чувствовать его лучше, чем за пять лет гимназического обучения; не хватало только слов, но и они приходили по мере чтения, не по 20 строк, а сразу по 20–40 страниц. С этого лета я без помощи учителей понял высокую красоту латинского языка, красоту Овидия, Горация и проч., и стал выдающимся в гимназии «классиком». Но как ни курьезно, на передержке я получил единицу, потому ли, что еще не был уверен в себе, потому ли, что учителя были предубеждены против меня, как самого скверного в

классе латиниста. Такова случайность экзаменов! Невероятно был изумлен новый мой учитель-классик И. А. Григорович, экзаменовавший меня на передержке, когда за первую же письменную работу по латинскому языку ему пришлось поставить мне пять – урок был написан без ошибки. Греческий язык уже среди учебного года я изучил по той же «моей системе», как и латинский (сразу чтение всей грамматики и всего Гомера), и с тех пор по обоим языкам имел только высшие отметки. К старшим классам гимназии я достиг такого совершенства в знании древних языков, что к урокам почти не должен был готовиться: читал классические произведения⁵⁷ и писал почти безошибочно. Робкий, конфузливый добряк-чех И. А. Григорович, часто подвергавшийся мальчишеским насмешкам за его смешной чешский выговор и чрезмерную застенчивость, избегал меня «вызывать», делал это только для «проформы», чтобы хотя раз в месяц в журнале против моей фамилии стояла соответственная отметка; он чувствовал мое превосходство; перед вызовом меня как-то нерешительно долго разглаживал классный журнал и затем, краснея, тихо произносил мою фамилию. Он требовал не литературного, а буквального, без пропусков перевода каждого отдельного слова; отсюда получались такие дикие фразы: «Он де, мол, не не любил», «Она шла, неся на коленях ребенка» и т. п.; такие переводы и заунывный голос учителя, произносившего русские слова как-то однообразно

---

⁵⁷ Далее оставлено свободное место на четверть строки.

нараспев по-чешски, наводили безумное уныние на учащихся и возбуждали в них только ненависть к классицизму.

Между тем я, усовершенствовавшись в языках, быстро постиг, что остальными предметами могу не заниматься, ибо мой классицизм обеспечивает мне удовлетворительную отметку – тройку по всем предметам, как бы плохо я ни знал их. Спокойный всегда учитель-математик – любимец гимназистов И. И. Чирьев, возвращая мне тетрадку с нерешенной задачей по алгебре или геометрии, приговаривал часто с легким упреком: «У Вас, Романов, если и были когда-либо какие-либо знания по математике, то они давно уже исчезли», а другой математик – вспыльчивый, но тоже общий любимец С. К. Ильяшенко, сознавая невозможность бороться с засильем классиков, объявлял, что тройка мне выводится в четверти только «за чересчур уж хорошее знание языков».

При таких условиях я к восьмому классу гимназии не имел почти никакого представления об алгебре, но, как ни странно, добровольно в две недели залпом, так сказать, прошел с моим другом Володей Ковалевским курс тригонометрии и великолепно усвоил этот предмет, даже полюбил его: Ковалевский умел объяснить основы, сущность тригонометрии во всем ее целом виде, а не поурочно, заинтересовать ее логичностью и красотой фигурного рисунка.

Наиболее привлекала внимание врагов «классицизма» физика; единственный предмет, преподавание которого сопровождалось опытами в специальном физическом кабине-

те. Увы, я не могу вспомнить ни одного удачного интересного опыта, скучал я в физическом кабинете беспросветно, за все мое пребывание в гимназии был вызван один раз, получил единицу и в дальнейшем, как классик, был оставлен в покое; по этому предмету я абсолютно ничего не знал. Ни естественной истории, ни начал анатомии и физиологии в мое время в гимназии не преподавалось – в этом отношении мы, получив «среднее» образование, оставались круглыми невеждами.

География изучалась только до пятого класса гимназии и, кажется, повторялась в восьмом. Бессмысленное заучивание ничего не говорящих ни уму, ни воображению названий, сведений о том, что в Греции водятся козы, а где-то больше всего лошадей и т. д.; родины, ее величайших богатств, мирового значения ее колоний – Сибири с Приамурьем, Туркестана и проч. мы не знали; этому предпочиталось зазубривание названий губерний, рек, без общего плана, связи, одухотворенного сознания величия России, ознакомления с ее экономическими возможностями. Когда я прочел случайно несколько лет тому назад учебник географии, составленный моим товарищем по гимназии В. В. Кистяковским¹⁹, я позавидовал нынешней молодежи; она действительно изучала свое отечество, а не голые названия и цифры. А между тем и у нас был знающий учитель географии – маленький, с бородой Черномора старичок Н. Т. Черкунов; он много путешествовал, многое лично наблюдал, собрал на свои скромные

средства порядочную естественно-географическую коллекцию, которую завещал нашей гимназии; у него были немногие «любимчики», которых он приглашал к себе, демонстрировал им различные предметы своей коллекции, давал интересные объяснения, а главное, устраивал игры в «железную дорогу» по географическим картам, что гораздо лучше, чем сухой учебник, способствовало запоминанию учениками различных городов, гор, рек и т. п. На уроках же в гимназии единственно что было живого – это, пожалуй, различные веселые анекдоты из жизни экзотических народов, а в особенности китайцев. Я к числу любимцев не принадлежал, а потому и географические мои знания в гимназии были немногим больше физико-математических.

По истории в памяти моей остались несколько не уроков, а настоящих лекций учителя, впоследствии профессора Киевского университета П. В. Голубовского о континентальной системе Наполеона²⁰; вдруг, после бессмысленных описаний браков разных королей со всегда «прекрасными» королевами, после сухих хронологических цифр, была дана ясная, обобщенная, с объяснением причин и следствий, картина определенной исторической эпохи; стало сразу ясно, что без знания прошлого нельзя постигать настоящего, т[о] е[сть] было разъяснено самое главное – значение и необходимость читаемой науки. И это было один раз всего за весь гимназический курс. Наш учитель истории – до старших классов гимназии, директор ее А. Ф. Андрияшев занимал эту долж-

ность чуть ли не 50 лет; это был очень важный, почтенный старец, которого за две звезды на виц-мундире, большой живот и властно-хриплый голос я считал самым главным гимназическим начальством, выше попечителя округа. Обычная его резолюция была, когда до него доходило дело о какой-нибудь провинности гимназиста: «На 24 часа в карцер». Произносилось это с важностью, но вместе с тем без всякой злобы, со старческой добротой; вот, мол, как напугал виновного. Он пользовался как общественный деятель большой известностью в Киеве: издавал ежегодный календарь, работал в Обществе попечения о слепых и почему-то славился трудами по пчеловодству. По неизвестной нам причине он прозывался «Аписом», так дошло это прозвище к нам из глубины веков.

Представить себе 1-ю гимназию без Аписа было невозможно, а потому когда он был уволен в отставку, кажется, в 1890 году, и на его место был назначен более современный педагог математик И. В. Посадский-Духовской, стало как-то первое время грустно; особенно за утренней общей молитвой в актовом зале недоставало величественной фигуры прежнего директора, неизменно при звуках «Спаси, Господи, люди Твоя» начинавшего вытирать слезы на своих ласковых глазах, а при словах «Императору Александру Александровичу» плакавшего иногда настоящим образом; ведь он в тех же стенах слышал моление о победе «Николаю Павловичу». Так вот этот самый старый директор важным сиплым го-

лосом не рассказывал, а вещал нам о Трое, Египте, в частности об Аписе действительно почему-то с особыми подробностями и чувством, о сиракузских тиранах и проч. и проч. Все это без связи между собой, но для оживления урока большей частью с указаниями всех исторических мест на карте; при этом широкой ладонью он обыкновенно закрывал какое-либо место на карте и спрашивал весь класс: «Что я закрыл?»; один кричал: «Афины», другой: «Фивы», третий: «Спарту» и т. д. Всеми ответами он был удовлетворен, по-генеральски с кашлем хохотал и отвечал с удовольствием каждому крикуну: «Верно, верно».

Новые языки преподавались так, что тот, кто знал их дома, обычно забывал или, во всяком случае, лишался правильного произношения под влиянием невероятного, без поправок учителя чтения разнообразно, каждый по своему, произносивших иностранные слова учеников: напр[имер], большинство не выговаривало французского носового «н»; слово «un»⁵⁸ одни читали «ан», другие «эн», а третьи «он» и т. п., и только меньшинство произносило «un», и т. д. в том же роде.

Опять-таки и в преподавании новых языков требовались главным образом сухие грамматические знания, зазубрение различных правил и исключений, сопровождаемое скучным чтением бессвязных отрывков. Обязательным был один язык: французский или немецкий, и большинство, чтобы избежать излишней скуки, предпочитало иметь свободный час

---

⁵⁸ Здесь и далее иностранное слово вписано от руки.

вместо занятий обоими языками. Поэтому я по окончании гимназии понятия не имел о немецком языке, даже не мог прочесть слова, написанного готическим алфавитом, и вынужден был заняться этим важным для всякого культурного человека языком уже будучи взрослым, с большими усилиями, но с малыми успехами. Французским языком я занимался самостоятельно дома, еще будучи в гимназии, иначе и его я знал бы слабо.

Учителя французского и немецкого языка вследствие их комичного русского выговора были, как всегда, источником большого веселья и шуток со стороны гимназистов, хотя ввиду их порядочности и доброты как француз Метро, так и немец Г. Р. Бергман (по образованию богослов) были всеми очень любимы. Особенность Метро представляла его крайняя вспыльчивость и чрезвычайно громкий, несмотря на сиплость, голос. Сипел он особенно сильно, как стало нам известно, всегда после посещения оперетки «Прекрасная Елена»²¹ – его любимейшей пьесы. Он имел привычку вызывать по алфавиту к кафедре сразу по 6–10 учеников и спрашивал у них урок у всех сразу; как теперь помню выкрикивание им: «Булах, Гагаринских обои, Радченко, Руманов и т. д.»; обычно поднимал страшный крик, когда ни один из спрашиваемых не знал какого-нибудь слова; молчание он считал признаком крайней невоспитанности: «Ти невежа, мужик и тот отвечает, когда его спрашивают, а ти молчишь и молчишь». Если случалось ученику перепутать

построение фразы, Метро неизменно приводил свой излюбленный пример: «Когда ты слышал, чтобы сначала убивали, потом дрались и потом ссорились; всегда сначала бывает ссорэ, потом дракэ и, наконец, убивство». Когда Метро умер, мы все были очень опечалены, и его место занял молодой изящный и хорошо воспитанный обрусевший француз Регаме; он вел уроки интереснее, но, к сожалению, с теми же, указанными мною выше, учебными недостатками, живого знания языка, выговора он не давал.

Немец Бергман, благодаря его добродушию, подвергался усиленному вышучиванию, порою доходившему до грубости, за которую, впрочем, и он оплачивал ученикам фамильярной грубостью, без всякой взаимной обиды. Комик Ваня Колоколов любил, например, вести с Б[ергманом] разговор в таком духе: «Густав Ричардович, разрешите один вопрос». – «Ну что там тебе такое?» – «Отчего, скажите пожалуйста, ваш брат такой знаменитый, умный человек, а вы...». Брат Б[ергмана] был известный хирург, переехавший из Юрьева в Берлин, когда началось обрусение б[ывшего] Дерптского университета²². Б[ергман], краснея, кричал на К[олоколова]: «Ну вже, балван, садись». Тогда К[олоколов] обиженно добавлял: «За что вы сердитесь, вы же не дали мне кончить; я хотел сказать: а вы еще умнее». Бергман улыбался и уже добрее говорил: «Ну вже, садись, садись, дурак». Иногда Колоколов и К° при входе Б[ергмана] в класс озабоченно и с любопытством посматривали на потолок. Постепенно заин-

тересовывался и он, хотя и предчувствовал обычную шутку; посматривал на потолок мельком, затем вставал и смотрел пристально. «Ну вже, что там такое нашли?»; ответ был всегда унылым разочарованным тоном, с трагическим вздохом Колоколова: «Ничего». Раздавалось звучное «дураки», и инцидент кончался. Моего друга Ваню Богданова, впоследствии известного инженера путей сообщения – строителя, Бергман вызывал всегда так: «Ну вже, ты, Иван-болван, отвечай», а т[ак] к[ак] он в немецком не был силен, то учитель предсказывал ему самое мрачное будущее, говоря, напр[имер]: «Слушай, Иван, из таких как Штильман выходят профессора, а из таких как ты... сицилисты». Положение социалиста представлялось справедливо Бергману самым мрачным в жизни.

Наибольший интерес в гимназии возбуждают всегда уроки словесности, и учителя-словесники пользуются обычно наибольшими симпатиями. И действительно, те часы, когда нам читались отрывки из русских классиков, были и в мое время самыми приятными. Но, к сожалению, и эти часы были редки; опять-таки над всем преобладала теория и подробное изучение устаревших образцов литературы: Ломоносова, Сумарокова, Державина и проч. Вместо того, чтобы пробудить интерес к чтению, память ученика забивалась сухими сведениями, как будто бы теория и есть источник литературы, а не ее следствие. Гончаров, Тургенев, Толстой, Майков, Достоевский, Фет и проч. только упоминались, изуче-

ние же останавливалось на Пушкинском периоде. При разнообразии общественно-семейных условий, в которых находились учащиеся, часть из них, попав после гимназии прямо на медицинский факультет, требующий много специального зубрения, так и не знала, что это такое за «Война и мир»²³, «Дворянское гнездо»²⁴, «Обрыв»²⁵ и т. п. У меня был товарищ, который, напр[имер], предлагал мне держать пари, что автор «Войны и мира» – Шпильгаген. А. А. Андриевский, наш любимый учитель словесности, старался в нас пробудить интерес к современной литературе; читал нам Короленко, рассказывал о постановке «Плодов просвещения»²⁶ Толстого и т. п., но мы знали, что он в оппозиции к гимназическому начальству, что он «не благонамеренный», что, значит, рекомендуемое им не есть «от гимназии», а, наоборот, нечто нежелательное в гимназии.

Вот в воспитании в нас такого сознания, что все сухое, скучное, с нашей юной точки зрения не нужное, преподносится нам принудительным порядком, по каким-то посторонним действительной нашей пользе соображениям, и заключался главный нравственный вред тогдашней системы обучения, гораздо, пожалуй, больший, чем недостаток знаний, проистекавший от плохой системы обучения.

Постепенно, по мере нашего возрастания, мы проникались мыслью, что окончание гимназии необходимо только как неизбежное зло, для получения права попасть в универ-

ситет, а главное — что вся гимназическая система придумана каким-то высшим начальством, нам враждебным. По мере развития нашего, к старшим классам, мы, при таких условиях, делались естественно врагами современно государственного, а некоторые — и социального строя; начиналось чтение либеральных и социалистических рукописей или брошюр; они убеждали и привлекали тем, что совпадали с нашим оппозиционным настроением в отношении власти, придумавшей «гимназию».

Такому настроению отчасти способствовало и то, что именно лучшая часть наших учителей, по доброте своей или же по действительному убеждению, способствовала нам в борьбе с гимназическими утеснениями и формальностями либо иногда бессознательно выставляла их в смешном виде.

Страдавшие алкоголизмом классики Лисицын и Царевский были наиболее любимыми учителями. Первый, почти не спрашивая учеников, увлекался в классе чтением какого-нибудь Вергилия, мечтательно декламировал стихи Овидия, забывал об учениках, и все чувствовали, что он действительно любит читаемое им и не делает как раз того, что требуется начальством. Царевский в каком-то полупьяном экстазе начинал вдруг наизусть «Анну Каренину»²⁷: «Все смешалось в доме Облонских» и т. д., а то иногда с пафосом убеждает кого-либо из гимназистов: «Не пейте смирновки, пейте только поповку». Это, такое необычное в сухой формальной обстановке гимназии, при ясной для всех истин-

ной талантливости обоих больных классиков, подчеркивало, что правда и красота, и знание на стороне не подходящих к гимназическому строю людей. Добрейший инспектор А. В. Старков, заменивший К. Н. Воскресенского, старался часто освободить робеющего на экзаменах гимназиста, в особенности при угнетении его каким-либо свирепым классиком. «На парусах поплыли они», – переводил с трудом что-то из Вергилия один мой товарищ; вошел А. В., услышал последнюю фразу, увидел растерянное лицо гимназиста и подбадривающе закричал своим резким картавящим голосом: «Ну, прекгасно, прекгасно, тги ему и на пагусах домой». А. А. Андриевский, обозлясь на шум в классе, заявил, что это безобразие, что он обо всем сообщит классному наставнику: «Кто у вас классный наставник?» Ответ был: «Вы, Алексей Александрович». – «Фу, черт, а я и забыл». Общий смех и учителя, и учеников.

Даже наиболее торжественные события в гимназии принимали порою комический оттенок.

Когда я был в младших классах, гимназию посетил император Александр III²⁸; подготовка гимназистов к встрече высокого гостя началась, кажется, за месяц до его приезда; нас выстраивали в саду или на Бибиловском бульваре, по команде заставляли снимать фуражки; такие учителя, как Григорович, Черкунов и др., были очень смешны в роли командиров. «Станьте на флыгэлэ», – командовал Григорович, и мы все покатывались со смеху; «Шапки долой», – командо-

вал маленький Черкунов голоском, еле прорывавшимся из его громадной бороды, и опять веселый смех, но что хуже всего — это детское сознание, что нас хотят показать Царю не такими, какие мы на самом деле, т[о] е[сть] хотят обмануть. Государь своей мощной, величественной фигурой, перед которой наш важный директор показался каким-то совсем ничтожным, чуть ли не учеником, произвел на нас громадное впечатление, но у меня почему-то больше остались в памяти красивые печальные глаза наследника, будущего императора Николая II. В конце восьмидесятых годов приезжал к нам министр народного просвещения гр[аф] Делянов. Сопровождавший его по классам директор Андрияшев на вопрос, сколько учеников в данном классе, отвечал наобум или на глаз: 30, 48, 52 и т. п.; в нашем классе, в котором сам Андрияшев был классным наставником, была названа им с большим апломбом цифра человек на 25 более действительной. По выходе из класса министра учитель, весьма волнованный при разговоре с гр[афом] Деляновым, чтобы после этого показать перед гимназистами свое равнодушие к высшему начальству, игривым тоном сказал: «Да, жаль, что умер Гоголь; он бы хорошо описал эту картину». И мы все хохотали и от слов учителя, и от воспоминания о комичной старушечьей фигурке Делянова (он напоминал волшебницу Наину из «Руслана»), о важной безапелляционности объяснений, которые давал наш старый директор, об озабоченной фигурке в дверях класса инспектора и видневшейся за ним

физиономии самого заслуженного нашего педеля Максима, на которой было написано сознание какого-то величайшего священнодействия.

Наряду с подрывом в наших глазах авторитета власти, у меня, да и у многих среди моих товарищей, начался упадок и религиозности, приведший в старших классах к атеизму, на излечение от которого потребовался ряд долгих лет чтения и работы над собою.

Мальчиком я был чрезвычайно привязан к церкви, очень любил и хорошо знал все подробности нашего богослужения, следя за службой по молитвеннику; в четвертом классе упорно мечтал даже поступить, по окончании гимназии, в духовную академию²⁹. В нашей гимназии была своя домашняя церковь и два хора, певших по очереди: один – нашей, другой – второй гимназии, которая собственной церкви не имела. Хор второй гимназии качеством голосов и стройностью пения забивал наш; в нашем были выдающиеся дисканты, между прочим, сын помощника попечителя учебного округа Ростовцева, и совершенно исключительный по чарующему тембру голоса тенор Дувиклер; он впоследствии недолго пел в опере, после блестящего дебюта на киевской сцене в роли Фауста, но вскоре внезапно потерял голос. Его сильное «Отче наш» в гимназической церкви осталось в моей памяти на всю жизнь; церковь замерла при первых же звуках, диакон, боясь, шевельнуться, простоял на коленях у царских врат всю молитву до конца, многие дамы плака-

ли, по окончании священник выслал певцу просфору. Моей мечтой было попасть в церковный хор. Меня обнадеживало то, что наш регент Федор Иванович, по прозвищу «дудушка», при встречах со мною брал меня за горло двумя пальцами и, нажимая на него, неизменно говорил: «Ну и голос же у тебя должен быть, дудушка» (он заикался, а голос его звучал как из бочки). Я долго робел и не шел, несмотря на неоднократные приглашения Федора Ивановича, на пробу голоса. Но в конце концов осмелился и появился в музыкальной комнате; Ф[едор] И[ванович] взял на скрипке какую-то ноту, предложив мне тянуть ее; я затянул и сразу произвел такое впечатление на регента, что он закричал: «Пошел вон, дудура; твоя бабушка такой джентльмент (так он любил выговаривать это слово), а ты, черт тебя знает, что из тебя выйдет». В этой форме им читались все нотации гимназистам, ибо он, помимо обязанностей регента, имел еще права помощника классного наставника; был он почему-то также и экономом гимназии; у него вышла на поприще эконома какая-то история с дровами, и добряка Федора Ивановича не стало в нашей гимназии. Колоколов (наш комик) рассказывал нам впоследствии, что он встретился где-то с Ф[едором] И[вановичем], причем, когда они проходили мимо склада дров, тот будто бы недовольно отвернулся и пробормотал: «Проклятые дддрува».

Несмотря на личную неудачу, я страстно любил церковное пение; в то время уже славился в Киеве знаменитый хор

Калишевского в Софиевском соборе³⁰; в составе этого хора был такой первоклассный дискант «Гриша», что его личные концерты привлекали массу публики в Купеческое собрание³¹. Я уже говорил выше о том впечатлении, которое производила на меня архиерейская служба моего бывшего законоучителя Экземплярского (Иеронима); кроме того, одним из любимейших моих храмов был Братский монастырь³² на Подоле³³; этот старейший монастырь Киева поражает всегда своей неожиданной тишиной среди шума и оживления торговой части города; кажется, из современных лавок и рынков переносишься вдруг во времена Петра Могилы. В мое гимназическое время ректором Киевской духовной академии и епископом Каневским был слепой Сильвестр, проживавший и служивший в Братском монастыре; у него был тенор очень приятного музыкального тембра; он, так же как Иероним, пел все возгласы, но особенно трогательно было чтение им на память, с полужакрытыми глазами, Евангелия. «Аз есмь пастырь добрый; пастырь добрый душу свою полагает за овцы своя...» — пел он, и вся церковь слушала, как один человек, бесшумно, тихо. Сильвестру неоднократно предлагались высшие назначения, но он уклонялся от них, говоря, что в Братском монастыре он знает каждую ступеньку и что в чужом, незнакомом месте ему — слепцу — будет тяжело.

И вот с этим красивым духовным миром в полном противоречии находился гимназический религиозный режим. Су-

хие схоластические рассуждения, выговоры за непосещение гимназической церкви, а главное – если не лицемерие, то, во всяком случае, неумение найти искренние ноты, на что особенно чутко реагирует подрастающее поколение. Не стоит, неприятно останавливаться на подробностях этой наиболее мрачной страницы старой гимназической жизни; могу сказать одно, что молодые души могут верить только исключительно чистым душой, религиозным воспитателям, а найти таковых в достаточном числе весьма трудно. Когда же ученик видит в законоучителе только выслуживающегося чиновника, делающего свое дело для начальства, а не для душ обучаемых, крах неизбежен. Я вспоминаю в данном отношении две характерные сцены, бывшие в классе моего брата. Законоучитель предложил гимназистам назвать наиболее любимых ими исторических героев; когда очередь дошла до К-го, который подозревался в вольнодумстве, он спокойно заявил: «Александр III»; священник начал пристально и зло смотреть в глаза К., как бы его испытывая; последний выдерживал взгляд, только по временам прыгали его толстые щеки от усилия сдерживать смех; на несколько минут в классе водворилась глубокая мертвая тишина; затем раздался тихий, какой-то чересчур елеинный голос священника: «Почему?» К. немедленно ответил: «Ввиду простого образа жизни Государя». Священник еще несколько минут пристально посмотрел на К., затем, с казавшейся деланной кротко-радостной улыбкой обратившись ко всему классу, воскликнул: «Да,

доходят слухи, доходят слухи».

И никогда, вероятно, он не понял, какой вред юным душам причинялся этой глупой комедией; ничто ведь так не роняет власти, как смех; сам священник, создав смешное положение вместо простого вопроса и ответа, что могло бы пройти незамеченным для класса, приковал его внимание к выходке К-го.

Другой случай имел место во время предсмертной болезни императора в Крыму³⁴.

Священник, чтобы оттенить в глазах учащихся значение происходящего печального события, во все эти тревожные дни, входя в класс, садился на кафедру, долго печально смотрел на учеников, затем шепотом говорил: «Детки, царь умирает», и начинал плакать; т[ак] к[ак] перед этой сценой приходилось иногда видеть священника в коридоре, на дороге в класс, спокойно или даже весело разговаривающим с кем-либо из учителей, на детей горе его производило впечатление официального, казенного; не было во всем этом той естественной простоты, которая одна может дойти до души мальчика-юноши. Когда впоследствии в университете проф[ессор] государственного права Романович-Славатинский говорил: «Незабвенный император Николай I», и слеза блистала в его одном глазу (другой был стеклянный), никто из студентов, несмотря на антимонархическое настроение тогдашнего большинства их, не сомневался, что так именно чувствовал этот старый честный государствовед, никому в го-

лову не пришло бы посмеяться над его убеждением и чувством; в гимназии же казенный патриотизм вызывал только насмешку.

И в мелочах читавшиеся нам душеспасительные нравоучения были в лучшем случае только смешны. Престарелый гимназист С., тщетно боровшийся с сильным ростом своей черной бороды и усов, увлек на какое-то безнравственное «любовное» похождение одного из сыновей священника; провинившийся сын был подвергнут какому-то домашнему наказанию, а на следующий день в классе, в котором обо всем происшедшем стало уже почему-то известно, священник сразу же по открытии урока обратился к С.: «Встань и слушай: дурное сообщество портит хорошие нравы; повтори, что я сказал». С. мрачным равнодушным басом пробормотал: «Дурное сообщество портит хорошие нравы». По требованию священника бормотание это повторилось три раза; класс еле удерживался от смеха; так все это было ненужно, формально.

Когда умер наш несчастный любимец Лисицын, мы все приняли живое участие в его похоронах; многие плакали, а с одним из гимназистов на могиле сделалась истерика. На ближайшем уроке Закона Божия мы выслушали нравоучение, что чрезмерная скорбь по умершим противоречит требованиям религии, что надо уметь спокойно подчиняться воле Божьей, что истерика А. была поэтому грешна и т. д. Увы, чувствовалось за всем этим, в сущности, неудоволь-

ствие, что мог быть так любим нами учитель-алкоголик, не одобрявший начальством. И нравственная пропасть между пастырем и стадом его все более расширялась, особенно когда бурные слезы по умирающем царе³⁵ стали в такое явное противоречие с поучением о греховности острого проявления чувств по поводу ниспосылаемой Богом смерти.

Я не хочу осуждать; может быть, наш духовный учитель был исполнен самых лучших намерений, убивать души наши умысла не имел, но, во всяком случае, ему не дано было чутья, таланта осуществить свои добрые намерения, ибо, повторяю, быть истинными духовными пастырями могут только десятки, а не тысячи.

Утопические мечтания о переустройстве государственно-общественной жизни человечества, с одной стороны, и циничные принципы «все дозволено», с другой стороны, находили себе благоприятную почву в развращенной подобным воспитанием среде.

Я лично на себе испытал за гимназическое время оба эти влияния; к счастью, первое – утопически мечтательное сразу же взяло верх и не только во мне, но и в подавляющем большинстве моих товарищей; таковы, очевидно, были у большинства семейные традиции, и такова все-таки была нравственная порядочность большей части наших добрых учителей, что для восприятия нами безнравственных начал не было абсолютных условий.

Один из моих товарищей, не по годам серьезный, нрав-

ственно необыкновенно чистый и прямодушный, мечтатель В. Б. почему-то обратил на меня исключительное внимание, сблизился со мною и начал постепенно знакомить меня с социалистическими идеями: «Вы увидите, как счастливы будут люди, когда не будет денег»; сам он был со средствами, а я беден (это было в четвертом классе гимназии), но тем не менее особенно почему-то противился этой мысли, спорил, смеялся, но через год уже твердо верил, что, не разрушив современного социального строя, нельзя сделать человечество счастливым. Мы начали издавать рукописный журнал; я в нем поместил рассказ, который привел в восторг Б.: «Да это уже настоящее революционное произведение»; он его дал прочесть одному студенту-филологу, который очень похвалил только описание Китаевского леса; меня это тогда страшно покорило и даже оскорбило: «Слона-то он и не приметил, – думал я, – а еще студент»; всегда влюбленный друг моего детства П. написал для нашего журнала несколько красивых лирических стихотворений «о ней»; сам Б. дал один рассказ, прочтя который моя мать сказала: «Как будет хорошо, если он на всю жизнь останется таким, как в рассказе»; рассказ был исполнен идеальной нравственной чистоты, и пожелание моей матери, кажется, исполнилось; наши жизненные пути разошлись, но, по слухам, Б. сохранил до старости свою душевную чистоту, к счастью, отрешившись от беспочвенного утопизма; он бросил гимназию из-за отвращения к зубрению классиков. Рисунки для журнала давал

наш способный товарищ О.³⁶, поступивший в Академию художеств³⁷ и, в поисках новых путей, кажется, давший как художник гораздо менее, чем от него ожидалось в юности.

Дружба, беседы, чтение с Б. были одной из светлых страниц моей гимназической жизни. Но полностью это не могло меня захватить; я жаждал, по моему настроению и индивидуальным особенностям, приключений, романов и т. п. На этом поприще я столкнулся с влиянием, противоположным тому, представителем коего был Б. В пятом классе гимназии у нас появился прибывший, кажется, из Петербурга новый товарищ Е. К. по прозвищу «виконт», ибо он претендовал на графский титул; мы в классе занимали место рядом; он приносил на уроки в банках одеколона разнообразную водку, угощал меня; мы начали часто болтать. Когда священник рассказывал нам историю апостолов, К. возмущался: «Удивительное дело, везде их били; ну скажи об этом кратко и просто – в сюду были биты; зачем эти подробности, кому это интересно; странные люди – добивались непременно, чтобы их били; ты можешь понять такое желание?» Все это он по обычной своей манере говорить цедил как-то сквозь зубы, со скучающе-равнодушным видом. Рассказ физика о Галилее, о том, как под ударами плетей он повторял: «А все-таки вертится», привел К. даже в некоторое волнение, и он воскликнул: «Вот невероятный идиот». Пускаясь в философию, К. любил доказывать, что люди не делают преступлений только потому и тогда, когда знают, что этого нельзя скрыть и что

за преступлением наверно последует наказание: «Знай только ты, что никто не увидит и никогда не узнает, ты бы сам украл».

Наш законоучитель, несомненно, угадывал в К. нечто «бесовское»; он почти совсем не выносил разговоров с ним и спрашивал у него урок возможно реже; говорил ему «Вы», обращаясь к большинству гимназистов всегда на «ты». Помню, как однажды в классе происходили любимые священником схоластические рассуждения на тему о значении для человечества Богородицы; каждым спрашиваемым давались надуманные бессодержательные ответы, своей внешней набожностью вполне удовлетворявшие священника; взгляд его упал на К., ему стало неловко не спросить и его: «Скажите Вы, что думаете?» К. ленивой скороговоркой успел проговорить только «Пресвятая Богородица», священник не выдержал его тона и злобно прошептал: «Садитесь», перейдя к другому ученику. И действительно, «Пресвятая Богородица» и К., это было несовместимо.

От природы К. был умен, достаточно читал и был прекрасный товарищ, по-своему честный, во всяком случае, честнее тех, кто лицемерил; он открыто, не скрывая, исповедовал свои взгляды об относительной ценности честности. Не разделяя циничной идеологии К., наш кружок любил его за оригинальность и как тоже начало некоего протеста против гимназических устоев. Я почти всю жизнь одновременно, то в Петербурге, то в Киеве, встречался с К. Он, подобно Чи-

чикову, начал службу в таможенном ведомстве, а затем почему-то перешел в столь противоречившее его натуре судебное ведомство, разбогател посредством брака, жил широко и впоследствии разорился, впав в совсем уже какое-то болезненное пьянство. Принципиальная аморальность его жестоко его покарала. В «борьбе за существование» не все дозволено – показал своей жизнью К. А между тем я помню, как в наше безвременье К. и несколько юношей однородного типа восхищались Полем Астье³⁸, в действительно образцовом исполнении киевского артиста Неделина, и считали правильным его конец от руки врага: «Поль Астье, вы сейчас безоружны, а потому я вас убиваю». Мораль из пьесы Дюде извлекалась такая: «Если не хочешь быть убитым, то будь всегда вооружен». К счастью, как я говорил, среди нас, гимназистов, такая идеология исповедовалась незначительнейшим меньшинством, но в ней уже были опасные признаки будущего разрушения России.

Как реакция на формализм и сухость гимназии рано проявилась во мне и моих друзьях страстная любовь к водному спорту, театрам, вообще искусству, а также к различным приключениям, романам и т. п.

Дача бабушки под Киевом, близ Китаевского монастыря³⁹, была расположена у Днепра; это одна из живописнейших местностей Приднепровья. Старинный монастырь находится на месте бывшего дворца Андрея Боголюбского, на холмах, между которыми два красивых, обрамленных вер-

бами пруда; с одного из холмов открывается очаровательная панорама на долину Днепра. Особенно памятливы мне лунные ночи Китаева: белая колокольня монастыря, белый воск, блестящий под лучами луны на нарах завода, куранты колокольных часов, удары ночного сторожа в деревянную колотушку, тополя и окрестный лес – мощные старые дубы. Теперь все это изменилось: вместо векового леса – ограды, холмы тоже обезлесены, один пруд высох, другой лишен его главной красоты – аллеи из верб, но все-таки Китаев и сейчас один из поэтичнейших уголков под Киевом.

С Китаевым после продажи Гладышева связана вся моя почти полувековая жизнь. Уже будучи на службе в Петербурге, я никогда не порывал связи с родным углом.

Здесь именно развивалась моя страсть к водному спорту; в младшем возрасте плавание и лодка заполняли летом почти все мои досуги. Спорт был соединен с весьма веселыми приключениями, пополнял нашу компанию оригинальными типами, которые чаще всего встречаются среди любителей природы, приучал к ловкости и хладнокровию в моменты опасности, что мне весьма пригодилось впоследствии при моих странствиях по Приамурию. Гимназические власти не поощряли в то время спорта, а потому в нем для нас заключался еще и элемент приятного риска, соединенный со стремлением к запретному.

В старшие годы к спорту присоединялись различные виды искусства, молодые философские споры и романические

увлечения более юмористического, чем глубокого свойства, скорее в духе литературных образов, чем реальных искренних переживаний, но все-таки не лишенные красоты и поэзии.

Наша дружеская компания жила наиболее сплоченно и почти ежедневно собиралась именно во время летних каникул, хотя, конечно, не теряла взаимной связи и зимой. В ней были представители и вокально-музыкального искусства, начиная от дилетантов-свистунов и кончая будущими профессиональными артистами (известный баритон Бочаров), и представители живописи, и юноши бол[ь]шой ученой начитанности.

Хотя и бессистемно, но гораздо живее, чем на школьной скамье, приобретались путем взаимного общения новые знания.

Особенно памятны и дороги мне талантливые Ковалевские. Старший сын академика живописи П. О. Ковалевского – Коля был весьма одаренным художником. У отца его всегда, даже при материальных затруднениях, было две, редко одна, лошади, которых он обожал, берег до того, что, напр[имер], в Петербурге вел лошадь под уздцы с Васильевского острова⁴⁰ (от Академии художеств) до аллей Петровского острова⁴¹, чтобы не ездить по мостовой, и только пройдя пешком версты три-пять, садился на лошадь. Я с братом часто сопровождал П. О. [Ковалевского] на этюды, и это давало нам большое наслаждение. Писание этюдов сопровождала

лось философствованиями П. О. [Ковалевского] на различные житейские темы, с цитатами из прямо болезненно любимых им «Войны и мира» и «Анны Карениной». Мы горячо любили П. О. [Ковалевского] за его снисходительное отношение к нам, к нашим юношеским выходкам и за то, что он видел в нас не мальчишек, а почти товарищей, по крайней мере, в области любви к природе и литературе. Музыку П. О. [Ковалевский] не понимал и даже относился к ней, а в особенности к театру, как-то враждебно; он любил добродушно-насмешливо, когда мы увлечемся оперными воспоминаниями, цитировать: «Есть престранное создание, пресмешной оригинал; есть Господне наказание – под названьем театрал». Произносил он эти строки с большим пафосом. Один раз только, помню я, он похвалил артиста, а именно Писарева (трагика Александринского театра⁴²), когда у кого-то из знакомых прослушал действительно необыкновенное по красоте чтение им баллад А. Толстого («Веселый месяц май»)⁴³.

Картин своих до выставки П. О. [Ковалевский] никому не показывал, но смотреть на писание им этюдов разрешал; то, что ему было особенно дорого, что он не предназначал для продажи, увидеть было весьма трудно и, во всяком случае, удавалось только без его ведома. Лучшее, излюбленное им, написанное не для продажи – это были сепии – иллюстрации к «Войне и мир» (sic!) и «Казакам»⁴⁴ Льва Толстого. Осо-

бенно резко остались у меня в памяти действительно с выдающимся мастерством и любовью сделанные «Кутузов на барабане ест курицу» и «Пьер на постоялом дворе»⁴⁵. Кутузов и Пьер были кумирами П. О. [Ковалевского]. Эта серия сепий, представляющая полную иллюстрацию к названным произведениям Толстого, после смерти П. О. [Ковалевского] в 1903 году была продана его вдовой издателю «Нивы»⁴⁶ Марксу и за смертью последнего⁴⁷ осталась неизданной. Это большая, без сомнения, потеря для искусства.

Сын П. О. [Ковалевского] Коля, еще не прошедший никакой серьезной школы, обнаруживал весьма крупные способности, а этюды его сочностью и колоритностью превосходили даже отцовские. Несколько его картин уже имели большой успех на Киевской выставке⁴⁸. Жил Коля в маленькой белёной комнате мезонина нашей дачи; с балкона ее открывается дивный вид на Днепр, блестящей лентой выющийся среди зелени и песков до далеко синеющих на горизонте гор. Этот вид был весьма ярко в нескольких полотнах написан Колей, а все стены мезонина были покрыты остроумными карикатурами на нашу компанию Коля был легкомысленный, увлекающийся юноша с очень добрым сердцем. В Китаеве он влюбился и лет девятнадцати женился на молоденькой холоднококетливой киевлянке. Брак оказался неудачным, жена неожиданно бросила Колю, он переехал в Казань, тосковал там сильно и застрелился на глазах брата

– Володи⁵⁹.

Брат его Володя⁶⁰ являлся ученым философом нашей компании, и мы все очень гордились его начитанностью, которая действительно была велика по сравнению с его возрастом; предполагалось, что он, по стопам своего дяди Николая Иосифовича (известного физиолога) и деда – знаменитого ориентолога, посвятит себя ученой деятельности. В действительности из него вышел очень хороший доктор, увлекшийся после Японской войны⁴⁹ военно-морской службой: за участие в прорыве из Порт-Артура⁵⁰ он получил солдатский георгиевский крест⁵¹ (он пошел на войну добровольцем-врачом). Любовь к военной обстановке и, в частности, к флоту проснулась в нем внезапно и не могла быть совершенно предсказана по свойствам его застенчивой, склонной к кабинетным занятиям натуры. Сказалась, очевидно, наследственность, т[ак] к[ак] отец его избрал батальную живопись не случайно, а в силу действительного тяготения его к военному быту⁵². Он участвовал в русско-турецкой кампании 1878 года⁵³ и сохранил на всю жизнь самые живые, часто дружеские отношения с некоторыми героями этой войны; в частности, очень был привязан к великому князю Владимиру Александровичу, несмотря на странное охлаждение послед-

---

⁵⁹ В подлиннике это и предыдущее предложения заключены в скобки, поскольку В. Ф. Романов хотел удалить их в случае издания воспоминаний.

⁶⁰ Первые три слова вписаны от руки вместо слова: «Последний».

него к нему из-за следующего пустяка: П. О. [Ковалевский] изобразил на полотне один случай с великим князем во время войны, когда он со свитой, в которой находился и автор картины, по рассеянности въехал в полосу артиллерийского огня; снаряд разорвался в нескольких шагах от лошади великого князя, которая шарахнулась в сторону. Как строгий реалист, П. О. [Ковалевский] запечатлел на картине с полной правдивой точностью всю обстановку, и в своей позе великий князь усмотрел намек на его трусость; наступило охлаждение, прошедшее при встрече их уже пожилыми людьми в Петербурге; великий князь и П. О. [Ковалевский] расцеловались со слезами на глазах, и первый сказал печально: «Как Вы постарели», а второй, не считаясь с придворным этикетом, ответил: «Да и Вы, Ваше императорское высочество, не помолодели за это время». Фатальная картина, на которой были сделаны великолепно портреты всех участников упомянутого случая и холмистый пейзаж Болгарии, была подарена Ковалевским его другу – генералу А. И. Тальма, потомку знаменитого французского трагика и талантливому поэту-дилетанту. Особенно дружен был П. О. [Ковалевский] с помощником генерал-инспектора кавалерии А. П. Струковым⁵⁴, лихим кавалеристом, с которым сближала художника страстная любовь обоих к лошадям. По просьбе Струкова Ковалевский написал несколько портретов последнего германского императора Вильгельма в разнообразных позах на лошади; особенно эф[ф]ектен был портрет императора на

лошади, берущей барьер.

Военные друзья П. О. [Ковалевского] были близки и его сыну, а это тоже, несомненно, способствовало тяготению его к военной службе. Во время Европейской войны⁵⁵ Володя был уже флагманским врачом Балтийского флота, при большевиках же стал во главе организации, облегчавшей кадровым офицерам проезд в Северную армию; вел дело смело и поплатился за него жизнью⁵⁶.

Зимнее гимназическое время посвящалось нами главным образом театру, который оказал такое крупное влияние на меня и моих друзей, особенно в отношении укрепления любви ко всему национальному, что я не могу, вспоминая свои юные годы, не остановиться несколько подробнее на этой стороне моей жизни, даже под опасением заслужить упрек в нарушении основного плана моих записок.

В первый раз в жизни взят я был в театр лет десяти, будучи еще в пансионе⁵⁷. Давали «Демона»⁵⁸; состав исполнителей я помню до сих пор: Демон – Тартаков (тогда начинающий, но уже прославленный на юге России баритон), Тамара – Зарудная (красивое сопрано, впоследствии супруга композитора Ипполитова-Иванова) и Синодал – любимец киевской публики тенор Ряднов. Мальчиком, как я упоминал уже, музыки я не постигал, и от «Демона» у меня не осталось в памяти ни одного мотива; впечатление произвела главным образом сцена нападения на Синодала и его смерти. И после-

дующие редкие посещения мною оперы в младших классах гимназии не занимали меня совершенно с музыкальной стороны, но главным образом давали какое-то настроение красивого фантастического страха, который овладевал мною с момента приступа к настройке оркестра; разнообразные дикие по бессвязности звуки различных строящихся инструментов в то время, в сущности, были для меня привлекательнее всей оперной музыки; в них, в этих звуках, я как-то предчувствовал страх предстоящего действия. После «Гугенот»⁵⁹ и «Джиоконды»⁶⁰ я не мог долго спать, а когда заснул, видел страшнейшие сны. Слушать оперу я научился только лет семнадцати; началось это как-то внезапно, сначала с пения, потом с оркестра; у меня после «Миньон»⁶¹ осталось в голове несколько мелодичных арий этой оперы, и с этого вечера я вдруг начал слышать в опере то, чего раньше не воспринимал. Дальнейшему развитию слуха способствовало, вероятно, то, что я много разбирал на рояли из прослушанных мною опер.

Городской оперный театр, прежний маленький, сгоревший в 1894 году⁶², кажется, находился, когда я был в младших классах гимназии, в аренде у Савина, первого мужа знаменитой артистки; антрепренер этот был известен частыми своими прогарами; после одного неудачного сезона он был даже заключен в тюрьму⁶³.

Поездка наша в оперу была каким-то торжественным со-

бытием, с приготовлениями как на пикник: заготавливались закуски, приобретались конфеты, заранее нанимались извозчики, отправлялись мы в театр за два-полтора часа до начала спектакля, долго сидели в ложе полутемного театра, наблюдали, как зажигались свечи у лож и на центральной люстре (тогда, кажется, даже газового освещения не было), слушали с волнением звонки, которых обычно бывало более трех; представление начиналось не в 7½ ч[асов] вечера, как объявлялось в афишах, а обычно с опозданием на час и более, и кончалось оно иногда только к двум часам ночи (напр[имер], пять актов «Гугенот»). Каждый год в начале сезона объявлялось, что готовятся к постановке «Руслан и Людмила»⁶⁴ и «Рогнеда»⁶⁵. Представление их откладывалось «в виду сложности постановки» до следующего сезона. Это обстоятельство и отзывы бабушки об этих операх заставляли меня с братом заранее относиться к ним с особым уважением.

В труппе Савина было несколько хороших голосов, но, по-видимому, дело шло на различных гастролях; оркестр был маленький, человек в сорок; хор отвратительный, в стиле «Вампуки»⁶⁶, балет еще хуже – эта часть провинциальной оперы всегда, впрочем, возбуждала во мне отвращение, и я полюбил балет только тогда, когда переехал в Петербург, и то не в первые годы моей жизни там – настолько я был предубежден против балета.

Из артистов оперы того времени, кроме И. В. Тартакова и

Ряднова, могу отметить начинавшую свою сценическую карьеру М. М. Лубковскую, имевшую небольшой приятный голос и очень большие драматические способности при красивой изящной наружности; лирического тенора Супруненко; меццо-сопрано Смирнову, знаменитую киевскую Кармен; очаровательное по тембру, но безжизненное колоратурное сопрано Силину; драматическое сопрано Кончу и контральто Бичурину.

Репертуар был, конечно, самый провинциальный, сборный; русские оперы шли мало, если не считать «Онегина» и «Демона».

Драматического театра в восьмидесятых годах в Киеве не было; на Крещатике⁶⁷, где-то во дворе, в тускло освещенном узком зале давало представление Киевское драматическое общество⁶⁸. Странно, что, несмотря на большую, казалось бы, доступность моему пониманию комедийного искусства, я им увлекался гораздо менее, чем оперой; комедия была лишена для меня романтического страха. Но все-таки, несмотря на весьма скромные средства, Драматическое общество осталось в моих детских воспоминаниях как источник тоже большого наслаждения; участниками его были такие артисты, как М. Петипа, М. Потоцкая, тогда еще почти девочка и др. Ответственные роли играл тогда талантливый для вторых ролей артист Осмоловский, нашедший свое настоящее амплуа второго комика лишь в серьезной труппе Н. Н. Соловцова; лучшего камердинера в «Плодах просвещения» я,

например, не видел. Насколько скромна была обстановка тогдашнего драматического театра, можно судить по тому, что иногда, в случае болезни артиста, его заменял капельмейстер оркестра, а последний – это было нечто комическое; музыканты-еврейчики, когда становилось очень жарко, снимали сапоги.

Переворот в театральной жизни Киева произошел, когда я был уже в старших классах гимназии, в опере благодаря антрепризе И. Прянишникова⁶⁹, а в области русской драмы благодаря открытию постоянного драматического театра Н. Н. Соловцовым⁷⁰, именем которого до настоящего времени называется Киевский драматический театр, в новом здании на Николаевской площади⁷¹ (ранее труппа Соловцова играла в скромном здании театра Бергонье на Фундуклеевской ул[ице]⁷², бывшем цирке⁷³).

Этот период совпал со страстным моим увлечением театром, преимущественно оперой, которую я посещал чуть ли не ежедневно, а на праздники – два раза в день.

Прянишников как режиссер оживил оперные постановки, заставил жить на сцене хор, дал ряд постановок забытых Киевом или совершенно неизвестных киевлянам русских опер: «Руслан и Людмила», «Рогнеда», «Каменный гость»⁷⁴ (Даргомыжского), «Сын мандарина»⁷⁵ (Кюи), «Маккавеи»⁷⁶ (Рубинштейна) и др.; за это же время состоялись первые постановки «Князя Игоря»⁷⁷ (Бородина) и «Пиковой дамы»⁷⁸

(Чайковского). Я видел в стенах нашего старого театра П. И. Чайковского⁷⁹, дирижировавшего увертюрой «1812 год»⁸⁰, и А. Г. Рубинштейна, присутствовавшего при представлении оперы «Маккавеи», в которой И. В. Тартаков (в роли Иуды) достигал пределов музыкально-художественного творчества. Подъем, с которым был принят общий кумир П. И. Чайковский, как на симфоническом концерте, так и при первой постановке «Пиковой дамы» (я, к сожалению, не был), не может быть забыт. Помню, что, при каждом появлении его на эстраде, весь театр невольно почтительно поднимался (как в партере, так и в ложах); казалось, сидеть, когда «он» стоит, совершенно невозможным. «Пиковая дама» сразу, с первого же представления, на котором я был, произвела на меня самое сильное впечатление из всего слышанного за гимназическое время; я не знаю более выдержанной в романтическом стиле оперы, как по музыке, так и по либретто, и люблю эту оперу до сих пор, несмотря на ее заигранность. Скромный, мечтательный «Евгений Онегин» делался моим любимцем постепенно. Обставлена была тогда эта опера лучшими силами труппы Прянишникова; тенор М. Е. Медведев исполнением роли Германа приобрел громадную популярность на юге России; это был незаурядный артист, с очень приятного тембра баритональным тенором, к сожалению, неправильно, по-видимому, поставленным, без верхов и манерой как-то вытягивать ноты с напряженным унынием еврейского кантора; в ролях Лизы чередовались изящ-

ная М. М. Лубковская, великолепная во всех речитативах и погибавшая в высокой арии «у канавки», и холодная, но с мощным голосом Соловьева-Мацулевич; князя Елецкого безупречно пел И. В. Тартаков, не любивший, однако, этой второстепенной для него партии и позволявший себе иногда пропускать единственную свою арию; Томский – мощный бас Антоновский; графиня – в есьма стильная по игре и голосу любимица киевской публики Смирнова; и Полина (она же пастушок) – Нечаева, с молодым голосом, некрасивая, но пользовавшаяся горячими симпатиями гимназистов.

Из других опер наиболее любимой мною была и осталась «Аида»⁸¹; опять-таки потому, что я чувствую выдержанность ее стиля; как «Пиковая дама» отвечает, по крайней мере лично моему, представлению о романтике в опере, так «Аида» для меня музыкальное олицетворение Египта, пусть италианизированного, условного, но все-таки Египта; и когда жрец поет: «Храм Изиды перед нами», и когда блещит, искрится в музыке Нил (в увертюре к пятой картине), и когда идут жрецы судить Радамеса, и когда траурная Амнерис опускается на колени над его могилой, а Радамес кричит: «Камня гробового не сдвинуть рукой» и т. д. – все это для меня было и остается «моим» воображаемым Египтом. Странно, что в первый раз «Аида» мне настолько не понравилась, что я решил не слушать больше этой оперы; причина, вероятно, в плохом составе исполнителей; Медведев, например, не имея верхних нот, совершенно искажал дивную

по красоте выходную арию «Милая Аида». Появление в роли Радамеса могучего тенора итальянской школы А. П. Кошица и в роли Аиды незаурядного драматического сопрано Астафьевой сделало эту оперу неузнаваемой по сравнению с прежними постановками. Кошиц был полным контрастом Медведева: насколько первый обладал широкой, мощной кантиленой и был великолепен в главных ариях Радамеса, Рауля, Елеазара в «Жидовке»⁸², «Пророка»⁸³ и проч., относясь с полным, иногда комичным равнодушием к речитативным подробностям, а в игре ограничиваясь банальными оперными жестами, которых, как он заявлял с гордостью, у него было до 150, настолько Медведев был сравнительно слаб в пении и красив в речитативе и драматическом действии; поэтому роль Германа в «Пиковой даме» и была его коронной, а у Кошица самой слабой. Бедный Кошиц, безумно любивший пение, трагически кончил свою жизнь (зарезался), когда сорвал голос в «Кольце Нибелунгов»⁸⁴, а Медведев, потеряв голос, скромно и печально проживал одно время зимой и летом в Китаеве. Как-то грустно было видеть, как будто бы вспоминалась своя собственная невозвратная юность, его согбенную фигуру на тарантасике, когда он под вечер иногда возвращался из города на свою зимнюю дачу, и не верилось, что это бывший кумир киевских меломанов, который так был красив среди блеска и цветов оперного театра. Смотря на него, я почему-то всегда вспоминал Рудина в старости; Медведев по натуре своей не был еврей; у него

не было ни расчетливости, ни скромности в образе жизни, ни семейственности, и он кончил, как кончает большинство безалаберных русских артистов. Благоразумный И. В. Тартаков, ученик италианца Эверарди (который очень им гордился, говоря, что он воскрес в Тартакове), знал предел, за которым начинается богема, и благополучно дотянул до глубокой старости, чаруя своим голосом даже в 60-летнем возрасте и заняв прочное место режиссера Императорского Мариинского театра в Петербурге⁸⁵.

Из новых постановок Прянишникова я был еще особенно восхищен «Каменным гостем» Даргомыжского – этой гениальной мелодекламацией, в которой идеально сочетался волшебный стих Пушкина с яркой музыкой нашего великого композитора. К сожалению, опера эта прошла только раза два, три; тогдашняя публика не могла еще жить без арий, речитатив ей казался скучен, а больше нигде мне не пришлось слышать этого шедевра. Медведев (Дон Жуан), Тартаков (Дон Карлос) и Соловьева-Мацулевич (Донна Анна) – в каждой фразе, в каждой из фраз были такими, как должен был воображать своих героев Пушкин. До сих пор я слышу насмешливо-усталую фразу Медведева – Дон Жуана о том, что испанки нравились ему глазами голубыми, но потом надоели; до сих пор помню, как картину какого-нибудь знаменитого художника, печальную фигуру Дон Карлоса – Тартакова, предсказывающего Лауре печальную одинокую старость, и ее поэтично-легкомысленный ответ у залитого лу-

ной балкона: «В Париже сейчас холодно, дождь, а у нас, посмотри... какое дело нам до Парижа». Должен, однако, сказать, что все-таки ни одна новая вещь не захватывала меня так всего, не возносила на такие высоты эстетического самозабвения, как услышанная мною впервые уже на первом курсе университета «Снегурочка»⁸⁶ Римского-Корсакова, а по переезде в Петербург его же «Садко»⁸⁷, впервые поставленный в Большом зале Консерватории⁸⁸ московской труппой Мамонтова. «Снегурочку» киевляне тогда мало поняли и оценили, но небольшая группа слушателей, в том числе и я, несомненно, пережили зимой весну и на несколько часов гениальной музыкой были унесены из реальной жизни в область красивейшей русской сказки.

Что касается старой итальянской оперы, то мое увлечение ею, как это ни странно, началось позже, чем новой, в частности русской; обыкновенно происходит наоборот; музыкальный вкус развивается от примитива к более сложному, а начавший поклоняться Римскому, Бородину или Вагнеру, Серову и т. д. отвергает культ старого Верди совершенно, он его даже ненавидит или, по крайней мере, делает вид, что ненавидит.

Увлечение мое итальянцами началось с появления в Киеве хорошей гастрольной труппы, украшением которой была вышедшая в Киеве замуж за князя Ржевусского Олимпия Боронат, знаменитое колоратурное сопрано, которую да-

же моя бабушка, благоговевшая перед памятью итальянских певцов времен императора Николая I, весьма одобряла. Впоследствии в Петербурге я восхищался старым королем теноров Мазини и начинавшим тогда свой мировой успех тенором Карузо. Чем объяснить такой мой эклектизм в музыке? Врожденным безвкусием, несерьезной музыкальной подготовкой, влиянием восторгов бабушки, с которой я, впрочем, в юности горячо и даже грубо спорил, называя «Травиату»⁸⁹ шарманочной пошлостью, «брыньканьем» и т. д.? А теперь ведь никогда эту старую заезженную оперу, в которой даже веселые мотивы бала содержат в себе уже непонятные намеки на будущие страдания, не слушаю равнодушно. Мое объяснение, не знаю, правильно оно или нет, я другого никогда не мог подыскать, таково: опера старых мелодий, например, «Травиата», и современная, например, «Борис Годунов»⁹⁰ Мусоргского только по названию, совершенно, по моему мнению, ошибочному, относятся к одной отрасли искусства; одно – это песня, другое – музыкальная драма; если мерку реальной правды в искусстве, так ярко выявленную в «Борисе», «Хованщине»⁹¹, «Садко» и проч., применять к «Травиате», то последняя, действительно, окажется ничтожной; если любишь пение, красивое пение, то не можешь не наслаждаться старой итальянской мелодией, при соответственных, конечно, исполнителях, и мне всегда казалось, что вагнерианец какой-нибудь лицемерит, когда злобно

отрицает всякую «италианщину», как лицемерят теперь, например, придирчивые французские критики, утверждая, что «Снегурочка» устарела, ибо слишком примитивно-мелодична, что «Руслан» представляет только исторический интерес и т. д.; как будто бы «историчность» есть сама по себе порок, как будто бы красота мелодий не бессмертна. Я часто ловил строгих партийных критиков, как они, пусть не в театре, хотя бы даже в ресторане, а все-таки наслаждались пением, тем самым пением, про которое они в рецензиях своих шаблонно повторяли: «Для какой надобности потребовалось антрепризе извлекать из архивов старушку “Травиату”» и т. д. Никогда не верил я в искренность такого исступленного пропагандиста новой русской музыки – «Могучей кучки», как покойный Стасов, когда он предсказывал скорую кончину «Евгения Онегина», называл «Фауста»⁹² музыкой для портных и сапожников. Он говорил все это потому, что богами его были Римский, Бородин, Мусоргский и др., говорил в ослепленном фанатизме и в силу благородного побуждения заставить общество признать гениальность «кучки», но... но почему могли ему не нравиться, ну хотя бы пис[ь]мо Татьяны, вальс Гуно – сомнительно, ибо Стасов не мог ведь не любить красоты? Итак, я никогда не стыдился наслаждаться всякой красивой мелодией, хотя и имел общих богов со Стасовым.

Н. Н. Соловцов сделал для Киева гораздо, конечно, больше, чем Прянишников, так как киевская опера и в прошлом ее славилась хорошими певцами, обычно через киевскую

сцену проходившими в императорские столичные театры, драматического же театра Киев до Соловцова, в сущности, не имел. Труппа Соловцова появилась сначала в качестве гастрольной, в весеннем сезоне, кажется, 1890 года. Такая скучная, без действий пьеса, как «Раздел»⁹³ Писемского, где наследники в течение трех актов ссорятся между собою, и та явилась для нас, по тонкой художественности исполнения, целым откровением. Украшением труппы был знаменитый комик В. Н. Давыдов. Затем со следующего года театр Соловцова утвердился в Киеве. Имена таких крупных артистов, как Рощин-Инсаров, Неделин, Киселевский, Чужбинов, Гламма-Мещерская, Зверева и др., сделались родными для Киева. В своих постановках, в смысле художественного ансамбля Соловцов достигал иногда такого совершенства, которое впоследствии, через десятки лет только, было дано Московским художественным театром⁹⁴, но при этом в труппе Соловцова было больше, чем в Московском театре, яркой индивидуальной талантливости, при громадном разнообразном репертуаре, не дававшем возможности иссушать талант однообразием и заученностью. «Царь Борис»⁹⁵, например, был поставлен, с точки зрения устремлений даже Московского художественного театра, безукоризненно, а громадный трагический талант Рощина-Инсарова, несмотря на его неблагодарный, слегка сиплый голос, сделал в моих глазах заглавную роль недоступной другим артистам: Борис

и Рошин стали для меня синонимами. Не мог я также представить себе лучшего исполнения Поля Астье, чем недельинское, не видел и лучшего исполнения веселой комедии «В горах Кавказа»⁹⁶, чем Соловцовым, Неделиным, Гламмой и Чужбиновым. Сам Соловцов был замечательный артист на характерные роли (великолепен, напр[имер], был в роли мужика в «Плодах просвещения»), но любил почему-то иногда впадать в трагизм; играл Гамлета и тогда был слабоват. Популярностью в Киеве Соловцов пользовался такою, как в Петербурге дядя Костя – Варламов; появление его на эстраде, на различных благотворительных вечерах с неизменным «Индюком» и «Поросенком», вызывало смех и бурные приветствия всего зала еще до начала чтения. Дисциплина в труппе была образцовая; Соловцова боялись и уважали. Осмоловский, с которым одно время был дружен мой брат, в период склонности его к богеме, рассказывал о «Николае Николаевиче» различные истории всегда каким-то почтительным шепотом, а актер на вторые роли Кнорье прямо с ужасом (но всегда с любовью) вспоминал, как обрушился на него Соловцов, когда узнал, что летом где-то в уездном городе Кнорье изобразил из себя гастролера и сыграл, кажется, короля Лира. С Осмоловским Соловцов, в конце концов, поступил очень жестоко: на гастролях в Одессе Осмоловский, участвуя в какой-то мелкой роли в «Царе Борисе», сказал «Царевна Ксевна» вместо «Ксения»; Соловцов его разнес; на следующем представлении Осмоловский, вол-

нуясь, чтобы не спутаться, твердил перед выходом про себя «Царевна Ксения, Царевна Ксения», вышел и снова ляпнул «Царевна Ксевна»; Соловцов пригрозил, что если еще раз это повторится, Осмоловский будет выгнан из труппы; перед выходом на третьем представлении «Бориса» Осмоловский, по его словам, прочел мысленно даже молитву и, перекрестясь, снова провозгласил «Царевна Ксевна», и это было последним днем его участия в труппе Соловцова. Дальнейшей судьбы этого славного артиста я не знаю. Помню, что его любил и Куприн, тогда еще малоизвестный газетный сотрудник, имевший склонность к скромным кабачкам, где можно было наблюдать второстепенных, но характерных служителей всякого рода искусства.

Тогдашняя пресса нередко поносила Соловцова, упрекая его и в хаотичной неразборчивости репертуара, как будто бы провинциальный театр мог делать сборы при одном строго классическом репертуаре, и в склонности к рекламе (Соловцов делал, например, скидку на билеты для подписчиков издававшейся им газеты «Жизнь и искусство»⁹⁷, сам называл новый драматический театр по собственной фамилии и т. п.), а без рекламы тогда в Киеве трудно было рассчитывать на материальный успех; ведь Соловцов должен был завоевать равнодушную к русской драме киевскую публику. Только смерть Соловцова в конце, кажется, девяностых годов⁹⁸ объединила всех в общей горе, не исключая и газетных критиков; тогда вспомнили и общедоступные спектакли, и

дешевые билеты для учащихся, и массу благотворительных вечеров, устроенных покойным, а главное, ту высоту художественного совершенства, которого достигал театр под режиссерством Соловцова. Похороны его на Аскольдовой могиле в Киеве⁹⁹ были днем национального траура, почти весь интеллигентный Киев провожал покойного артиста к месту последнего его успокоения на живописнейшей Приднепровской горе. Также трогательно величественны были и похороны главных сотрудников Соловцова: убитого из ревности декоратором Маловым Рощина-Инсарова, Киселевского, Чужбинова, и, наконец, последнего из могижан, одинокого среди молодых артистов театра «Соловцова», Неделина.

Как Н. Н. Соловцов умел внушать окружающим его какое-то благоговейное отношение к искусству, можно судить по тому смущению, с которым Осмоловский выслушивал шуточные напоминания моего брата, что он его помнит в такой-то и в такой-то первой роли на сцене Драматического общества¹⁰⁰; «Оставь, оставь, не напоминай, – конфузливо говорил Осмоловский, – я настоящие мои роли играю только у Николая Николаевича»; чаще же Осмоловский совершенно отрицал, что он когда-либо играл крупные роли. Быть «капельдинером» в «Плодах просвещения» на Соловцовской сцене было почетнее в глазах истинного артиста, чем первым любовником в старом Киевском театре¹⁰¹; искусство было дороже личного самолюбия; таков был взгляд

Н. Н. Соловцова, так чувствовали и члены его труппы. Зная об этом, я не удивлялся впоследствии словам И. В. Тартакова, что сколько бы раз он ни пел Демона, Онегина и проч., он без волнения выйти на сцену никогда не будет в состоянии, не удивлялся и описанию первых провинциальных гастролей прославленного комика Варламова, который, по рассказам его неизменной сценической спутницы, знаменитой Стрельской (комической старухи), так волновался при каждом выходе в новом городе, что еле мог перекреститься дрожащими руками, а раз она боялась даже, что он не удержит в руках шляпы. Эти волнения – признак почтения перед искусством, признак действительной артистичности, боящейся случайно чем-нибудь нарушить, так сказать, благолепие совершаемого священнодействия. И спокойная наглость многих пришедших на смену старым богам театра, особенно многочисленных еврейского происхождения исполнителей означает только самомнение, а не подлинную талантливость. Но это – так, вскользь.

Гимназические наши увлечения театром вызывали сильные преследования со стороны начальства: запрещалось посещение галереи, которая и была только доступна нам по цене при частом посещении театра (билет на галерею стоил 40 коп[еек], а в последнем ряду партера 1 р[убль] 20 коп[еек]), в пансионе же разрешалось посещение лож не выше бель-этажа (не знаю, чем объяснить подобный снобизм), наконец, в последние годы моего гимназического пребывания

было установлено требование на каждое посещение театра получать разрешение инспектора. Я никогда не мог понять такого отношения к театру, так как гораздо хуже было времяпровождение отдельных «взрослых» гимназистов, увлекавшихся картами, что не могло быть проконтролировано гимназическими воспитателями. Когда я беседовал на эту тему с добрейшим нашим инспектором А. В. Старковым, указывая ему на то, что я понял бы театральные запреты лишь в тех случаях, когда увлечение театром отрицательно отражается на успехах гимназиста, А. В. старался мне доказать, что частое посещение театра может вызвать пресыщение им еще на гимназической скамье и, когда мы вырастем, нам театр уже ничего не будет давать, благоразумие же, мол, требует растянуть это удовольствие на всю жизнь. Такая философия в отношении нашей компании, по крайней мере, не оправдалась: мы на всю жизнь остались верны нашей любви к театру и музыке, любви, воспитанной именно в юные гимназические годы Прянишниковым и Соловцовым; поэтому-то имена их для нас навсегда остались дорогими, дороже гораздо фамилий всех прочих наших педагогов вместе взятых, ибо не они развили в нас чувство здорового национализма и понимание красоты, а Глинка, Римский, Чайковский, Мусоргский и т. д. и т. д. Как ни странно, но русским я почувствовал себя больше всего и прежде всего в оперном театре. Я отлично помню, что первые мои впечатления от «Руслана и Людмилы», «Рогнеды» и «Снегурочки» были этапами по пути укрепления

во мне сознательной любви к родине, а в частности к Киеву («я Киева гордость, я дочь Светозара»).

Запрещение галереи заставляло нас переодеваться в штатское платье, иногда даже гримироваться; помню, как мой сожитель и друг Миша Филипченко, имевший золотисто-рыжие волосы, выкрасился раз черным пахучим фиксатуаром; соседи страшно волновались по поводу невыносимого резкого запаха, подозревая, что это какая-нибудь дама неистово надушилась дешевыми духами; затем, под влиянием ужасающей обычно жары на галерее, М[иша] Ф[илипченко] начал таять, и лицо его покрылось черными подтеками. Брат мой однажды так был неузнаваем в еврейском костюмчике и фуражке, что, когда меня шутя с ним познакомили, я серьезно назвал свою фамилию.

Обычно мы удачно в темноте галереи скрывались от дежуривших в театре помощников классных наставников и педелей, но иногда приходилось, при ненадежности положения, брать места в партере, и тогда мы чувствовали себя какими-то бесправными, заброшенными. Дело в том, что на галерее все были знакомы, там происходила живая интересная критика исполнителей, там только можно было, не стесняясь, дикими криками выражать свои восторги или свистом порицать плохое исполнение, наконец, там был центр «партийной» борьбы. С галереи мы быстро устремлялись к выходу из-за кулис или к квартирам особо любимых артистов, где еще устраивали последние овации. Вот эта борьба «пар-

тий» (процветавшая специально в оперном театре) и уличные овационные путешествия и представляли из себя наибольшую опасность в смысле возможности кары со стороны гимназических властей.

Как во время наших отцов, Киевский оперный театр был раздираем распрями сторонников Павловской, с одной стороны, и Кадминой – с другой, так в мое гимназическое время партии группировались вокруг двух имен: Лубковской и Силовой, хотя репертуар их очень редко совпадал (первая пела главным образом лирические, вторая – колоратурные партии); остальные артисты, т[о] е[сть] симпатии к ним галереи, распределялись между этими двумя именами, напр[имер], лубковисты поддерживали всегда меццо-сопрано Нечаеву, а силинисты – Смирнову и т. д., вне партии, т[о] е[сть] общими любимцами были Тартаков и Антоновский, ибо серьезных конкурентов у них не было на киевской сцене, они были, так сказать, вне конкурса. Но впоследствии, когда киевская опера имела одновременно двух крупных теноров: еврея Медведева и русского Кошица, партийная борьба приобрела неожиданно еще национальную окраску и достигла максимума своего обострения. Все лубковисты, к которым принадлежала и моя компания, сделались яростными юдофобами. Евреи, гордясь наличием в опере двух таких действительно крупных сил, как Тартаков и Медведев, старались всячески умалить достоинство русских артистов, а о таких, которые не имели конкурентов, напр[имер], о Фигне-

ре, распространяли ложные слухи, что они еврейского происхождения; даже при дебюте Шаляпина в частной опере Панаевского театра¹⁰² мне пришлось слышать разговор, что вот, мол, появился замечательный еврей-бас. Я всегда любил моих товарищей-евреев за их искреннее увлечение искусством, но никогда не мог примириться с их каким-то шовинизмом в деле преувеличенного прославления «своих». И чем больше я наблюдал музыкально-артистическую жизнь России, тем более убеждался в гораздо более мощной талантливости русских, особенно великороссов, по сравнению с евреями. В самом деле, достаточно отметить только тот факт, что консерватории и музыкальные училища переполнены евреями (в некоторых их до 90 %), чтобы понять, как ничтожны художественные результаты еврейского служения искусству: наряду с такими великими именами, как Глинка, Даргомыжский, Чайковский, Римский, Мусоргский, Бородин, Танеев, Глазунов, Рахманинов, Скрябин и т. д. и т. д., мы знаем в России одно еврейское имя, да и то относящееся к композитору в сущности второго разряда, – А. Рубинштейна; в области пения ни один еврей не поднялся до высоты Хохлова (кумира Москвы в восьмидесятых годах), Шаляпина, Стравинского, Фигнера, Собинова и многих других. Любимец Киева И. В. Тартаков, при всей его талантливости, оскандалился и был освистан, когда вздумал в концерте спеть «Не плачь, дитя» после Хохлова, стараясь форсировать голос, чтобы хотя немного приблизиться к мощному го-

лосу Хохлова. О драматических наших театрах нечего и говорить; из поименованной мною выше плеяды славных артистов Соловцовской эпохи был один только еврей – комик Чужбинов. Таких имен, как даже современные нам Савина, Ермолова, Садовские, Давыдов, Варламов, Рощин-Инсаров, Сазонов, Дальский, Комиссаржевская и т. д. и т. д., евреи никогда в России не давали. То же, впрочем, и в литературе, ибо Толстого и Мачтета едва ли кто-либо решится сравнивать. Наличие нескольких мировых еврейских имен в европейском искусстве и литературе не может, конечно, влиять на мой вывод относительно несоизмеримости русских и еврейских художественно-артистических задатков, тем более что и Европа не знает евреев – создателей школ; Бетховена и Вагнера никому не придет в голову ставить на одну доску с Мейербером. Но при всем том у евреев, помимо действительной любви и глубокого понимания художественных красот, имеется большое преимущество перед русскими: это прилежание, настойчивость и бережное отношение к отпущенным Богом способностям. При равных данных русскому редко приходит в голову, редко хватает силы воли «специализироваться»; может быть, это отчасти объясняется еще тем, что все виды искусства в России были бесправным евреям гораздо более доступны, чем другие виды заработка. Отсюда – переполнение евреями различных оркестров и трупп в качестве средних исполнителей, количественное, а не качественное преобладание еврейского искусства

и кажущаяся с первого поверхностного взгляда их большая даровитость. Наша юная театральная компания инстинктивно поняла несправедливость в оценке русских и еврейских сил киевской оперы и с молодой горячностью принялась за борьбу. Нашим знаменем сделался тенор Кошица, а на почве борьбы его сторонников с Медведевской партией разыгрывались бурные скандалы на галерее, занимавшие нас тем более, что они заключали в себе элемент опасности и риска.

Я живо храню в своей памяти старого театрала подробности первого дебюта Кошица на киевской сцене; этому, как всегда, предшествовали слухи о необычайной красоте нового тенора, каких-то громадных черных глазах, необыкновенных успехах его в Италии и т. д. Медведисты – нервничали. Когда Кошиц-Радамес появился с жрецом, сразу, при первом их диалоге, почувствовалось разочарование в наших рядах и ликование среди врагов; К[ошиц] оказался с добродушным русским лицом и обыкновенными серыми глазами блондина; первые речитативы: «Счастлив избранник» и т. д. он произнес без всякой экспрессии, к которой приучил нас Медведев, слегка даже в нос; но вот началась знаменитая ария «Милая Аида», и галерея замерла; казалось, что арию эту мы слышим в первый раз; такое мощное дыхание, такую чистую филировку звука на высоких финальных нотах каждой фразы этой мечтательной арии, которых Медведев не пел, а как-то обрывал, показал сразу же Кошиц, что даже «евреи» не удержались и покрыли громом аплодисментов заключи-

тельную фразу «венец тебе я дам». В дальнейшем исполнение было такое же неровное, то вызывая восторги театра (особенно выходная ария на берегу Нила «Я вновь с тобой, моя Аида», объяснение с Амнерис, последний дуэт в склепе «Прости земля»), то давая минуты торжества еврейской партии, в особенности когда Кошиц поймал «петуха» на словах «жрец великий, я пленник твой» или комично равнодушно произносил речитативные фразы «кто нас подслушал; сам Царь?» и т. п. И в следующих своих дебютах Кошиц отличался такою же неровностью исполнения. Вторая роль, которую он спел в Киеве, была партия Елеазара в «Жидовке», высокого подъема и чувства достигал он в знаменитой арии «Рахиль, ты мне дана небесным Провидением», правдиво трагичен был в последующем объяснении с Кардиналом и тотчас же, в следующей партии, расхолаживал публику спокойнейшими вопросами о том, всех троих ли решено казнить или только его с дочерью; на ответ «Нет, двоих» он так добродушно произносил: «Я так и знал», что нельзя было не улыбнуться. Великолепен в вокальном отношении был Кошиц в «Фаусте», особенно в 1-й картине, где ария «Привет тебе, последний день» давала богатую пищу мощному мягкому тенору, но вместе с тем, когда настал момент возвращения Фаусту молодости, когда вместо старца появился юноша, мы увидели такую странную физиономию добродушного швейцара с белокурыми баками, что у некоторых даже вырвалось искренно: «Боже мой!» А тут еще Тартаков-Мефистофель,

впервые выступивший в этой басовой партии и давший художественный тип не шаблонного оперного черта, а хитрого, маленького, вертлявого, во всем черном, с рыжими волосами искусителя. Его тонкая игра и отделка всех речитативов затеняли совершенно Фауста-Кошица. При таких условиях борьба за Кошица не всегда была легка, но так как его соперник Медведев, побыв краткое время, без особого успеха на Императорских сценах, вернулся в Киев с преждевременно уже утомленным голосом, а Кошиц за это время сделался гораздо сценичнее, победа в конце концов осталась за нами. На прощальном «сборном» спектакле сезона Кошиц, принятый уже на Московскую императорскую сцену, был предметом бурных оваций (выступал в роли Турриду в «Сельской чести»¹⁰³), а Медведев, певший в трех последних картинах «Пиковой дамы», был освистан. Растерянность еврействующих была искренне-печальной. Какие-то девушки-еврейки, желая смутить Володю Ковалевского и видя, что своими аплодисментами не заглушают его свиста, окружили его в ложе и кричали: «Ну, ему хочется свистеть; ша, не мешайте ему, пусть свистит, если он этого хочет»; К[овалевский] не был уничтожен этим великодушием, достал ключ от своей комнаты и начал издавать звуки, мало уступающие локомотивному свисту. Не поддается описанию, что сделалось с поклонниками Медведева; я думал, что они растерзают Ковалевского.

Припоминаю такие весьма бурные спектакли-гастроли

молодого московского тенора Клементьева, прославившегося впоследствии в созданной им роли Нерона в одноименной опере Рубинштейна¹⁰⁴. Выступление его в роли Германа, окончившееся полным его триумфом, окончательно вывело евреев из душевного равновесия, и на галерее чуть не дошло до побоища.

Подобные истории не проходили для нас безнаказанно; если не педеля, то полиция вылавливали нас, для чего-то мы отводились в участок, там опрашивались наши адреса и затем мы выпускались на свободу.

Особенно бурно проходили бенефисы любимцев. Однажды, после бенефисного спектакля М. М. Лубковской на мою долю выпало зажигать бенгальские огни у ее квартиры, для чего я взобрался на уличный фонарь; только я приступил к исполнению своих обязанностей, как был атакован гимназическими педелями, спрыгнул с фонаря и бросился бежать к квартире Лубковской; на пороге я был пойман за одну руку педелем, а за другую мужем М. М. полковником Лубковским, которому и удалось втянуть меня в квартиру; я был счастлив, конечно, что попал к нашей любимице неожиданно в гости, но она чрезвычайно волновалась по поводу ожидавшей меня в гимназии кары; придуман был, в конце концов, такой план: на допросе я покажу, что М. М. моя тетка и что после спектакля я должен был у нее ужинать. На другой день я действительно был приглашен на допрос к нашему инспектору А. В. Старкову: «Это безобразие, Вы позво-

ляете себе», — начал он медленно меня разносить; выслушав гневную речь добряка А. В., я спокойно и с достоинством объяснил, что я и Лубковские оскорблены поведением гимназической стражи, ибо я мирно шел к ней ужинать по окончании спектакля, а на меня набросились, тащили из квартиры. «Почему же Вы ужинаете у артисток, разве это подобает гимназисту?» На это я с гордостью отвечал, что Л[убковская] моя тетка и, вполне естественно, я был приглашен к ней после бенефисного спектакля. Инспектор, очевидно сам увлекавшийся талантом Л[убковской], с большим оживлением начал меня расспрашивать о различных подробностях ее жизни: где она родилась, училась, дебютировала и т. п. Я лгал немилосердно и от наказания освободился. Л[убковская] была так внимательна, что на другой день приехала к моей матери справиться о моей судьбе.

Одно из самых бурных столкновений враждующих партий произошло на одном из бенефисов Нечаевой, певшей Амнерис в «Аиде». Вызывающее поведение наших врагов на этом бенефисе внесло такое озлобление, что на одном из следующих очередных спектаклей произошла неожиданно, без всяких оснований, рукопашная схватка. Лидер силинистов, по прозванию, за его мрачную наружность и бас, «Спарафучилло»¹⁰⁵, лишился очков, а один студент влез в карету к Силиной, погрозил ей кулаком и крикнул вслед: «И тебе, старуха, достанется». Она мне об этом рассказывала по окончании сезона с неподдельным ужасом. Кстати о «Спара-

фучилло»; это был канцелярский чиновник местного суда Пский, не пропускавший буквально ни одного оперного спектакля; в его одинокой и, вероятно, однообразной жизни мелкого чиновника опера, очевидно, была всем смыслом жизни; за 12 руб[лей] в месяц он имел свой клуб, общество, эстетику. Прошло много, много лет, мои сверстники – юные герои галереи, уже лысые, некоторые важные, заседали в первых рядах партера (присяжные поверенные А. А. Кистяковский, А. А. Френкель – театральные поэт и С. И. Горбунов, расстрелянный большевиками, прокурор С. И. Слепушкин и многие другие). Я из любопытства поднялся на галерею; там новая молодежь, для которой фамилии Кошица, Тартакова, Лубковской и проч. мало говорили, и вдруг увидел «Спарфучилло»; я расспросил о нем и узнал, что это завсегдатай галереи. Он и не подозревал, конечно, каким счастьем, каким дорогим воспоминанием о далеком хорошем прошлом было для меня видеть его «на посту». Казалось, вот-вот раздастся его могучий на весь театр бас: «Только за пляску», – слова, которые он неизменно выкрикивал по окончании 2-го акта «Миньон», в котором Лубковская изящно танцевала с зеркальцем; поклонник Филины – Салиной, он всегда старался подчеркнуть, что в вокальном отношении Лубковская равняться с нею не может, а если ей и хлопают, то только за изящество в танцах.

Национальная борьба в оперном театре отличалась, естественно, еще большим озлоблением, причем иногда прини-

мала чрезвычайно юмористический характер. Я сам был свидетелем такой сцены, которая потом рассказывалась в виде анекдота. На второстепенных ролях работал у Прянишникова тенор Борисенко; пел соло в хоре: «Ратаплан» в «Гугенотах» и т. д.; никто на него не обращал внимания, и вдруг в «Паяцах»¹⁰⁶, на первом представлении этой оперы он вызвал бурю восторгов исполнением закулисной арии Арлекина; с тех пор он начал выдвигаться и в Казани занимал уже амплуа первого тенора; успех Борисенко в «Паяцах» был столь неожиданный, что, так как содержания оперы большинство из публики еще не знало, некоторые перепутали его с Медведевым, выступавшим в заглавной роли; когда на вызовы вышел Борисенко, один пришедший в экстаз еврей кричал: «Без различия вероисповедания Борисэнко, Борисэнко!» Помню еще, как в «Самсоне»¹⁰⁷ Медведев, действительно с большим подъемом проводивший эту партию, привел в такой экстаз евреев, что они вызывали его уже не по фамилии, а просто вопили: «Самсон, наш Самсон»; это вызвало, конечно, соответствующую реакцию со стороны русской партии. Даже весьма солидный, уже немолодой, уравновешенный, ни в каких партиях не принимавший участия блондин Х., не пропускавший ни одного спектакля, в котором выступала Смирнова – у него была какая-то прямо смирновомания, и тот был втянут в борьбу. «Почему вы так нападаете на Медведева, – спокойно обратился он в антракте ко мне, – он все-таки в общем недурно исполняет Самсона,

конечно, он бледен по сравнению с Далиллой-Смирновой, но...» Я его вывел из спокойствия, когда провокационно заявил: «Вы так думаете, а вот евреи другого мнения; они говорят, что Смирнова как артистка в подметки не годится Медведеву». Я не узнал флегматичного блондина, лицо его сделалось багровым, он, задыхаясь, несколько раз полувопросительно повторил: «Смирнова... в подметки»; для него это было просто святотатство... и через некоторое время я его видел в центре галереи, среди евреев, разносящим, почти с опасностью для жизни, Медведева; на последнем спектакле хладнокровный блондин, спокойно прошедший весь сезон, свистел, ругался и вообще был выбит уже из колеи.

Итак, театр, как и летние наши похождения, помимо серьезного национально-воспитательного его значения, давал выход нашему молодому «буйству», какой-то странной нашей наклонности к чему-то вроде хулиганства, к протесту против тихого мирного течения жизни, к чему-то контрастирующему с унылым однообразием гимназических уроков.

Мы бывали в полном восторге, если удавалось хорошенько взбудоражить полицию или педелей.

В Купеческом собрании, например, на концерте Н. Н. Фигнера я не мог решить, от чего я получил более сильное впечатление – от пения ли этого великого артиста или финальной сцены в вестибюле собрания, где произошло столкновение с приставом величайшего оригинала нашей гимназии, впоследствии нотариуса, Ивана Колоколова. У него был

несомненный крупный комический талант; мимика и интонации его были таковы, что пустейшая и глупейшая фраза, какой-нибудь рассказец приобретали в его устах такой юмор, который заставлял смеяться даже самых серьезных людей. В дортуар пансиона он входил иногда взволнованный, огорченный и трагически-комично вопрошал: «Господа, где мой нос?» И весь зал разражался хохотом. А то на каком-нибудь вечере начнет как бы самому себе рассказывать: «Знаете, был господин, в Париже – повиндвинчивает ноги, повиндвинчивает голову (это слово уже с высочайшим пафосом!)... а сам ложится спать», и тому подобный вздор; вокруг него всегда собиралась постепенно толпа слушателей. Гуляя по Крещатику, он любил сзади тихонько взять за руку какого-нибудь незнакомца, и, когда он обернется, зловеще прошептать: «Тише, нас подслушивают!» или, с неопределенным жестом в пространство: «Он одобряет Казерио» (убийцу австрийской императрицы¹⁰⁸); от него шаркались, как от сумасшедшего. Однажды уже в университете К[олоколов] явился на практические занятия по политической экономии с громадной связкой всевозможных книг, какие только у него имелись дома; студент Горовой читал какой-то доклад; как он, так и сам профессор Пихно не без уважения посмотрели на К[олоколова] и его книги, предчувствуя в нем сильного оппонента. Во время доклада К[олоколов] нервно перелистывал книги, делал какие-то заметки и по временам так ехидно смотрел на референта, что послед-

ний постепенно делался все бледнее и растерянее. Кончился реферат, профессор почтительно обратился к К[олоколо-ву] с вопросом: «Вам, вероятно, угодно возражать»; последовал громкий с достоинством ответ: «Да»; Горовой побледнел, как стена; К[олоколов] начал с презрительной улыбкой. «Господин Городовой в своем докладе...» Пихно, видя смущение Горового, мягко остановил К[олоколова]: «Фамилия докладчика не Городовой, а Горовой». К[олоколов] снова начал свои возражения, назвав докладчика Городовым. Повторилось это еще раз, К[олоколов] извинился, что он сам не знает, что с ним сегодня, что у него какая-то болезненная рассеянность и т. д. Все это сопровождалось такой мимикой, что аудитория еле удерживалась от смеха; забрав все свои материалы, К[олоколов] деловито исчез.

Так вот этот самый К[олоколов] в вестибюле Купеческого собрания среди расходившейся после концерта публики неожиданно пронзительным голосом завопил: «Фи-и-игнер»; находившиеся вблизи К[олоколова] отскочили от него с испугом, и тотчас же, проталкиваясь через толпу, появился задыхающийся толстяк-пристав Закусилов; это был главный наш преследователь, в сущности поразительной доброты человек. «Молодой человек, – гаркнул он на Колоколова, – вы оглушили публику». – «Молодой человек, – отвечал приставу Колоколов, – а вы меня оглушили»; при этом лицо его изобразило такую гамму скорби, негодования и ужаса, что в публике начался смех. Смущенный названием «молодой че-

ловек», пристав яростно набросился на Колоколова, и между ними началось длительное препирательство. «Я, молодой человек, давно за Вами слежу; Вы у меня на примете; я всю Вашу биографию знаю», – угрожающе заявил Закусилов, а К[олоколов] в ответ на это: «Вы думаете, что я не слежу за вами, что мне ваша биография не известна, извольте: вы были выгнаны с должности станового пристава Таращанского уезда». Откуда К[олоколов] взял эту подробность из служебной жизни Закусилова, неизвестно, вероятно, измыслил; но, во всяком случае, привел в такое смущение пристава, что он вместо того, чтобы его арестовать, заявил, что окончательное объяснение по поводу происшедшего он откладывает до завтра, и попросил толпившуюся публику разойтись. «Да, завтра, молодой человек, мы объяснимся с Вами у местного полицмейстера», – победоносно заключил Колоколов, почему-то делая особое ударение на слове «местного», которое он произнес с большим пафосом и выговаривая через сооборотное; затем, обращаясь к публике и выражая на своем лице какое-то таинственное торжество, он как-то особо конфиденциально повторял: «Молодому человеку особенно, по-видимому, не нравится слово – мэстного». Смех в вестибюле стоял гомерический.

На другой день все дело кончилось, кажется, извинением К[олоколова] перед добряком приставом.

Почему Колоколов не пошел на сцену, предпочел ей карьеру нотариуса – непонятно.

И много одаренных гимназистов моего времени, подававших надежды, предпочли обычный проторенный житейский путь превратностям артистической карьеры.

В гимназии периодически устраивались спектакли; в последние годы это даже поощрялось начальством; давали «Ревизора»¹⁰⁹, «Женитьбу»¹¹⁰, «Лес»¹¹¹ (отрывки), и на все ответственные роли всегда находились способные исполнители. Брат мой, например, отличился в роли Яичницы, в гоголевской «Женитьбе»; режиссировал Неделин, и нам, помню, было приятно, что директор гимназии И. В. Посадский-Духовской и учитель словесности П. С. Иващенко относились с почтительным вниманием к указаниям этого талантливого артиста и затем на память снялись с ним и гимназистами-актерами на одной фотографической группе. Ранее мир чиновников-педагогов и свободных служителей искусства отделяла стена предрассудков. Неделин на вопросы некоторых из товарищей брата относительно сценической карьеры говорил, что сцена дает по временам громадное нравственное удовлетворение, но в личную жизнь человека вносит так много страданий, беспокойств, волнений, что он никому не мог бы дать совет посвятить себя сцене.

Я лично никаких сценических способностей не имел; мальчиком сносно изобразил раз Плюшкина, участвовал в сочиненной моей матерью оперетке «В Арбуцких горах», где вся моя [роль] состояла в пении четырех слов: «Вы чудо из чудес» в ответ на рассказ цыганки о том, как она живет в го-

рах; наконец, в доме моего товарища Б. я выступил, будучи уже гимназистом старших классов, в роли первого любовника – Николая в «Поздней любви»¹¹² Островского и так был поносим среди публики, не узнававшей меня после снятия грима, что это навсегда отбило у меня охоту подвизаться на подмостках. Брат же мой мечтал одно время о поступлении в театральное училище, но увлекся судебной деятельностью.

Комментарии

¹ Имеется в виду Бендерское акцизное управление. Акцизные управления – образованные законами 1860 и 1861 гг. местные органы Департамента неокладных сборов Министерства финансов, заведовавшие сбором акцизов, первоначально – только питейного, впоследствии – всех остальных акцизных сборов, ранее находившихся в ведении казенных палат или специальных органов.

² «Королева Марго» – исторический роман Александра Дюма-отца, написанный в 1845 г. и образующий первую часть трилогии о Гугенотских войнах, которую продолжили книги «Графиня де Монсоро» и «Сорок пять».

³ «Граф Монте-Кристо» – приключенческий роман Александра Дюма-отца, написанный в 1844–1845 гг. Классический русский перевод романа выполнил в 1846 г. журналист и переводчик В. М. Строев. Все дальнейшие русские издания опирались на этот перевод.

⁴ Подразумевается 6-томная работа немецкого зоолога А. Э. Брема «*Illustriertes Thierleben*» (Гильдбург, 1863–1869). В России эта работа получила известность под названием «Жизнь животных», ее первое русскоязычное издание вышло в двух томах (СПб., 1866).

⁵ «Наталка-Полтавка» – пьеса И. П. Котляревского. Впервые поставлена в 1819 г., опубликована – в 1838.

⁶ «Три мушкетера» – историко-приключенческий роман Александра Дюма-отца, написанный в 1844 г. Является первым романом трилогии, которую продолжили романы «Двадцать лет спустя» и «Виконт де Бражелон, или Десять лет спустя».

⁷ Волапюк (воляпюк) – международный искусственный язык, созданный в 1879 г. немецким католическим священником И. М. Шлейером. В данном случае это слово употреблено в переносном смысле.

⁸ Московская консерватория – высшее музыкальное учебное заведение, основанное в 1866 г., при поддержке Русского музыкального общества, Н. Г. Рубинштейном, который стал ее первым директором. Первоначально курс обучения в консерватории для певцов составлял 5 лет, для инструменталистов – 6 лет. С 1879 г. срок обучения по ряду специальностей был увеличен до 7 лет, а для пианистов, скрипачей и виолончелистов – до 9 лет с разделением на два отделения: младшее – с 1-го по 5-й курс и старшее – с 6-го по 9-й. Сту-

денты, оканчивавшие старшее отделение, получали звание «свободный художник». Преобразована в 1917 г.

⁹ «Евгений Онегин» – опера (лирические сцены) П. И. Чайковского в 3 действиях (7 картинах), созданная в 1878 г. Либретто к ней написал сам композитор при участии К. С. Шиловского по одноименному роману в стихах А. С. Пушкина. Премьера оперы была подготовлена студентами Московской консерватории под управлением Н. Г. Рубинштейна и состоялась 17 марта 1879 г. в Малом театре.

¹⁰ Гимназии в Российской империи – средние общеобразовательные учебные заведения, появившиеся в 1726 г. и разделенные, согласно Уставу 1864 г., на 8-классные классические (с гуманитарным уклоном) и 7-классные реальные (с естественнонаучным уклоном). С 1871 г. реальные гимназии назывались реальными училищами. В Киеве 1-я мужская гимназия была основана Александром I в 1809 г. на базе Главного народного училища. В 1811 г., по Особому уставу, она стала высшим учебным заведением и переехала с Подола в Кловский дворец. В 1857 г. гимназия переехала в здание № 14 на Бибиковском бульваре, построенное в 1850–1852 гг. по проекту архитектора А. В. Беретти. С 1874 г. она получила статус классической гимназии и называлась 1-я Киевская классическая гимназия, при которой существовал Благородный пансион. С 1911 г., в память о преобразовании гимназии, совершенном Александром I, она именовалась Императорской Александровской гимназией. Упразднена больше-

виками в 1919 г.

¹¹ Бибиковский бульвар в конце XIX – начале XX в. пролегал от ул. Крещатик до Галицкой пл. Возник в 1830-х гг. как Бульварная ул., затем – переименовывался в Шоссейный и Университетский бульвар. С 1869 г. назывался Бибиковским – в честь Д. Г. Бибикова, киевского генерал-губернатора в 1837–1852 гг.

¹² Памятник Николаю I в Николаевском сквере был сооружен по проекту скульптора М. А. Чижова и архитектора В. Н. Николаева и торжественно открыт 21 августа 1896 г. в присутствии Николая II и императрицы Александры Федоровны. В 1919 г. памятник уничтожили большевики, причем статую переплавили, а из гранитного постамента в 1936 г. изготовили надгробие М. С. Грушевскому. В 1939 г. на месте памятника Николаю I воздвигли памятник Т. Г. Шевченко.

¹³ Киевский университет (Университет Св. Владимира), высшее светское многопрофильное учебное заведение, был основан Николаем I в 1833 и открыт в 1834 г. в составе Философского факультета с двумя отделениями – Историко-филологическим и Физико-математическим. В 1835 г. открылся Юридический факультет, в 1841 – Медицинский. Согласно Университетскому уставу 1863 г., Философский факультет разделили на два самостоятельных факультета – Историко-филологический и Физико-математический, с 1883 г. последний, в свою очередь, состоял из Математиче-

ского и Естественного отделений. В 1838 г. при университете была создана Астрономическая обсерватория, в 1839 – заложен Ботанический сад, в 1883 – открыта Университетская медицинская клиника. При университете действовали также 10 научных обществ: Акушерско-гинекологическое, исследователей природы, историческое Нестора-летописца, Психиатрическое, Физико-математическое, Физико-химическое, Хирургическое, Юридическое и др. В 1861–1919 гг. ежемесячно издавались «Университетские известия». Главный корпус университета (Владимирская ул., 60) построен в 1837–1842 гг. по проекту архитектора В. И. Беретти. Его стены были окрашены в красный цвет, чугунные базы и капители колонн – в черный, что соответствовало цветам ленты ордена Св. Владимира. Девиз ордена – «Польза, честь и слава» – являлся и девизом Университета Св. Владимира. В 1920 г. преобразован в Институт народного образования. Восстановлен в 1933 г.

¹⁴ Имеется в виду Петербургский университет, основанный в 1819 г. Александром I на базе Главного педагогического института и открытый в 1820 г., хотя, по мнению ряда петербургских историков, университет ведет историю от Академического университета при Академии наук, основанных по указу Петра I в 1724 г. Первоначально имел три, в 1854–1917 гг. – четыре факультета: Восточный, Историко-филологический, Физико-математический и Философско-юридический. Подробнее см.: *Ростовцев Е. А.* Столичный уни-

верситет Российской империи: ученое сословие, общество и власть (вторая половина XIX – начало XX в.). М., 2017.

¹⁵ Видимо, подразумевается момент эмиграции В. Ф. Романова из России в 1920 г.

¹⁶ В конце XIX – начале XX в. Китаев – историческая местность на окраине Киева, название которой происходит, судя по всему, от тюркского слова «китай» (укрепление, крепость).

¹⁷ Герои поэмы Гомера «Илиада».

¹⁸ Юнкерское училище – основной тип 2-годичных учебных заведений, которые с 1864 г. готовили офицерские кадры из унтер-офицеров, юнкеров и вольноопределяющихся, а также из лиц, имевших неоконченное среднее образование. К началу XX в. многие юнкерские училища были преобразованы в военные училища.

¹⁹ См.: *Кистяковский В. В.* 1) Учебник экономической географии. Россия сравнительно с важнейшими государствами мира. Курс коммерческих училищ и коммерческого отделения реальных училищ. СПб. – Киев, 1911; 2) Учебник коммерческой географии. Россия сравнительно с важнейшими государствами мира. СПб. – Киев, 1912 (2-е издание: Пг. – Киев, 1917); 3) Обзорение Российской империи сравнительно с важнейшими государствами мира. Курс 5-классных мужских гимназий и реальных училищ. СПб. – Киев, 1913; 4) Российская империя. Отечествоведение. Курс

мужских гимназий и реальных училищ. Пг. – Киев, 1916.

²⁰ Континентальная система императора Наполеона I Бонапарта – система экономических и политических санкций, введенных им в 1806 г. против Великобритании, главного противника Франции в Европе. Суть континентальной системы состояла в полной блокаде Великобритании, производившейся не только Францией, но и всеми зависимыми от нее европейскими государствами. Обострение русско-французских противоречий из-за континентальной блокады стало одной из причин Отечественной войны 1812 г. После поражения Наполеона I в России европейские государства с 1813 г. одно за другим объявляли о выходе из системы континентальной блокады, которая формально была ликвидирована в апреле 1814 г., после падения Наполеона I и реставрации Бурбонов во Франции.

²¹ «Прекрасная Елена» – оперетта (опера-буфф) в 3 актах, написанная французским композитором Ж. Оффенбахом в 1864 г., авторами ее либретто были А. Мельяк и Л. Галеви. Премьера оперетты состоялась в 1864 г. в Париже, в театре Варьете. В 1866 г. «Прекрасная Елена» была впервые показана в России, в петербургском Михайловском театре, в исполнении труппы французских артистов.

²² Дерптский университет был основан Александром I в 1802 г. и являлся преимущественно немецким по составу преподавателей и учащихся, по причине чего преподава-

ние в нем велось на немецком языке. В 1893 г. произошла полная русификация университета, который переименовали в Юрьевский университет (по древнерусскому названию Дерпта – Юрьев). В конце XIX – начале XX в. в университете функционировали внефакультетская Кафедра православного богословия и пять факультетов: Богословский, Историко-филологический, Медицинский, Физико-математический и Юридический. Состав русского студенчества увеличился благодаря допущению в университет выпускников духовных семинарий.

²³ «Война и мир» («Война и миръ») – роман-эпопея графа Л. Н. Толстого, написанный в 1863–1869 гг. и впервые опубликованный в 1865–1868 гг.

²⁴ «Дворянское гнездо» – роман, написанный И. С. Тургеневым в 1856–1858 гг. и впервые напечатанный в 1859 г.

²⁵ «Обрыв» – роман И. А. Гончарова, завершённый в 1869 г. и представляющий собой заключительную часть трилогии, которую образуют «Обыкновенная история» и «Обломов». Первая публикация «Обрыва» относится к 1869 г.

²⁶ «Плоды просвещения» – комедия в 4 действиях графа Л. Н. Толстого, первая редакция которой была закончена в 1889 г., окончательная – в 1890. Первоначально театральная цензура разрешила ставить пьесу только на любительской сцене «с особого дозволения» местных властей. Поэтому ее премьера, состоявшаяся 8 февраля 1891 г., была ор-

ганизована Московским обществом искусства и литературы на сцене Немецкого клуба. Однако уже в том же 1891 г. пьесу разрешили для постановки в императорских театрах, а в 1894 – и в остальных.

²⁷ «Анна Каренина» – роман графа Л. Н. Толстого, создававшийся в 1873–1877 гг. и опубликованный в журнальном варианте в 1875–1877, отдельным изданием – в 1878 г.

²⁸ Александр III и его семья, а также великий князь Владимир Александрович посетили 1-ю Киевскую классическую гимназию 15 августа 1885 г.

²⁹ Имеется в виду Киевская духовная академия, высшее православное духовное учебное заведение, основанное Александром I в 1819 г. Срок обучения в ней составлял четыре года. С 1872 г. при академии существовали Церковно-историческое и Археологическое общества и музей. С 1837 г. она издавала еженедельный журнал «Воскресное чтение», с 1860 – ежемесячник «Труды Киевской духовной академии», с 1879 – «Киевские епархиальные ведомости». Упразднена большевиками в 1920 г.

³⁰ Софийский собор – выдающийся памятник архитектуры и монументальной живописи Киевской Руси, сооруженный в первой половине XI в. при великом князе Ярославе Мудром. Собор возводился как главный митрополичий храм Древнерусского государства. Размеры здания: длина – 37 м, ширина – 35 м, высота от пола до зенита центрального ку-

пола – 29 м. Внутри собора из 640 м² мозаик до настоящего времени уцелели 260 м², сохранилось также около 3 тыс. м² фресковой живописи. С 1240 г., после татаро-монгольского нашествия, собор постепенно разрушался, в XVI в. став собственностью униатов. В 1630–1640-х гг. киевский митрополит Петр Могила основал в нем мужской монастырь. Первоначальные формы византийского стиля собор сохранял до XVII в. В 1685–1707 гг. его перестроили в стиле барокко.

³¹ Здание Киевского купеческого собрания было сооружено в 1882 г. по проекту архитектора В. Н. Николаева и имеет Большой концертный зал, который отличается совершенной акустикой.

³² Братский (Богоявленский) монастырь основан в 1615 г. и находился между Контрактовой пл. и Набережно-Никольской, Ильинской и Волошской улицами. В ансамбль монастыря входили: Богоявленский собор, построенный в 1690–1693 гг. по проекту архитектора О. Д. Старцева (не сохранился), старый двухэтажный корпус Киевской академии (1703, архитектор О. Д. Старцев), надстройка и церковь (1732–1740, архитектор И. Г. Шедель), поварня с кельями (1652–1826), трапезная и Святодуховская церковь (XVII в.), братские кельи (1822–1879), новый корпус академии (1822–1825, архитектор А. И. Меленский), колокольня (1756–1759, архитектор С. Д. Ковнир; не сохранилась), корпус настоятеля (1780 – середина XIX в.), здание просфирной (1780 – се-

редина XIX в.).

³³ Подол – исторический район Киева, один из древнейших в городе. Расположен на правобережной низине между устьем р. Почайны и склонами Старокиевской горы, Замковой горы и гор Хоревица и Щекавица (отсюда – название района, поскольку слово «подолие» означало «низменная местность»).

³⁴ О болезни, закончившейся смертью Александра III, впервые было официально объявлено 17 сентября 1894 г. «Здоровье Его Величества, – сообщал в этот день “Правительственный вестник”, – со времени перенесенной им в прошлом январе тяжелой инфлюэнцы, не поправилось совершенно; летом же обнаружилась болезнь почек (нефрит), требующая для более успешного лечения в холодное время года пребывания Его Величества в теплом климате. По совету профессоров Захарьина и Лейдена Государь отбывает в Ливадию, для временного там пребывания». Затем, вплоть до 4 октября, никакой официальной информации о здоровье самодержца не публиковалось. Однако «заключение врачей: берлинского профессора Лейдена, профессора Захарьина, доктора Попова и почетного лейб-хирурга Вельяминова на консилиуме 4-го октября о состоянии здоровья Его Императорского Величества» гласило следующее: «Болезнь почек не улучшилась; силы уменьшились. Врачи надеются, что климат Южного берега Крыма благотворно повлияет на состояние здоровья августейшего больного». «В состоянии

здоровья Государя Императора, – сообщалось из Ливадии 5 октября в 11 вечера, – замечается ухудшение: общая слабость и слабость сердца увеличились». «В состоянии здоровья Государя Императора, – сообщалось 6 октября в 7 вечера, – перемены нет». Кончина Александра III произошла в 14 час. 15 мин. 20 октября (Бюллетени о состоянии здоровья Его Императорского Величества Государя Императора Александра III // Император Александр III. СПб., 1895. С. 34, 35, 40).

³⁵ Речь идет об Александре III.

³⁶ Судя по всему, имеется в виду Околович Николай Андреевич, родившийся в 1876 г. и учившийся в Академии художеств с 1897 по 1901 г. Он получил большую бронзовую медаль от Одесской школы рисования, а 1 ноября 1901 г. – звание художника за картину «Лунный свет». С 1912 г. состоял хранителем Русского музея императора Александра III (т. е. Русского музея). См.: *Кондаков С. Н.* Императорская Академия художеств. 1764–1914. В 2 т. СПб., 1914. Т. 2. Часть биографическая. С. 143.

³⁷ Императорская Академия художеств – высшее художественное учреждение Российской империи, созданное в Петербурге в 1757 г. по указу императрицы Елизаветы Петровны, первоначально – как закрытое художественное учебное заведение с тремя отделениями – живописи, скульптуры и архитектуры. Возглавлялась президентом, назначавшимся

императором. По Уставу 1764 г. академия была преобразована в высшее художественное учреждение и получила самоуправление, органом которого стало собрание профессоров, и при ней открыто Воспитательное училище, существовавшее до 1840 г., куда принимали всех, кроме детей крепостных крестьян. В 1802 г. академический Устав пополнился новыми статьями, закрепившими за академией статус высшего художественного учреждения, однако с 1811 г., потеряв самостоятельность, она находилась в ведении Министерства народного просвещения, а с 1829 – Министерства Императорского двора и уделов. С 1843 г. президентами академии назначались только члены императорской фамилии. Устав 1859 г. закрепил потерю академической корпорацией самоуправление и к уже преподававшимся предметам добавил гравирование и медальерное искусство. Бюрократизация академии привела в 1863 г. к расколу в среде ее выпускников и возникновению группы так называемых «передвижников». По Уставу 1893 г. в составе академии, хотя и оставшейся подразделением Министерства Двора, но получившей существенную автономию благодаря широким полномочиям ее президента, были созданы Академическое собрание, включавшее в себя избираемых им же действительных членов академии («художественный парламент»), и подчиненное собранию Высшее художественное училище живописи, скульптуры и архитектуры. В результате реформы 1893 г. передвижники заняли как в собрании, так и в училище лиди-

рующие положение. В 1918 г. Академия художеств упразднена декретом Совнаркома, а Высшее художественное училище преобразовано в Петроградские государственные свободные художественные учебные мастерские.

³⁸ Поль Астье – главный герой пьесы А. Доде «Борьба за существование», написанной в 1889 г.

³⁹ Имеется в виду основанная в XIV в. Китаевская пустынь – пещерный монастырь, подчиненный с XVII в. Киево-Печерской лавре. В ансамбль монастыря входила Троицкая церковь, построенная в 1763–1768 гг. по проекту архитектора С. Д. Ковнира, а также кельи и колокольня (не сохранились). В урочище Китаев расположены Китаевские пещеры, впервые исследованные в 1857 г.

⁴⁰ Васильевский остров – самый большой остров дельты Невы (площадь – 1090 га), между Большой Невой и Малой Невой. На западе выходит на Невскую губу Финского залива, с севера отделяется от о. Декабристов (бывш. – Голодай) р. Смоленка. Наибольшая протяженность с севера на юг – 4,2 км, с запада на восток – 6,6 км. Возвышается над уровнем воды на 1,3–3,5 м. Назван в конце XV в. по имени владельца – новгородского посадника Василия Селезня. С центром Петербурга остров соединен мостами Благовещенским (бывш. Лейтенанта Шмидта, Николаевский) и Дворцовым.

⁴¹ Петровский остров – остров дельты Невы, к западу от Петроградского (Петербургского) острова (отделен от него р.

Ждановка), часть исторического района Петроградская (Петербургская) сторона. С юга омывается Малой Невой, с севера – Малой Невкой. В начале XVIII в. принадлежал Петру I, откуда и произошло его название. Петровский остров связан с Крестовским островом Большим Петровским мостом, с Петроградским островом – Малым Петровским мостом.

⁴² Александринский театр, один из старейших драматических театров России, был основан в 1756 г. как Русский театр для представления трагедий и комедий и с 1832 г. назывался Александринским в честь императрицы Александры Федоровны, жены Николая I. На протяжении XIX – начала XX в. являлся одним из ведущих драматических театров Российской империи. Находился в ведении Дирекции Императорских театров Министерства Императорского двора и уделов до 1917 г.

⁴³ Подразумевается баллада графа А. К. Толстого «Порой веселой мая», написанная в 1871 г. и опубликованная под названием «Баллада с тенденцией» в том же году.

⁴⁴ «Казачи» – повесть графа Л. Н. Толстого, созданная в 1862 г. и напечатанная в 1863.

⁴⁵ Известны следующие композиции П. О. Ковалевского, которые являются иллюстрациями к роману Л. Н. Толстого «Война и мир»: «Кутузов в Цареве-Займище», «Кутузов перед Бородинским сражением» и «Можайская дорога» (с изображением Пьера Безухова).

⁴⁶ «Нива» – еженедельный иллюстрированный журнал, выходивший в Петербурге (Петрограде) в 1867–1918 гг. как журнал для семейного чтения и ориентированный на широкий круг читателей. Выпускался издательством А. Ф. Маркса, после смерти которого в 1904 г. его издательство было преобразовано в акционерное общество «Товарищество издательского и печатного дела А. Ф. Маркс». Редакторами «Нивы» последовательно являлись: В. П. Ключников, Ф. Н. Берг, Д. И. Стахеев, князь М. Н. Волконский, А. А. Тихонов (Луговой), Р. И. Сементковский и В. Я. Светлов. «Нива» была наиболее популярным и распространенным иллюстрированным еженедельником Российской империи: ее тираж к 1900 г. достигал 235 000, а к 1917–275 000 экз. Всего за 48 лет существования журнала вышли 2500 его номеров и более 50 млн экземпляров бесплатных приложений к ним.

⁴⁷ А. Ф. Маркс умер 22 октября 1904 г.

⁴⁸ Судя по всему, подразумевается одна из выставок, организованных Киевским товариществом художественных выставок – объединением, существовавшим с 1887 по 1900 г.

⁴⁹ Имеется в виду русско-японская война 1904–1905 гг.

⁵⁰ Первая попытка прорыва Тихоокеанской эскадры, под командованием контр-адмирала В. К. Витгефта, из осажденного японцами Порт-Артура во Владивосток произошла поздно вечером 10 июня 1904 г., однако по причине численного превосходства японского флота эскадра вернулась об-

ратно. Вторая попытка прорыва Тихоокеанской эскадры началась 28 июля, когда в результате морского сражения Витгефт погиб, 10 из 18 вымпелов эскадры вернулись в Порт-Артур (существенно пополнив его гарнизон и вооружение), остальные корабли, имея повреждения, ушли в нейтральные порты, где подверглись интернированию, за исключением крейсера «Новик» (командир – капитан 2-го ранга М. В. Шульц), который встретил у о. Сахалин 2 японских крейсера, принял неравный бой и был затоплен своей командой.

⁵¹ Имеется в виду Георгиевский знак отличия (Знак отличия Военного ордена) (с 1913 г. – Георгиевский крест) – массовая воинская награда в Российской империи. Учрежден в 1807 г., когда был отнесен к классу ордена Св. Георгия. Награжденные этим знаком отличия числились при ордене, не являясь его кавалерами, но с 1913 г. их стали называть георгиевскими кавалерами. Георгиевский знак отличия, которым награждались нижние воинские чины за военные подвиги, первоначально имел только одну степень, однако в 1856 г. были учреждены четыре степени: 1-я и 2-я – золотые кресты, 3-я и 4-я – серебряные кресты. Они жаловались, как правило, последовательно, начиная с 4-й, причем 1-я и 3-я степени имели банты на орденской ленте. Георгиевский знак отличия не снимался при производстве в офицеры и в случае награждения орденом Георгия любой степени.

⁵² П. О. Ковалевский написал довольно много батальных картин, которые посвящены преимущественно русско-ту-

рецкой войне 1877–1878 гг. В частности, им были написаны картины: «Штаб 12-го корпуса в Болгарии (Пленные турки)» (1878, Русский музей), «12 октября 1877 года (Перевязочный пункт)» (1878, Русский музей), выставывавшиеся на Академической выставке 1881 г., и «Переход через Балканы» (1881). В 1880-х гг. П. О. Ковалевский выполнил несколько картин для Военной галереи Зимнего дворца, а именно: «Сражение при реке Ломе 12 октября 1877 года (Дело у деревни Иван-Чафтлык 12 октября 1877 года)» (Академическая выставка 1887 г., Исторический военно-инженерный музей в Москве), «Кавалерийское дело у Трестеника и Мечки 14 ноября 1877 года», «Ночной бой под Карагачем 4 января 1878 года». Точное количество картин, написанных П. О. Ковалевским для Зимнего дворца, и даты их написания неизвестны. Имеются сведения о заказе художнику еще двух картин: «Дело у деревни Кадыкой 9 июля 1877 г.» и «Отражение всей армии Сулеймана-паши 30 сентября 1877 г.». Кроме того, им выполнены многочисленные батальные и батально-жанровые картины малого размера: «Казаки убирают своих убитых», «Привал пехотного полка в Балканах», «Раненый на Шипке», «За Балканами» (все четыре картины выставывались на Академической выставке 1884 г.), «Перевал» (Академическая выставка 1885 г.), «Казаки, ловящие лошадь», «Башибузуки с болгарскими девушками», «Казаки над убитым болгаринном» (все три картины были на Академической выставке 1888 г.), «Привал кавалерийского пол-

ка на Балканах в русско-турецкую войну 1877 года» (Академическая выставка 1890 г.), «Казачий разъезд по следам башибузуков» (Академическая выставка 1891 г.), «Джигитовка казаков в станице» (Академическая выставка 1890 г.). Подробнее см.: *Садовень В. В.* Русские художники баталисты XVIII–XIX вв. М., 1955. С. 280–290.

⁵³ Подразумевается русско-турецкая война 1877–1878 гг.

⁵⁴ Генерал-инспектор кавалерии – должность, входившая в состав штата Военного министерства в 1864–1891 и в 1895–1918 гг. В ведении генерал-инспектора находились вопросы строевой и боевой подготовки кавалерийских частей, улучшения постановки кавалерийского дела в армии, комплектования действующих полков лошадьми, ремонта и службы кадров бригад кавалерийского запаса (в 1895–1909 гг.), формирования запасных эскадронов, деятельности Офицерской кавалерийской школы. В состав Управления генерал-инспектора входили: его помощник, Штаб (в 1895–1918 гг.), Канцелярия из двух отделений (в 1864–1891 и 1895–1918 гг.), Управление инспектора ремонтов кавалерии и бригад кавалерийского запаса (в 1895–1909 гг.) и Офицерская кавалерийская школа (в 1882–1891 и 1895–1918 гг.). Управление генерал-инспектора кавалерии ликвидировано в 1918 г.

⁵⁵ Речь идет о Первой мировой войне 1914–1918 гг.

⁵⁶ Член ЦК Трудовой народно-социалистической партии

В. И. Игнатьев, одновременно – член антибольшевистской подпольной организации «Союз возрождения России», вспоминал, что от имени союза вел в Петрограде в июне 1918 г. переговоры с «доктором» В. П. Ковалевским. Доктор руководил тайной военной организацией, направлявшей офицеров через Вологду на Мурман в Славяно-британский легион, формировавшийся генералом Ф. Г. Пулем, командиром экспедиционного корпуса Антанты на Русском Севере. Ковалевский имел «своего представителя в Архангельске, работающего под фамилией Томсона», который находился «в тесном контакте с английской миссией». Под фамилией «Томсон» действовал капитан 2-го ранга Г. Е. Чаплин. «Из беседы с Ковалевским, – отмечал Игнатьев, подразумевая организацию Ковалевского, – я вынес впечатление о том, что организация эта правого устремления и стоит за диктатуру генерала (по-видимому, Алексеева), а пока что является агентом генерала Пуля и набирает главным образом гвардейское офицерство непосредственно в распоряжение генерала Пуля. Поэтому от совместных действий с ней я отказался, но мы решили регулярно информировать друг друга о положении дел, не предпринимать выступлений без предварительного осведомления другой стороны». За организацией Ковалевского, имевшей также «некоторые конспиративные квартиры под Вологдой», стояли «группировки “Правого центра”», другой антибольшевистской подпольной организацией, более правой, чем «Союз возрождения», и состо-

явшей из монархистов. В дальнейшем Игнатъев встречался с «агентами» организации Ковалевского в Вологде и Архангельске. В последнем городе в июле 1918 г. эта организация, под руководством Чаплина, вела «подготовительную работу по перевороту», т. е. по свержению Советской власти, что произошло в конце июля. В Архангельске Игнатъев узнал следующее: «Славяно-британский легион составиля из реакционного офицерства на Мурмане, которое из Петрограда направляли английскому генералу Пулю доктор Ковалевский и генерал Геруа, черпая это офицерство из гвардейских полков» (Воспоминания В. И. Игнатъева // Красная книга ВЧК. В 2 т. М., 1989. Т. 2. С. 106–107, 111, 117–118).

⁵⁷ Т. е. в Благородном пансионе при Киевском университете.

⁵⁸ «Демон» – фантастическая опера А. Г. Рубинштейна в 3 действиях (7 картинах) с прологом. Ее либретто написали П. А. Висковатов при участии А. Н. Майкова по одноименной поэме М. Ю. Лермонтова. Премьера оперы состоялась 13 января 1875 г. в Мариинском театре.

⁵⁹ «Гугеноты» – большая опера Дж. Мейербера в 5 действиях (6 картинах), либретто к которой написали Э. Скриб и Э. Дешан по роману П. Мериме «Хроника времен Карла IX». Премьера оперы состоялась 29 февраля 1836 г. в Королевской академии музыки в Париже.

⁶⁰ «Джоконда» («La Gioconda») – опера А. Понкьелли в 4

действиях с либретто Т. Горрио (А. Бойто) по драме В. Гюго «Анджело, тиран Падуанский». Премьера прошла 8 апреля 1876 г. в миланском театре «Ла Скала». В России опера была представлена впервые 18 января 1883 г. итальянской труппой, гастролировавшей в Петербурге.

⁶¹ «Миньон» – опера А. Тома в 3 действиях (4 картинах), ее либретто написали М. Карре и Ж. Барбье по мотивам романа И. В. Гете «Годы учения Вильгельма Мейстера». Премьера «Миньона» имела место 17 ноября 1866 г. в парижском театре «Опера-комик». В России «Миньон» был впервые представлен итальянской труппой 14 декабря 1871 г., на русской сцене – в Большом театре 1 ноября 1879 г.

⁶² Имеется в виду так называемый второй Киевский городской театр, сооруженный по проекту архитектора И. В. Штрома и открытый в 1856 г. Зал Городского театра, с 4 ярусами лож, вмещал 850 зрителей. В театре ставились драматические, оперные и балетные спектакли. В 1856–1863 гг. здесь играли русские и польские драматические труппы, в 1863–1866 гг. – итальянская опера Ф. Бергера. В 1867 г. в этом театре, при содействии Киевского отделения Русского музыкального общества, открылась Русская опера – первый стационарный оперный театр на Украине и русский оперный театр в Киеве. Антрепренерами Русской оперы были Ф. Г. Бергер (в 1867–1874 гг.), И. Я. Сетов (в 1874–1883, 1892–1893 и 1893–1897 гг.), Н. Н. Савин (в 1883–1889 гг.) и Киевское оперное общество под руководством И. П. Пряниш-

никова (в 1889–1892 гг.). В 1897 г. здание Русской оперы сгорело, и в 1898–1901 гг. оперные спектакли шли в Театре Соловцова. В 1901 г. они возобновились во вновь построенном театральном здании (архитектор В. А. Шретер) при антрепризах М. М. Бородая (в 1901–1907 гг.), С. В. Брыкина (в 1907–1912 гг.), М. Ф. Топор-Багрова (в 1912–1917 гг.). Развитию музыкально-сценической культуры способствовали такие дирижеры Русской оперы, как И. К. Альтани, В. М. Вилинский, А. А. Кошиц, А. М. Пазовский, И. В. Прибик, В. И. Сук и Л. П. Штейнберг. Большинство солистов Русской оперы, в репертуаре которой главное место занимали произведения западноевропейской и русской классики, в разное время выступали также в Мариинском и Большом театрах.

⁶³ Н. Н. Савин попал в долговую тюрьму в 1889 г. за растрату залогов служащих своей труппы (*Ярон С. Г.* Киев в [18]80-х гг. Воспоминания старожила. Киев, 1910. С. 199).

⁶⁴ «Руслан и Людмила» – «волшебная опера» М. И. Глинки в 5 действиях (8 картинах), либретто к которой написали сам Глинка, К. А. Бахтурин и В. Ф. Ширков при участии Н. А. Маркевича, Н. В. Кукольника и М. А. Гедеонова по одноименной поэме А. С. Пушкина. Премьера оперы состоялась 27 ноября 1842 г. в петербургском Большом театре.

⁶⁵ «Рогнеда» – опера А. Н. Серова в 5 действиях с либретто Д. В. Аверкиева по сценарию композитора. Премьера оперы прошла в Мариинском театре 27 октября 1865 г.

⁶⁶ «Вампука, невеста африканская, образцовая во всех отношениях опера» – опера-пародия В. Г. Эренберга в 1 действии (2 картинах) с либретто композитора по драматическому фельетону А. Манценилова (князя М. Н. Волконского). Премьера оперы состоялась 19 января 1909 г. в петербургском театр-кабаре «Кривое зеркало». Драматический фельетон Волконского высмеивает колониальную политику Англии и пародирует нелепые штампы старой оперы. В «Вампуке» пародированы ситуации «Африканки» Дж. Мейербера и «Аиды» Дж. Верди, есть реминисценции из «Фауста» Ш. Гуно и других опер. В музыке многочисленны цитаты из «Гугенотов» Мейербера.

⁶⁷ Крещатик – центральная магистраль Киева. В период Киевской Руси здесь находилась долина, которую называли Крещатой, поскольку ее пересекали (перекрещивали) овраги. Формирование Крещатика как улицы началось в 1830–1840-х гг. В 1870–1880-х гг. XIX в., когда его длина достигла 1,2 км, Крещатик фактически становится главной улицей Киева.

⁶⁸ Имеется в виду Русское драматическое общество (Русское драматическое товарищество), основанное в 1879 г. в Киеве и находившееся в Музыкальном переулке. Труппа общества состояла из актеров-любителей, однако в его спектаклях нередко участвовали известные профессиональные актеры. Репертуар труппы общества составляли пьесы рус-

ской и западноевропейской драматургии. Спектакли ставились на сценах Городского театра, театра Бергонье, на собственной – в Музыкальном училище. В 1889 г. общество прекратило свою деятельность.

⁶⁹ Оперный певец и профессор Петербургской консерватории И. П. Прянишников в 1889 г. основал Киевское оперное товарищество (Киевское оперное общество) – одно из первых оперных товариществ в Российской империи, существовавшее до 1892 г. Деятельность общества сыграла важную роль в становлении русской оперы в Киеве и способствовала росту русской и украинской музыкальной и постановочной культуры. Благодаря обществу были созданы хор и оркестр под управлением дирижера И. В. Прибика. См.: *Чечотт В. А. Двадцатипятилетие Киевской русской оперы (1867–1892)*. Киев, 1893.

⁷⁰ Театр Соловцова (Театр «Соловцов») – русский драматический театр в Киеве, созданный в 1891 г. Е. Я. Неделным, Н. С. Песоцким, Н. Н. Соловцовым и Т. А. Чужбиновым как «Товарищество драматических артистов». С 1893 г. театр стал единоличной антрепризой Соловцова, руководившего им до 1902 г., т. е. до смерти, и здесь поставившего свои основные спектакли. Первоначально театр находился в помещении Театра Бергонье на Фундуклеевской ул., в 1898 г. переехал в новое, специально построенное здание на Николаевской пл. Постоянный актерский состав, тщательная подготовка спектаклей, серьезная работа режиссера

с исполнителями определили высокое качество постановок театра. В его репертуар входили лучшие произведения современной драматургии и русской классики, причем особое внимание уделялось пьесам А. П. Чехова. После смерти Соловцова антреприза перешла к его вдове актрисе М. М. Глебовой (1902–1905 гг.). В 1906–1911 и 1917–1919 гг. театр принадлежал И. Е. Дуван-Торцову, в 1911–1913 гг. – М. Ф. Багрову, в 1911–1913 – Н. Н. Синельникову. В 1919 г. театр был национализирован и переименован во Второй государственный драматический театр УССР им. В. И. Ленина. См.: *Николаев Н. И.* Драматический театр в г. Киеве. Киев, 1898; *Синельников Н. Н.* Шестьдесят лет на сцене. Харьков, 1935.

⁷¹ Театр Соловцова переехал в новое здание на Николаевской пл. в 1898 г.

⁷² Фундуклеевская улица – одна из центральных улиц Киева конца XIX – начала XX в., проходившая от ул. Крещатик до Маловладимирской ул. Первоначально называлась Кадетской, поскольку на ней предполагалось возвести здание кадетского корпуса. В 1869 г. переименована в Фундуклеевскую – по имени И. И. Фундуклея, киевского губернатора в 1839–1852 гг., на средства которого в 1859 г. в двух каменных домах, находящихся на этой улице под № 6, была открыта первая в Киеве женская (Фундуклеевская) гимназия.

⁷³ В. Ф. Романов не вполне точно излагает историю театра и цирка Бергонье. В 1868 г. французский коммерсант

Огюст Бергонье на пересечении Кадетской (позднее – Фундуклеевской) и Новоелизаветинской улиц приобрел земельный участок. В сентябре 1874 г. здесь было построено временное деревянное помещение цирка, в 1875 – его каменное помещение и двухэтажный дом (архитектор В. Н. Николаев). В конце 1875 г. каменное помещение цирка арендовал князь В. Д. Оболенский для театра-цирка «Альказар». В 1878 г. Бергонье построил еще один двухэтажный дом, во внутренней части которого находился театр («Театр Бергонье»), на втором этаже – гостиница «Лион». С 1878 г. театр арендовали разные антрепренеры: Н. Н. Савин (русские драматическая и опереточная труппы), С. С. Иваненко, И. Я. Семенов. В октябре – декабре 1882 г. в театре выступала труппа Г. А. Ашкаренко с участием М. Л. Кропивницкого, труппа М. Л. Кропивницкого, в 1883 – труппа М. П. Старицкого. В 1883 г. помещение было перестроено под драматический театр, в который с 1884 г. приезжало на гастроли Московское общество драматических актеров, возглавляемое Н. Н. Соловцовым, который в 1891 г. основал здесь собственный театр («Театр Соловцова»). С 1897 г. в Театре Бергонье начались постоянные массовые демонстрации фильмов, одновременно в нем гастролировали итальянские оперные труппы. В 1917 г. в Театре Бергонье выступал «Молодой театр», в 1917–1918 гг. работал Театр миниатюр, возглавляемый П. М. Милорадовичем, в 1919 – Театр Красной Армии. В апреле 1919 г. помещение Театра Бергонье было передано Пер-

вому театру УССР им. Т. Г. Шевченко, выступавшему в нем до 1923 г. На протяжении 1922–1925 гг. там же находились и другие театры. С 1926 г. в этих помещениях (реконструированных в 1930-х гг.) начались спектакли Русского драматического театра им. Леси Украинки.

⁷⁴ «Каменный гость» – опера А. С. Даргомыжского в 3 действиях (4 картинах) на текст одноименной трагедии А. С. Пушкина. Закончена Ц. А. Кюи, инструментована Н. А. Римским-Корсаковым. Премьера оперы состоялась 16 февраля 1872 г. в Мариинском театре. На рубеже XIX–XX вв. Римский-Корсаков осуществил новую оркестровку и досочинил небольшое вступление. В этой редакции опера была впервые исполнена 19 декабря 1906 г. в Большом театре.

⁷⁵ «Сын мандарина» – комическая опера (опера-шутка) Ц. А. Кюи в 1 действии с либретто В. А. Крылова. Премьера оперы прошла в Петербурге, в Клубе художников, 7 декабря 1878 г.

⁷⁶ «Маккавеи» – опера А. Г. Рубинштейна в 3 действиях (6 картинах), немецкое либретто – С. Мозенталя по одноименной трагедии О. Людвига. Премьера оперы состоялась 17 апреля 1875 г. в Берлине, в России – 10 января 1877 г. в Мариинском театре. В Киеве опера была поставлена в 1888 г.

⁷⁷ «Князь Игорь» – опера А. П. Бородина в 4 действиях с прологом, ее либретто написал сам композитор на основе сценария В. В. Стасова по «Слову о полку Игореве». «Князь

Игорь» был закончен Н. А. Римским-Корсаковым и А. К. Глазуновым. Премьера оперы прошла в Мариинском театре 23 октября 1890 г. В Киеве «Князь Игорь» был поставлен уже 29 октября 1891 г.

⁷⁸ «Пиковая дама» – опера П. И Чайковского в 3 действиях (7 картинах), либретто к которой написал М. И. Чайковский по одноименной повести А. С. Пушкина. Премьера оперы состоялась 7 декабря 1890 г. в Мариинском театре. В Киеве премьера «Пиковой дамы» прошла уже 19 декабря 1890 г.

⁷⁹ Второй Киевский городской театр, где находилась Русская опера, П. И. Чайковский посещал в связи с постановками своих опер «Опричник», «Евгений Онегин» и «Пиковая дама» в 1874, 1889 и 1890 гг.

⁸⁰ Торжественная увертюра «1812 год» (соч. 49) – оркестровое произведение П. И. Чайковского, созданное в 1880 г. в память о победе России в Отечественной войне 1812 г. Первое исполнение увертюры состоялась 8 августа 1882 г. в Москве в Храме Христа Спасителя.

⁸¹ «Аида» – опера Дж. Верди в 4 действиях (7 картинах), либретто к ней написали А. Гисланцони и К. дю Локля по сценарию О. Мариетта. Премьера оперы прошла 24 декабря 1871 г. в Каире, в России – 19 ноября 1875 г. в Петербурге силами итальянской труппы, на русской сцене – 1 апреля 1877 г. в Мариинском театре.

⁸² «Жидовка» («Дочь кардинала») – опера Ф. Галеви в 5 действиях на либретто Э. Скриба. Премьера оперы состоялась 23 февраля 1835 г. на сцене парижского театра «Гранд-опера». В России она была представлена в первый раз на сцене петербургского немецкого театра 23 октября 1837 г. (под названием «Дочь кардинала»), на русской сцене (под названием «Жидовка») – также в Петербурге 6 февраля 1859 г. После 1917 г. опера идет под названием «Дочь кардинала».

⁸³ «Пророк» – большая опера Дж. Мейербера в 5 действиях, либретто к которой написал Э. Скриб. Премьера оперы состоялась 16 апреля 1849 г. в Париже в Национальном театре оперы.

⁸⁴ «Кольцо Нибелунга» – торжественное сценическое представление для «предвечерия» и трех дней, музыку и слова к которому написал Р. Вагнер (предвечерие – «Золото Рейна», первый день – «Валькирия», второй – «Зигфрид», третий – «Гибель богов»).

⁸⁵ Мариинский театр – один из старейших музыкальных театров России, открытый в 1783 г. в Петербурге как Каменный театр, в котором выступали драматическая, оперная и балетная труппы. В 1803 г. произошло отделение оперной и балетной трупп от драматической. На сцене театра шли иностранные оперы, а также первые оперные произведения русских композиторов. В 1836 г. здесь была поставлена опера М. И. Глинки «Жизнь за царя», открывшая классический пе-

риод русского оперного искусства. В 1860 г. театр получил название Мариинского в честь императрицы Марии Александровны – жены Александра II. До 1917 г. находился в ведении Дирекции Императорских театров Министерства Императорского двора и уделов.

⁸⁶ «Снегурочка» – «весенняя сказка» Н. А. Римского-Корсакова в 4 действиях с прологом, либретто к которой написал сам Римский-Корсаков по одноименной пьесе А. Н. Островского. Премьера оперы прошла 29 января 1882 г. в Мариинском театре.

⁸⁷ «Садко» – опера-былина Н. А. Римского-Корсакова в 7 картинах на либретто, написанное композитором при участии В. И. Бельского, В. В. Стасова, Н. М. Штрупа и В. В. Ястребцева. Премьера оперы состоялась в Московской русской частной опере 26 декабря 1897 г.

⁸⁸ Имеется в виду Московская консерватория.

⁸⁹ «Травиата» – опера Дж. Верди в 3 действиях (4 картинах) на либретто Ф. М. Пьяве по роману и пьесе А. Дюма-сына «Дама с камелиями». Премьера оперы прошла 6 марта 1853 г. в Венеции в театре «Ла Фениче».

⁹⁰ «Борис Годунов» – опера М. П. Мусоргского в 4 действиях с прологом, либретто к которому написал сам Мусоргский на основе сочинений А. С. Пушкина и Н. М. Карамзина. Премьера оперы состоялась 27 января 1874 г. в Мариинском театре. В редакции Н. А. Римского-Корсакова опе-

ра была впервые исполнена в Петербургской консерватории 28 ноября 1896 г.

⁹¹ «Хованщина» – народная музыкальная драма М. П. Мусоргского в 5 действиях (6 картинах) с либретто композитора. Премьера оперы прошла 9 февраля 1886 г. в Петербурге силами Музыкально-драматического кружка любителей. В Киеве «Хованщина» была поставлена 26 октября 1892 г.

⁹² «Фауст» – опера Ш. Гуно в 5 действиях на либретто, написанное Ж. Барбье и М. Карре по I ч. одноименной трагедии И. В. Гете. Окончательная редакция оперы впервые была представлена в Париже в Императорской академии музыки 13 марта 1869 г. В России первое представление «Фауста» дала итальянская труппа в Петербурге в 1863 г. На русской сцене премьера оперы состоялась 10 ноября 1866 г. в Большом театре.

⁹³ «Раздел» – комедия А. Ф. Писемского, написанная в 1853 г.

⁹⁴ Московский художественный театр, называвшийся до 1901 г. «Художественно-общедоступный», был создан В. И. Немировичем-Данченко и К. С. Станиславским. Открытие театра состоялось 14 октября 1898 г. Ядро труппы составили воспитанники Драматического отделения Музыкально-драматического училища Московского филармонического общества, где актерское мастерство преподавал В. И. Немирович-Данченко, и участники любительских спектаклей руко-

водимого К. С. Станиславским Общества искусства и литературы. В начале XX в. Московский художественный театр стал одним ведущих драматических театров Российской империи.

⁹⁵ «Царь Борис» – трагедия графа А. К. Толстого, написанная и напечатанная в 1870 г. и ставшая заключительной частью драматической трилогии, в которую вошли пьесы «Смерть Иоанна Грозного» (1866) и «Царь Федор Иоаннович» (1868). Первая постановка «Царя Бориса» состоялась в Москве в 1881 г.

⁹⁶ «В горах Кавказа. Картинки минеральных нравов» – комедия, написанная И. Л. Леонтьевым (псевдоним – Иван Щеглов) в 1884 г. В России конца XIX – начала XX в. она была одной из наиболее репертуарных комедий.

⁹⁷ «Жизнь и искусство» – литературно-политическая и художественная газета, выходившая в Киеве в 1893–1900 гг. Редакция газеты помещалась на ул. Прорезной в доме № 8^а.

⁹⁸ Н. Н. Соловцов умер 12 января 1902 г.

⁹⁹ Аскольдова могила – часть паркового комплекса в Киеве на склонах правого берега Днепра. По преданию, в 882 г. именно здесь новгородский князь Олег убил киевских князей Аскольда и Дира, причем Аскольд был похоронен на месте гибели. До 1809 г. над Аскольдовой могилой стояла деревянная церковь. В 1810 г. архитектор А. И. Меленский воздвиг на ее месте каменную церковь-ротонду, перестроенную

позднее в виде паркового павильона. Вокруг Аскольдовой могилы до 1935 г. находилось кладбище, которое было одним из наиболее привилегированных кладбищ дореволюционного Киева.

¹⁰⁰ Имеется в виду Русское драматическое общество (товарищество) в Киеве.

¹⁰¹ Подразумевается театральная традиция, существовавшая в Киеве до Театра Соловцова.

¹⁰² Панаевский театр в Петербурге (Адмиралтейская наб., 4) был построен в 1887 г. на участке, принадлежавшем инженеру путей сообщения В. А. Панаеву, под его наблюдением и при участии архитектора В. А. Кенеля. Театр, открытый в 1888 г., помещался внутри пятиэтажного дома, в котором находились также жилые помещения и ресторан. Высокий зал имел 4 яруса лож, галерею на 5-м ярусе и партер и мог вместить до 2500 чел. Названия Панаевский (или Бывший Панаевский) и Театр Панаева сохранялись, несмотря на перемены его владельцев. Одновременно театр носил названия действовавших здесь антреприз. В 1890 г. появилось название Театр Гинтер – по имени новой владелицы. С 1898 г. он назывался Фарс, с 1904 – Буфф, затем – Зимний Буфф, с 1912 – Русский драматический театр. В сентябре 1917 г. здание театра почти полностью сгорело и восстановлено не было.

¹⁰³ «Сельская честь» – опера П. Масканы в одно дей-

ствие, либретто к которой написали Дж. Тарджони-Тодзетти и Г. Менаши по одноименной новелле и пьесе Дж. Верги. Премьера оперы состоялась 17 мая 1890 г. в Риме в театре «Констанци». В России она была показана впервые в 1891 г. в Москве итальянской труппой. На профессиональной русской сцене «Сельская честь» появилась в сезоне 1892–1893 гг. в Казани благодаря антрепризе В. Петровского.

¹⁰⁴ «Нерон» – опера А. Г. Рубинштейна в 4 действиях (8 картинах) на французское либретто Ж. Барбье. Премьера оперы прошла 1 ноября 1879 г. в Гамбурге. В России «Нерон» был поставлен впервые в Петербурге 29 января 1884 г. силами итальянской труппы, на русской сцене – в Мариинском театре 31 октября 1902 г.

¹⁰⁵ Спарафучиле (Спарафучилле) – один из героев оперы Дж. Верди «Риголетто», созданной в 1850–1851 гг. «Риголетто» – опера в 3 действиях (4 картинах), либретто которой написал Ф. М. Пьяве по драме В. Гюго «Король забавляется». Премьера оперы состоялась 11 марта 1851 г. в Венеции в театре «Ла Фениче». В России «Риголетто» был впервые исполнен артистами Императорской итальянской оперы в Петербурге 31 января 1853 г. Первое исполнение оперы отечественными певцами на итальянском языке состоялось 20 октября 1859 г. в московском Большом театре. На русском языке «Риголетто» прозвучал впервые в Петербурге 6 ноября 1878 г.

¹⁰⁶ «Паяцы» – опера Р. Леонкавалло в 2 действиях с прологом на либретто самого композитора. Премьера оперы прошла 21 мая 1892 г. в Милане в «Театро даль Верме». На русской сцене она была поставлена впервые 11 января 1893 г. в Москве Товариществом И. П. Прянишникова.

¹⁰⁷ «Самсон и Далила» – опера К. Сен-Санса в 3 действиях, либретто которой написал Ф. Лемер. Премьера оперы состоялась 2 декабря 1877 г. в Веймаре. В России ее исполнила впервые в 1893 г. в Петербурге французская труппа. На русской сцене премьера оперы прошла в Мариинском театре 19 ноября 1896 г.

¹⁰⁸ В действительности австрийская императрица Елизавета, супруга императора Франца-Иосифа I, была смертельно ранена в Женеве 10 сентября 1898 г. итальянским анархистом Л. Лукени. Что касается другого итальянского анархиста, Санте Казерио, то он 24 июня 1894 г. в Лионе смертельно ранил президента Франции М.-Ф. Сади Карно.

¹⁰⁹ «Ревизор» – комедия в 5 действиях Н. В. Гоголя, первоначальную сценическую редакцию которой он написал в 1836 г., а окончательную – в 1842. Первые представления комедии по первоначальной редакции произошли 19 апреля 1836 г. в Александринском театре и 25 мая того же года – в Малом театре. В обоих театрах комедия неоднократно возобновлялась: до 1870 г. в Александринском и до 1882 в Малом – в первоначальной редакции, позднее – по редакции

1842 г.

¹¹⁰ «Женитьба, или Совершенно невероятное событие в двух действиях» – пьеса Н. В. Гоголя, окончательная редакция которой была впервые показана 9 декабря 1842 г. в Александринском театре.

¹¹¹ «Лес» – комедия в 5 действиях А. Н. Островского, написанная им в 1870 г. Премьера комедии состоялась 1 ноября 1871 в Александринском театре.

¹¹² «Поздняя любовь» («Сцены из жизни захолустья в четырех действиях») – пьеса А. Н. Островского, написанная в 1873 г. и впервые поставленная на сцене Малого театра.

Глава 2. Окончание гимназии. Университет (1893–1897 годы)

Кража экзаменационных тем в гимназии; радость освобождения от нее и сознание своего невежества. Первые впечатления от юридического факультета Киевского университета; профессора Ренненкампф, Пихно, Соколовский и Владимирский-Буданов; критическое отношение к утопиям. Переезд в Петербург; стильная красота столицы; похороны императора Александра III и венчание Николая II; увлечение молодым Царем. Восточный и юридический факультеты; влияние профессора Коркунова. Переход в консервативный лагерь. Недостатки программы и

способов преподавания на юридическом факультете; узкоспециальный характер его и отсутствие национальных начал. Столичные театры и искусство. Государственные экзамены; кутежи в Киеве; выбор государственной службы.

Так Днепром и театром была заполнена лучшая часть нашего гимназического времени.

Наше отношение в гимназии к процедуре получения аттестата зрелости как к неизбежному злу ярко проявилось в обстоятельствах окончания нами гимназии, вызвавших по нашему адресу даже резко обличительные статьи в прессе. «Киевлянин»¹ объявил, что хорошо юношество, которое входит в жизнь ворами.

Дело в том, что главную часть экзамена на аттестат зрелости составляли у нас так называемые письменные испытания по древним языкам, математике и словесности. Тема испытания вырабатывалась в Управлении учебного округа², для всех гимназий округа одна. Темы в пакетах за печатями округа хранились в окружной канцелярии и затем рассылались во все гимназии. Группа гимназистов нашего класса вошла в переговоры с одним ловким киевским евреем относительно похищения «тем»; сумма вознаграждения была условлена в несколько тысяч рублей и собрана по добровольной подписке; в нашем классе оказался один только юноша, да и тот первый ученик-зубрила, который отказался принять участие в нашем предприятии. Еврею с большим

риском удалось остаться в Канцелярии попечителя Киевского округа на ночь под столом, вскрыть ящик стола, вскрыть пакеты, переписать темы и затем запечатать их наново и вообще привести все в порядок.

Таким образом, за несколько дней до экзамена мы знали, о чем потребуется писать, и все заранее подготовились. Один я, абсолютно не интересуясь древними языками, которыми я владел совершенно свободно, впал в какую-то непонятную лень; сочинение на тему «Поэт в произведениях Пушкина» решил написать с экспромта, а задачу по алгебре прослушал невнимательно, слабо усвоил ее разрешение и ограничился тщательным, чисто механическим подчеркиванием в сборнике логарифмов тех цифр, которые относились к задаче. Последнее обстоятельство и спасло класс от передержки всех письменных испытаний: учебник (сборник логарифмов) оказался старым, со многими другими кроме моих отметок; я в них так долго разбирался, что задача к сроку оказалась мною не решенной. По древним же языкам весь класс так одинаково хорошо написал работу, что, в связи с возникшими в городе слухами о краже тем, была назначена переэкзаменовка. Только добряк Григорович никак не мог понять, как могли стать известными ученикам темы, и возмущался назначенной переэкзаменовкой. Я помню, с каким трепетом все экзаменующиеся, застыв в молчании, ждали торжественного объявления тем директором гимназии; этому предшествовал осмотр печатей комиссией учителей; когда

пакет подносился к окну и все внимательно осматривали печать, водворялась гробовая тишина; всеми владела мысль, не замечен ли какой-либо дефект в печати; затем ожидание, не надул ли еврей, та ли тема, которая была им нам сообщена. Все это само по себе издергало уже нервы гимназистов, а тут еще вторичное письменное испытание по древним языкам. Учителя поняли настроение экзаменовавшихся и не препятствовали на вторичном экзамене знатокам греческого и латинского языков открыто диктовать перевод; в числе этих знатоков был, конечно, и я; когда мы входили в актовый зал, то за меня держался гуськом целый хвост товарищей, человек в двадцать; за другими тремя-четырьмя классиками-специалистами тянулись такие же группы; рассаживались за столы все группы, имея во главе своего, так сказать, лидера-знатока; я диктовал перевод своему соседу, он писал и одновременно читал следующему и т. д. по определенной линии. Экзамен, конечно, всеми был выдержан блестяще, а я за классические познания получил, как обыкновенно, удовлетворительные отметки и по математике.

Ощущение свободы после окончания выпускных экзаменов с такой захватывающей радостной силой, как весной 1893 года, никогда, вероятно, не повторилось бы в моей жизни, если бы через 25 лет мне не пришлось испытать равносильного счастья при освобождении от большевистского ига³.

Окончившие гимназию узнавались на улицах по их сияю-

щим физиономиям, даже если на них не было свеженьких студенческих фуражек; почти все в день выхода из гимназии закурили только для того, чтобы демонстрировать свое право курить на улице. Моя компания пировала по поводу получения аттестата зрелости где-то за городом, закончив кутеж на Жуковом острове близ Китаева⁴; не помню, по какой причине, я потерял свою компанию, кажется, потому, что был занят приобретением штатского одеяния, но вспоминаю, какое ужасное впечатление на другой день произвела на меня физиономия Володи Ковалевского, который заснул после пирушки в лесу, положив голову на муравьиную кучу; лицо его стало раза в три больше нормального и все было покрыто красными прыщиками; особенно ужасен был нос; в довершение эффекта щеголял он почему-то в красной турецкой фреске и с громадным мундштуком в зубах.

Кстати о моем собственном костюме: я так хотел поскорее забыть о форменной одежде, что решил приобрести себе не студенческий, а обязательно штатский костюм; с этой целью я отправился в еврейский магазин готового платья – Людмера на Крещатике, где приказчик, вероятно, убедившись в моей полной неопытности в деле мод, посоветовал мне приобрести единственную во всем магазине пиджачную пару чисто розового цвета. «Вам все в Киеве будут завидовать», – убежденно говорил он мне, и костюм был мною приобретен; такого костюма я, действительно, не только в Киеве, но и вообще нигде ни разу в жизни не встречал; я всю жизнь, до

революции, берег на память жилет от этого первого моего штатского одеяния, самый же костюм утонул во время моих опытов плавания в одежде. К розовому костюму я не нашел ничего лучше, как приобрести синее пальто, желтую соломенную шляпу по названию «Здравствуйте и прощайте» (с двумя козырьками) и какой-то громадный пестрый зонтик; на глазах было водворено темно-синее пенсне, для большей солидности. Когда в яркий солнечный день я появился в таком наряде на Крещатике, большинство знакомых не отвечало на мои радостные поклоны: меня не узнавали и смотрели на меня с нескрываемым изумлением, а когда со мною встрети­лась моя тетка Леночка, она могла сказать только «ах», и ее добрые глаза исполнились слезами.

Но меня самого, при тогдашнем стремлении моем к протесту против всего общепринятого, костюм мой более чем удовлетворял; он был эмблемой всего моего настроения, созданного гимназическим формализмом и беспорядочностью моего миросозерцания.

Случайно отбившись в день окончания гимназии от своей компании, я провел вечер в скромном ресторанчике «Север» против оперного театра, один, за бутылкой дешевого вина. Одиночество ли, или реакция на первый бурно-радостный день свободы, но мне вдруг стало грустно; я стал сознавать, что закончена какая-то значительная часть моей жизни, что начинается нечто другое, новое и, быть может, ответственное. Я задумался над тем, как малы мои знания, и

мысль о необходимости доучиваться преследовала меня, мешая отдаться непосредственному веселью. Вернулся я домой печальный и вскоре засел за учебники географии, истории и даже алгебры. Так я начал учиться... по окончании гимназии.

Что же в общем представлял я из себя на пороге университета? Довольно хорошее, по моему возрасту, знание литературы, особенно русской и Шекспира, весьма незаурядное знание оперной музыки, сильно развитое, благодаря литературе и музыке, чувство национальной гордости, скептическое отношение к современному общественному и государственному строю, вера в социалистические утопии, атеизм и сознание чувства долга по отношению к людям при одновременном стремлении ко всему экстравагантному, к какому-то «хулиганству» – вот, в общих чертах, как может быть охарактеризовано тогдашнее «я». Всем положительным я был обязан семье и внешкольным, так сказать, влияниям; всем отрицательным – влиянию, сознательному или бессознательному, современной мне системы обучения и воспитания в классических гимназиях.

Будущее мое «я» зависело при таких условиях от многих случайностей, предсказать его с уверенностью, мне кажется, было трудно.

Гимназия наша, в пределах даже выпусков моего и моего брата, дала и ряд абсолютно честных тружеников, полезных России, и несколько типов в стиле героев Максима Горького,

и людей без всяких принципов и полезной общественной роли, и, наконец, такого нравственного изувера, как комиссар народного просвещения при большевистском режиме Луначарский⁵; зародыши будущего были во всех заложены еще гимназическим режимом, но развитие их в ту или иную сторону зависело от последующих влияний и, в частности, от университета.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.